

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2023. Т. 29

№ 2

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2023. Vol. 29

№ 2

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Т. Е. Автухович, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Гродно,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы)

А. Е. Аникин, д-р филол. наук, акад. РАН
(Россия, Новосибирск, Институт
филологии СО РАН)

Дж. Боулт, PhD (Art Studies), проф.
(США, Лос-Анджелес, Университет
Южной Калифорнии)

А. В. Головнев, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Санкт-Петербург, Музей
антропологии и этнографии (Кунсткамера)
РАН)

В. Л. Иваницкий, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

С. Г. Корконосенко, д-р полит. наук,
проф. (Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
университет)

К. Кроо, д-р филол. наук, проф.
(Венгрия, Будапешт, Университет
Лоранда Этвеша)

Дж. Майклсон, PhD (Philology), проф.
(США, Лоренс, Канзасский университет)

А. Мустайоки, PhD (Philology), проф.
(Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский
университет)

Б. Ю. Норман, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Минск, Белорусский
государственный университет)

Г. Саймонс (Greg Simons), PhD, проф.
(Швеция, Упсала, Упсальский
университет)

Э. Э. Сыманюк, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)

А. Федотов, д-р филол. наук, проф.
(Болгария, София, Софийский
университет Св. Климента Охридского)

Г. Г. Щепилова, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

© Уральский федеральный университет, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

В. М. Амиров, д-р филол. наук, доц.
(Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный
университет)

Л. П. Быков, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)

Т. Ю. Быстрова, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия
современного искусства)

Т. А. Галеева, канд. искусствоведения, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. С. Глуханюк, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

О. Л. Девятова, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ю. М. Ершов, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Севастополь, Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова
в городе Севастополе)

И. А. Ершова, канд. филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Г. Е. Зборовский, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. Б. Кириллова, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Б. Н. Лозовский, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ю. В. Матвеева, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

И. Я. Мурзина, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Институт образовательных стратегий)

М. А. Мясникова, д-р филол. наук, канд. искусство-
ведения, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)

В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Е. Э. Павловская, д-р искусствоведения, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский государственный
архитектурно-художественный университет)

Т. А. Снигирева, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

О. Н. Турышева, д-р филол. наук, доц. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)

Э. В. Чепкина, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный секретарь

Л. А. Хухарева

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

- Матвеева Ю. В.* Поэзия Донбасса как документ и свидетельство.....5
- Кутина Н. А.* Сегмент аксиологического пространства сверхтекста российских СМИ в период спецоперации на Украине: *блокада и изоляция* 21
- Снигирева Т. А.* Люди и природа Урала: варианты репрезентации в литературе военных лет 32
- Амиров В. М.* Шестидневная война 1967 г. в советском пропагандистском медиапространстве 41

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Гаврилов В. В.* Медиаинтеллект как существенная характеристика целостной медиальности 50
- Лозовский Б. Н.* Антропология аудитории: новые измерения 63
- Хворова В. А.* Медiateксты современных молодежных медиа: специфика построения отношений «адресант — адресат» 77
- Беленко В. Е.* Районные газеты: итоги десятилетнего развития в условиях цифровизации (на примере изданий Новосибирской области) 85
- Бороздина У. Д.* Система коммуникативных элементов как основа современных корпоративных СМИ (на примере газет «Диалог УЭХК» и «Знамя»)..... 99
- Лапук Е. В.* Телевизионные новости в 1989–2021 гг.: хронометраж, кадр, план, движение камеры (на материале чешского информационного вещания) 108
- Антошин А. В., Антошин В. А.* Православные периодические издания русской эмиграции в Аргентине в эпоху холодной войны..... 120

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Першина А. И.* Геопозитика Сибири в повести Н. А. Лухмановой «Белокриницкий архиепиеей Афанасий» 128
- Гарифуллина Э. И.* Июньское восстание 1848 г. в эпистолярном наследии А. И. Герцена 141

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Бернатоните А. К.* Трансформация образа учителя в советском и российском кинематографе: внутрикультурный диалог 150
- Кириллова Н. Б., Лебедева В. Ю.* Визуальный язык stop-motion анимации и компьютерной графики в создании экранного образа 165
- Капкан М. В.* Гастрономическая культура как объект культурного наследия: проблемы экспертной оценки ... 173
- Автюхова О. В., Солодовникова Ю. Р.* Литературно-туристический проект «ОмскЛитераТур» как способ сохранения культурной традиции 184

ПСИХОЛОГИЯ

- Чумаков М. В., Чумакова Д. М.* Различия суицидальных намерений студентов и студенток 195

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Зборовский Г. Е., Каташинских В. С.* Символическая ресурсность научно-педагогических работников высшей школы..... 205
- Юрлова С. В.* Развитая субъектность обучающихся как фактор становления «педагогического полилога» 222

АКТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Научная статья

УДК 821.161.1-1(477.6) + 82-92 + 070.1:81 + 94(477.6)“20”

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.021

ПОЭЗИЯ ДОНБАССА КАК ДОКУМЕНТ И СВИДЕТЕЛЬСТВО

Юлия Владимировна Матвеева

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

julia-matveeva@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3810-867X>

А н н о т а ц и я. В статье сделан развернутый мотивно-тематический анализ донбасской поэзии, представленной в книге «Великий Блокпост: антология донбасской поэзии» (СПб. : Питер, 2023). Выявлены и проанализированы следующие мотивно-тематические линии: предчувствия войны; родной земли, Донбасса и Донецка; переживания огненной реальности войны во всех ее проявлениях; смерти, памяти, связи исторического прошлого и настоящего; мистериального единства живых и мертвых; культурно-языковой идентичности. В спектр внимания вошла также публицистическая составляющая донбасской лирики — ее открытая оценочность, репортажность формы, полемическая направленность. Сделан вывод о включенности этой поэзии в традицию русской гражданской и политической лирики, отмеченной именами А. Ахматовой, Н. Гумилева, М. Волошина, А. Блока, О. Мандельштама, И. Савина, Н. Туроверова, В. Смоленского, Ю. Софиева, О. Берггольц, К. Симонова, И. Елагина, поэтов фронтового поколения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэзия Донбасса; «Великий Блокпост: антология донбасской поэзии»; русская поэзия XXI в.; литература свидетельства

POETRY OF DONBASS AS A DOCUMENT AND EVIDENCE

Yulia V. Matveeva*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,**julia-matveeva@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-3810-867X>*

Abstract. The author performed a detailed motive-thematic analysis of the Donbass poetry, presented in the book “The Great Checkpoint: an Anthology of Donbass Poetry” (St. Petersburg : Piter, 2023). The following motive-thematic lines have been identified and analyzed: premonitions of war; native land, Donbass and Donetsk; experiences of the fiery reality of war in all its manifestations; death, memory, connections of the historical past and present; the mystical unity of the living and the dead; cultural and linguistic identity. The range of attention also included the journalistic component of the Donbass lyrics — its open evaluation, reportage form, polemical orientation. The conclusion is made about the inclusion of this poetry into the tradition of Russian civil and political lyrics, marked by the names of A. Akhmatova, N. Gumilev, M. Voloshin, A. Blok, O. Mandelstam, I. Savin, N. Turoverov, V. Smolensky, Yu. Sofiev, O. Bergholz, K. Simonov, I. Elagin, poets of the front generation.

Key words: poetry of Donbass; “The Great Checkpoint: An Anthology of Donbass Poetry”; Russian poetry of the 21st century; literature of evidence

Нет сомнения, что во время глобальных исторических вызовов, когда появляются новый экзистенциальный опыт, новая философия, новое искусство, литература обретает особое значение, а может, просто возвращается к своим корням, становясь подлинной гносеологией бытия. Перестает быть надстройкой и выходит на передовые позиции жизни. В 1920-е гг., формируя свою систему мышления, М. М. Бахтин писал именно об этом, внедряясь в вопросы духовно-нравственного порядка для того, чтобы обосновать свои эстетические постулаты. И такие его работы, как «Искусство и ответственность», «К философии поступка», — тому подтверждение. Здесь он сформулировал принцип «участного мышления»¹, которое одно способно дать представление о реальности. Почти одновременно с Бахтиным об этом же самом писал высланный из Советской России Н. А. Бердяев: «Сейчас все более и более признают, что существует эмоциональное познание. Это утверждал Паскаль, это утверждал Шелер, на этом настаивал Кейзерлинг. <...> Познание Смысла прежде всего сердечное» [Бердяев, с. 235].

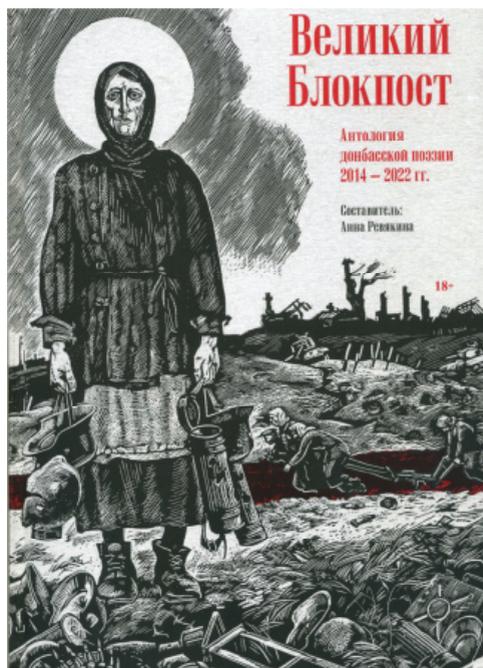
Многие, очень многие ныне хотят понять, что же происходит там — на малороссийских землях. Для этого существует несметное количество информационных источников, множество посредников, интерпретирующих реальность. Однако одно из самых главных, самых непредвзятых свидетельств — литература,

¹ «Участное мышление преобладает во всех великих системах философии, осознанно и отчетливо (особенно в Средние века) или бессознательно и маскированно (в системах XIX и XX вв.)» [Бахтин, с. 16].

созданная участниками событий, литература, сама ставшая и свидетельством, и незаменимым источником познания происходящего. Она субъективна? Лишена всеохватности? Не имеет статистических данных? Но взамен всему этому она онтопсихологична², а значит, используя термин итальянского психолога и философа А. Менегетти, — имеет неотменяемую «внутреннюю причинность» [Менегетти, с. 16]: «Доказательство всегда содержится в субъективном осознании, которое, несмотря на свою автономичность, всегда синхронно всем прочим субъективностям» [Там же].

Вот с этих позиций онтопсихологизма, «эмоционального познания» и «участного» восприятия, представляющих, конечно, лишь необходимые точки опоры, через которые просматривается даль феноменологического мышления, попытаемся прочесть недавно вышедшую антологию донбасской поэзии 2014–2022 гг. «Великий Блокпост» (СПб. : Питер, 2023. 432 с.) — внушительный свод написанных на Донбассе и о Донбассе стихов, к которым нельзя остаться равнодушным. Это стихи 45 поэтов. Разных — давно себя зарекомендовавших, облеченных академическими званиями, удостоенных литературных премий и совсем молодых; тех, кто жил и живет в Донецке или Луганске, и тех, кто приехал туда, чтобы сделать эту землю местом собственной самопроверки; имеющих гуманитарное образование и получивших образование инженерно-техническое; гражданских и военных; живых и мертвых — рамочками обведено три имени.

Составитель антологии Анна Ревякина³, предварившая книгу небольшим предисловием, называет ее авторов «хроникерами Донбасса», которые «не жалея себя», «вглядываясь в графичный бесперспективный горизонт», «написали словно бы поэтический учебник истории» [Ревякина, с. 18]. И действительно, книга,

На обложке линогравюра В. Шенделя «Год 1944» из частной коллекции Анны Ревякиной

² Онтопсихологию как особое понятие и научное направление в философию и психоанализ ввел итальянский философ и психолог А. Менегетти (1936–2013).

³ Анна Ревякина — автор восьми поэтических книг, в том числе «Восемь. Донбасских. Лет» (Изд-во «Питер», 2023) и поэмы «Шахтерская дочь» (2017).

названная антологией⁴, имеет вполне определенный сюжет, который передает течение времени от начала 1990-х, а потом от 2014 к 2022 г. Это своеобразная летопись, «повесть временных лет», где части озаглавлены по годам: «2014 год», «2015 год», «2016 год», «2017 год», «2018 год», «2019 год», «2020 год», «2021 год», «2022 год». Но есть и еще две — первая («Предчувствие войны») и последняя («Позывной Поэт»), пролог и — нет, не эпилог — кульминация, именно ею заканчивается книга, ибо композиция ее, как и главный пафос, — восхождение. Ни развязки, ни эпилога нет, они пока за границей книжного текста, ведь история, в нем поэтически представленная, еще не окончена.

Читая стихи 1990-х — начала 2000-х гг. первой, прологовой части «Предчувствие войны», поражаешься, как много в них напрогночено. «Мы все заражены / Воздушно-капельной тревогой», — напишет не дожившая до начала конфликта 2014 г. Наталья Хаткина, словно предвидя многое. — «Воздушная тревога. И в какой / подвал сойти со шкаликом чадящим, / немеркнувшей лампадкой спиртовой?» [Великий Блокпост, с. 20]⁵.

О войне, причем реальной, возможной и неизбежной писали в это время и ученый филолог Александр Кораблев, и погибший в Донецке в 2022 г. Евгений Мокин, и священник о. Дмитрий Трибушный, поэты Дмитрий Мурзин, Александр Савенков, Анна Ревякина. Приведем отдельные строки, чтобы их «воздушно-капельная тревога» была услышана:

Знаешь, если замкнуть руки и прочертить черту,
и положить меж огней, например, меч,
Можно такое, друг мой, на себя навлечь...

А. Кораблев (с. 27)

За окнами хмуро и сиро,
уснешь и увидишь во сне,
что мир разделен на два мира
в какой-то ужасной войне.

Д. Мурзин (с. 29)

Мертвые к нам не приходят во сне,
не беспокоят зря.
Все мы остались на этой войне
под залпами ноября.

о. Д. Трибушный (с. 38)

И наконец, суровый кодекс личного поведения, сформулированный по-шаламовски поэтом о. Д. Трибушным еще в 2012 г.: «Для тех, кто вырос на Руси, / не нужно школы. / Не верь, не бойся, не проси — / твои глаголы» (с. 38).

⁴ Несмотря на разнообразие наличествующих сегодня антологий, все-таки, как пишет У. Верина, «основной чертой антологии, присущей ей изначально и закреплённой в названии, была пестрота, разнообразие» [Верина, с. 74].

⁵ Все стихотворные тексты в дальнейшем будут цитироваться по данному изданию с указанием в скобках страницы.

Часть под названием «2014 год» — всецело военная. В ней стихи двадцати четырех поэтов. Практически все о войне, вернее, как это станет ясно в дальнейшем, о ее начале — о трагедии в Одессе, о Горловке, Донецке, Луганске, о России и Украине, о своем понимании войны и о собственном выборе. Одно из стихотворений этой части, написанное Владиславом Русановым, называется «Вальс обреченных» и воспринимается символично: в нем все оксюморонно и странным образом гармонично — название, где совмещается что-то салонно-светское и невозможно-экзистенциальное, маяковско-цветаевская акцентная ударность стиха и всегдашний в вальсе размер три четверти, редкая дактилическая рифмовка и чеканность рифмующихся слов. Это стихотворение о принятом вызове или даже — о вызове на вызов: четыре раза рефреном повторяются одни и те же стоические слова:

Нас не язвите словами облыжными,
Жарко ли, холодно? По обстоятельствам...
Кто-то повышенные обязательства
Взял и несет, а мы все-таки выживем.

Мальчики с улиц и девочки книжные...
Осень кружит в кварталах расстрелянных.
Знают лишь ангелы срок, нам отмеренный,
Только молчат, а мы все-таки выживем.

Не голосите, холено-престижные,
Будто мы сами во всем виноватые.
На небе облако белую ватую
Мчит в никуда, а мы все-таки выживем.

Не разобраться, что лучше, что ближе нам?
«Шашки подвысь, и в намёт, благородие!»
Нам смерть на Родине, вам же — без Родины.
Вот как-то так... А мы все-таки выживем!

В. Русанов (с. 48)

Вообще, можно сказать, что часть «2014 год» формирует проблемное и мотивно-образное единство всей книги. И это не случайно, ведь основные экзистенциалы, они же — образные доминанты, оказались заданы и сформированы уже тогда. В дальнейшем, в стихах 2016–2021 гг., в соответствии с логикой исторических событий они будут меняться, уходить вглубь, обретать иные обертоны, но в целом сохраняют свою актуальность и выразительную мощь до последних страниц антологии. Не станем говорить здесь подробно о развитии этих мотивов (отдельная, очень важная тема), постараемся лишь определить самые главные и самые устойчивые из них.

В качестве первого, многое предопределившего, назовем мотив родной земли, Родины, Донбасса, всех затронутых войной городов и шахтерских поселков. Это Луганск и Горловка, Макеевка и Мариуполь, Нижняя Ольховая и Лиман — они и многие другие образуют собирательный образ почти мифической страны,

сравнимой с исчезнувшей Атлантидой, неприступным Карфагеном, республиканской Испанией, не сдавшейся Брестской крепостью:

Я заклинаю свою землю —
я знаю, она спит, она не убита:
просыпайся, моя бедная
неприкаянная Атлантида.

А. Федорова (с. 85)

Да, Карфаген,
и он же — Брест.
Пускай твердят:
«Delenda est!»
с экранов брошенной страны,
но ганнибаловы слоны
увидят желто-синий Рим,
и вот тогда поговорим,
что здесь бесчестье,
что здесь честь...
И кто из нас
«Delenda est!»

В. Русанов (с. 238)

Над всей Испанией — безоблачное небо —
прочитано в советском пятом классе...
Мы подпоем Гренаде, где ты не был,
мы разобьем франкистов здесь, в Донбассе!

О. Измайлов (с. 89)

И все-таки самым главным городом военного противостояния, конечно же, стал Донецк. Ему адресовано множество стихов, и все они пронизаны невероятной, неистребимой любовью. Это и лирически-нежные, элегические строчки («Есть в городе моем прекрасные места, / есть осень в нем и терпкий запах чая...» (В. Теркулов, с. 166), это и строки, выражающие внутреннее понимание ментальной особенности Донецка: «Я люблю тебя, город мужчин, / С подведенными черным глазами...» (А. Ревякина, с. 40). Но намного чаще Донецк представлен поэтами антологии как неприступная, хоть и обреченная цитадель, как город смерти: «Расстрелянный город» (И. Караулов, с. 313), «харонова пристань» (Е. Воронов — позывной «Егор», с. 377). Быть может, особенно грозным, мрачным и, несмотря на все это, по-дантовски трагически великим представлен Донецк в стихотворении *Акима Апачева*, написанном в жанре послания — от мертвых к живым:

Мы все мертвы, и крови больше нет,
и плоти нет, и боли нет, и стонов.
По взорванной порубанной земле
шагают легионы скелетонов.

<...>

Покойники на мертвых пустырях
в одном строю натянута, как стропы.
И я стою, и на моих костях
стоит Донецк — сияющий Некрополь.

Нам кость за кость, нам только прах за прах,
но где-то посреди великой битвы
я слышу зов: сверху на небесах
поют живые нам свои молитвы...

(с. 333)

Стихотворение А. Апачева производит сильнейшее впечатление, однако «сияющий Некрополь» — к счастью, не единственный символ и метафора Донецка. Гораздо чаще он воспринимается сквозь призму библейской образности и библейской метафоричности, которая для многих поэтов антологии становится ключевой в осмыслении «донецкой темы»: «Гори, Донецк неопалимый, / и не сгорай» (о. Д. Трибушный, с. 55); «Но город жив и вопреки наветам / Восстанет, смерть поправ, неопалимый» (В. Русанов, с. 107), «Весь город Гефсиманским садом / Стал в ожидании рассвета...» (В. Теркулов, с. 264); «...мой город горит, как свечка / у Господа на престоле» (А. Федорова, с. 85).

С темой Донбасса, Родины, Донецка напрямую связана во всех частях антологии другая важнейшая тема, которую можно было бы обозначить так же, как сто лет назад назвала свою книгу о Первой мировой войне С. Федорченко — «народ на войне»⁶.

О том, что главное в большинстве стихотворений — передать самоощущение людей воюющих, погибающих, расстреливаемых ракетными ударами и выживающих, — говорить не приходится. Не случайно так часто здесь лирическое «я» поэта заменяется лирическим «мы». Любому русскому читателю понятен этот прием. Культурный код нашей памяти сразу подсказывает, когда именно лирическое «мы» становится главным: стихи А. Ахматовой времен революции, а потом — Великой Отечественной, А. Блок с его «Скифами», О. Мандельштам, говорящий от имени «миллионов убитых задешево», военная лирика — все это моменты великого накала и народной консолидации перед лицом опасности и возможного уничтожения. Вот и донбасские поэты обретают способность говорить от лица многих: «*Мы* ехали споро, / *мы* мчались на ноль, / *мы* бережно в скорой везли его боль...» [Здесь и далее курсив наш. — Ю. М.] (Г. Егоркин — позывной «Сид», с. 422); «*Мы* головы зря задирали / в холодную, твердую высь...» (Е. Мокин, с. 341); «Запомни, чего *мы* хотели: / прогнать непроглядную темень, / любить и остаться людьми» (О. Старушко, с. 338); «*Мы* отходили. Медленно и больно» (Е. Заславская, с. 329); «*Нацисты* целились не в *нас* — / попали просто»

⁶ Софья Захаровна Федорченко, ставшая сестрой милосердия в самом начале Первой мировой, опубликовала в 1917 г. основанную на собственных впечатлениях, уникальную в русской литературе 1910–1920-х гг. книгу «Народ на войне». Основательно и аналитично об этой книге написала венгерская исследовательница Ж. Димеши [Димеши].

(А. Шмелев, с. 317); «*Мы* — осколки русской весны, / городов пустеющих эхо...» (Г. Титов, с. 269); «*Мы* обязательно умрем, / но мало кто в своей постели» (В. Русанов, с. 255); «*Наши* степи гуманитарные, / *наши* улицы вне закона» (А. Ревякина, с. 183); «Услышь *нас*, Господи, / *мы* живы...» (Л. Гонтарева, с. 52).

Есть стихи, где это коллективное «мы» как бы на глазах собирается из разных местоимений и разных «я» — например, процитированное выше стихотворение «Delenda est!» В. Русанова: «...*мы* — Карфаген. / *Я* — Карфаген. / *Ты* — Карфаген. / *Он* — Карфаген» (с. 238). Или «черная» считалочка *Александры Хайрулиной*, в которой коллективное «мы» собирается из множества голосов тех, кто погиб:

раз, два, три, четыре, пять —
я хочу *вас* сосчитать.
два, четыре, восемь, шесть —
нас тебе уже не счесть.
десять, двадцать — не смеси,
сквозь десятки проходи.
<...>
добровольцем призван в рай,
не считай *нас*, не считай...

(с. 100)

Вообще, момент единения живых и мертвых присущ всей донбасской поэзии, и «народ на войне», в ней представленный, — это, в христианском смысле слова, единое человечество, в котором те, кто стал духом, столь же реальны, столь же осязаемы в духовно-нравственном смысле, как и живые. Но где-то за границей земного бытия все погибшие воскресают, вступают в новое единение с живущими. С другой стороны, они, эти герои и мученики XXI в., вступают в контакт с теми, кто точно так же пал в боях на донбасской земле во время Великой Отечественной. В результате создается поразительное впечатление многослойной и великой мистерии.

На Саур-Могиле
Опять его убили.
Его убили снова.
Красивого, родного,
с глазами, как у мамки...
Арта. Пехота. Танки.
Как в страшном 43-м,
уже в другом столетье.
Там где отцы и деды
сражались за победу,
он там же пал, он с ними
теперь в одной могиле.
На высоте контрольной
героем стал невольню.

Е. Заславская (с. 100)

Убитые приходят и говорят с живыми,
Время замирает, затем идет вспять.

А. Курапцев (с. 136)

Да, свет. Да, смерть. Да, это не финал.
Андрюха снился, он мне так сказал.
Он нынче в курсе более, чем мы,
которые лишь в поисках ответа.

А. Долгарева (с. 364)

Знаковым в этом ряду кажется стихотворение *Дмитрия Молдавского* «Пасхальное», где мистериальный сюжет ежегодного праздника Воскресения Христова актуализируется и наполняется своим, сугубо военным содержанием:

Две тысячи лет Он один ходил,
а сегодня ведет десант.
Их не остановят ни Javelin,
ни Ваугактар, ни нацбат.
Они опустятся в глубь глубин,
достигнут сумрачных врат.
«Батя, заходим! Гиви, прикрыл!
Работаем, брат Ахмат!»
<...>

Посадят в автобусы весь мирняк,
пленных возьмут в кольцо.
И ад опустеет. Аминь, будет так!
Пасха, в конце концов.

(с. 334–335)

Много раз у разных авторов повторяется мотив пребывания на границе жизни и смерти, когда живые пишут и думают о себе как о погибших или же как о тех, кому рано или поздно предстоит умереть: «Если честно — мне вовсе не верится / до сих пор, что я все еще жив» (А. Шмелев, с. 153); «Был я жив, а теперь — не знаю, / но уже как будто привык» (Г. Титов, с. 322); «Точки расставлены. Границы стерты. / “Живой” означает “потенциально мертвый”» (А. Пелевин, с. 181).

Особое значение в создании картины запредельной донбасской реальности имеет ролевая лирика, которая представлена разными вариантами: это и вкрапления «ролевого» повествования, и целые стихи, написанные от имени разных героев — сказочного персонажа: «я маленькая девочка, / я — Дороти с Тотошкой, / я — Элли, как меня ни назови...» (А. Хайрулина, с. 169), военнопленного, приготовившегося умереть (М. Курчатова, «Миротворец», с. 176), от имени бойца (Г. Кубатьян — позывной «Репортер», «Резервист ЛНР Саня», с. 405), от имени «усыновленного» солдатами кота: «Я старый окопный потрепанный кот, / Хромаю, скачу на трех лапах» (М. Афонин, с. 119), от имени обреченной на гибель боевой собаки (Г. Егоркин, «Собачий рай», с. 412). Такой способ приблизить реальность работает безотказно, заставляя читателя встать в ситуацию, начать дышать тем

же воздухом. Но самая страшная ролевая лирика написана от лица мертвых, и таких стихотворений немало. Два из них так и называются «Живым!» и «Письмо живым» — это вышеупомянутое стихотворение А. Апачева и написанное в стиле рэпа стихотворение *Катерины Катиной*. Последнее читается как подлинное завещание de profundis, если знать, что автора — талантливой, красивой, совсем молодой поэтессы, журналистки, военкора — в живых уже нет:

Телефонная книжка становится короче,
ужасные новости чаще приходят ночью.
С поля боя лучшие сразу уходят в небо...
Вчера была быть, а сегодня — небыль.
Каждый день мы уходим в бессмертный полк.
Перемирия сменяют друг друга, какой с них толк?
Идет кровавая партия на шахматной доске...
Ты взираешь на нее в предсмертной тоске.
На погосте все в цветах и новые кресты.
Вчера был он, сегодня я, а завтра — ты.
<...>

Мы хотели лишь жить, а не убивать,
но за нами пришли, и пора умирать.
За свободу мы платим высокую цену...
Чтоб ты жил, развивался и строил систему,
брал кредит и гонялся за новым айфоном,
мы в окопе по-братски делим патроны.
Только истина в том, что ты тоже мертвец,
мы живее тебя, ты — безумный глупец.
Пусть тела наши — прах, но осталась душа,
ты же душу продал, а за ней ни шиша!

(с. 222)

Вслед за ролевой поэзией огромное значение для персонализации «народа на войне» принадлежит стихам-портретам, воссоздающим образы самых разных людей, защищавших и защищающих Донбасс. Это целый ряд стихотворений Григория Кубатьяна («Доброволец Киллер», «Резервист ЛНР Саня», «Резервист ЛНР Цыган», «Снайпер ДНР»), это стихотворение Семена Пегова «Моторола», посвященное знаменитому полевому командиру Арсену Павлову, стихотворение Григория Егоркина «Пускепалис» об актере и режиссере Сергее Пускепалисе, который тоже «шагнул в ряды, / пополнил списки / тех самых — вечно молодых, / что с обелисков» (с. 412). Есть несколько посвящений К. Катиной, запечатлевших ее образ и трагедию ухода, — стихотворение Наталии Курчатовой «У моторынка, где транзисторы...», Анны Ревякиной «У них спор, кто больше ему жена...», Александры Хайрулиной «Памяти Катерины Катиной».

Среди стихов разных поэтов нередко встречаются нарративные, где рассказываются истории, воспроизводятся отдельные эпизоды. Много таких «историй» в подборках А. Долгаревой, которая свой журналистский опыт и, очевидно,

многочисленные беседы, встречи, впечатления перекладывает в поэтическую форму, создавая почти новеллистические циклы. Нередко встречаются «истории» в стихах А. Ревякиной («У меня есть брошь из Белграда..»), О. Старушко («Матч»). Острсюжетными фронтовыми сценками являются практически все представленные стихотворения Г. Егоркина:

Тяни меня, сестрица,
тяни, сколь хватит сил.
Какое там жениться! —
Я ж толком не любил.
<...>
Бинтуй сильнее, сестричка,
стерплю, сама не трусь.
В тебя, в твои косички,
поправлюсь — и влюблюсь!
(с. 414–415)

Врезается в память стихотворение В. Русанова «Ангелы Донбасса» — рассказ о трех детских судьбах — о тех, кто «мог бы стать актером / врачом, / инженером, / шахтером, / пилотом...», но «остался под обломками рухнувшего здания», «зацепился за “растяжку” / по дороге в школу», был убит осколком, «когда по Камброду / отработали украинские / минометы» (с. 149–150).

Война превращает в антимир и антипоэзию любую зарисовку, любой пейзаж, любое повествование о действиях людей, о празднике, о завтрашнем дне. Именно таким предстает Донецк накануне нового 2015 г. в одном из стихотворений о. Д. Трибушиного, где интонации Г. Иванова, образы М. Лермонтова, И. Бунина и А. Блока проецируются в пространство инобытия:

Над городом гуманитарный снег.
Патрульный ветер в подворотне свищет.
Убежище — читает человек
на школе, превращенной в пепелище.
У всякой твари есть своя нора.
Сын человеческий может жить в воронке.
Артиллеристы с самого утра
друг другу посылают похоронки.
Еще один обстрел — и Новый год.
Украсим елку льдом и стекловатой.
И Дед Мороз, наверное, придет
на праздничные игры с автоматом.
(с. 54)

В этом же ключе — выворачивания наизнанку привычных поэтизмов и просто привычных ощущений — написано стихотворение Дмитрия Мурзина «Пальцы блогера», которое представляет собой развернутую реплику на известное стихотворение А. Вертинского «Ваши пальцы пахнут ладаном...». Пальцы человека

из Донбасса пахнут «кровью, гарью, миной-дурой», «Славянском, Донецком, Счастьем, / пеплом, Горловкой и прахом, / и расстрелянной медчастью» (с. 110). В гуманистическую инструкцию военного времени превращает другой поэт — В. Русанов — философский императив И. Бродского «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку»: «Не доставай гранату, / не извлекай чеки — / даже солдату НАТО / смерть встречать не с руки» (с. 320). Сама поэзия в условиях постоянного пребывания на краю бездны становится всего лишь особым языком, которым можно как-то по-новому рассказать о войне. «Кровью добывается в атаке / неза-тертых слов боезапас»: «Минометных стрельб силлаботоника, / рукопашных гибельный верлибр. / Сохранит издательская хроника / самоходных гаубиц калибр» (И. Караулов, с. 74).

Так, благодаря разноуровневой и в то же время почти протокольной фиксации, создается представление об изуродованной, но не уничтоженной донбасской реальности, которая имеет свой резкий колорит — трагически высокий и по-человечески очень страшный.

Однако представление об этой реальности и, главным образом, о людях, живущих и действующих в ее границах, не будет полным, если не рассмотреть аксиологический аспект созданной ими «новой» поэзии. А это, прежде всего, публицистическая составляющая антологии, которая сильна и ощутима, ведь вошедшие в нее стихи есть не что иное, как попытка осмыслить историю, разобраться в политике, высказать личную оценку, вынести собственный приговор. «Что о войне думали» — так озаглавила последнюю, восьмую часть своей книги вышеупомянутая С. З. Федорченко, так можно было бы озаглавить и наши наблюдения над поэтической аксиологией воюющего девять лет Донбасса [Федорченко, с. 70].

Безусловно, материал, который дает в этом смысле книга, — огромен: каждая часть и каждый поэт предлагают свое видение и понимание ситуации. И все же есть смысл прислушаться к этим максимам даже в том весьма редуцированном и обобщенном виде, который неизбежно получается в результате аналитической выборки.

Начнем с метафор войны, ибо в них формульно содержится концепция для-щегося вот уже девять лет донбасского конфликта. В антологии их много, и они очень разные, почти всегда хорошо понятные, так как то, с чем сравнивается донбасская эпопея, обычно лежит в сфере истории или культуры. Перечислим некоторые примеры: метафоры ментального характера — «война миров» (И. Купреянов, с. 361), «силы света и силы тьмы» (А. Ревякина, с. 83); метафоры историософского плана — «...в степях Московия воюет с Древним Римом» (И. Купреянов, с. 361); культурно-исторические — «реконкиста русская», «братоубийственные саги и песни Старшей и Младшей Эдды» (А. Сигида (младший) — позывной «Захар», с. 398), «война севера и юга» (И. Караулов, с. 299), «новый холокост» (о. Д. Трибушный, с. 55), «Тропа Ахилла» (С. Пегов, с. 212); «вторая мировая» (О. Старушко, с. 100); метафоры эмоционально-выразительные — «черный жернов», «русская рулетка», «мясорубка расчеловечивания»

(Е. Заславская, с. 50). Все эти иносказательные определения имеют очевидную когнитивную составляющую и такую же очевидную оценочность, из которой ясно, что все, что в них сказано — сказано о войне менталитетов, культур, географических пространств, добра и зла, но вместе с тем — и о войне между представителями одного народа.

Мотив братоубийства вообще стал одним из постоянных в донбасской поэзии, обращенной одновременно и к архетипическим, и к этническим, и к социально-историческим ее корням. Так, в целом ряде стихов возникают библейские образы Каина и Авеля — первого на земле убийцы и первой смиренной жертвы: в библейском ключе рассказано в лаконичном стихотворении Д. Мурзина о начале донбасского конфликта («Принесли на Авеля похоронку. / Тишина стоит, что ни звук — то всхлип, / тишина стоит, только треск в колонках. / И не в курсе Каин, что он влип...», с. 45); в этих же библейских образах говорит о мечте своего героя А. Хайрулина («А я живой, у меня жена и сын, / и мечта о мире, в котором Каин Авеля не убил», с. 229). О не-братстве когда-то одного народа, разделенного на два вражеских лагеря, читаем во многих стихах: «Стреляет в русских людей / когда-то русский пилот» (Г. Титов, с. 67); «Ночь открывает объятия / Адово, адово, адово. / Снова дары от *небратьев* / Падают, падают, падают» (В. Русанов, с. 256). Притчей отвечает на пресловутый вопрос о «братстве» в своем стихотворении «Тесто» А. Ревякина: «...представь себе / тесто, вымешанное руками хозяйки. / Если от него отнять кусок и поставить в печь, / как ты этот кусок снова сделаешь клейким? / Как его снова сделать тягучим и белым?» (с. 307).

Чтобы лучше понять мироощущение жителей Донбасса, важно вчитаться и в систему их самооценок, в то, какое место — как им видится — они занимают в ходе конфликта, а также в большой истории, совершаемой при их непосредственном прямом или косвенном участии. Образ Авеля здесь не случаен, конечно. Ибо кем можно считать безвинно убиваемых... Но это не единственное самоопределение. В стихах периода действия Минских договоренностей, когда возникла «между войнами переменка» (О. Измайлов, с. 223), часто звучит горечь, недосказанная обида: донбасцы именуют себя то «печальными правнуками Кремля», вышедшими «из земли другого сорта» (о. Д. Трибушный, с. 121), то «осколками русской весны» (Г. Титов, с. 269). А то просто причисляют себя к тем, кому суждено продолжить узнаваемый сюжет давней русской истории:

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, русская рулетка,
Умереть, пока не успели состариться,
В XIX, XX, XXI веке.
Эти русские девочки не меняются:
жена декабриста, сестра милосердия,
любить и спасать, пока сердце
в груди трепыхается,
В XIX, XX, XXI веке.

Е. Заславская (с. 50)

Многие стихи представляют собой попытку прорвать плотину равнодушия, привычку мира слушать и не слышать «фоновые» новости о бесконечной веренице смертей где-то там, между Украиной и Россией: «Нам нечем порадовать свет, / все это не неинформативно. / Другой информации нет. / “Убили, убили”. Рутинка. / Расстрелянный город Донецк, / Макеевки взрывы и стоны, / и тянутся ленты агентств, / вплетаясь в венок похоронный» (И. Караулов, с. 313).

Примечательно, что в текстах непосредственно военных лет — 2014 и 2022 гг. ощущение собственной жертвенности, беспомощности перекрывается ощущением силы, правоты, веры в обновление истории и создание новой России: «Россия впервые за столько лет / Снова стала — Страной!» (И. Купреянов, с. 78). Особенно это относится к стихотворениям воюющих поэтов: «Вперед, танкисты! / Вперед, пехота! / Мы снова из тех, кто прибывает свой щит на ворота» (О. Миронов — позывной «Макаревич», с. 390); «Мы снова солдаты. / Мы стали другими» (И. Асвальд — позывной «Пумба», с. 404); «“К оружию, братья, к оружию!” — рокотом зов ДНР. / Рождаются вехи истории — верхом на броне БТР»; «Так умирают империи. Империи рождаются так» (О. Миронов, с. 387); «...мы границу страны бережем / от врага, что стоит на подходе» (С. Лысенко — позывной «Лысый», с. 373).

Останавливает внимание стихотворение А. Долгаревой «Русские солдаты — лучшие из людей», где оба взгляда — тех, кто видит свое предназначение в жертвенности, и тех, кто видит его в поступке, — контаминируются, рождая катарсис. Здесь есть и ощущение иррациональной неизбежности победы: «Мы побеждаем Господним чудом, оно сильней, / чем логика, разум и даже наш бабий вой», есть и понимание того, что победа погребет тех, кто ее приближает: «Наши кости станут стенами новой империи. / Наша кровь станет космическим топливом. / Мы потомки Юры Гагарина и Лаврентия Берии, / винтики госмашинны неповоротливой» (с. 367). Однако финал стихотворения несет очищение, просветление:

Но к чему прикоснулась Россия — то навсегда Россия.
Мы излучаем Россию, в Бозе почия,
мы возвращаемся живыми аль неживыми,
на ислевших нашивках неся ее имя.

(с. 367)

В связи с очевидным публицистическим дискурсом донбасской поэзии нужно сказать и еще об одной ее особенности — полемической направленности. Она буквально пронизывает всю книгу, и это понятно — находясь в самом центре событий, невозможно не откликаться, не реагировать на те множественные суждения, мнения и высказывания, в которых обесценивается настоящее и меркнут святыни прошлого. Так, например, резким ответом Д. Быкову стало стихотворение М. Ватутиной «Твердишь — у победы цена высока» (с. 234), ответом либерально настроенным «миротворцам» — стихотворение А. Сигиды (младшего) «Пацифистам»: «Они приходят, с лирами и фондами. / Их голос ангельский — так звонок вдалеке! / Но вижу я холодный коготь Мордора / в протянутой в приветствии

руке» (с. 395). Таким же ответом далеким от военной реальности работникам культурного фронта стали стихотворения В. Русанова «Хорошо быть русским поэтом...», «Когда в эфире что ни час...» и А. Долгаревой «А они говорят миру мир, пису, говорят, пис...»:

Нет, это все правда, искусство превыше правды, нелюбви, сатаны,
локальных конфликтов, мелких калибров, границ страны,
но я не вернулась с войны, понимаешь, не вернулась с войны.
Я бы хотела вернуться, но я не вернулась с войны.
Сердце мое в степи клюют черные вороны.
Тело мое разметано на все четыре стороны.
<...>

Так что я не спору, искусство выше, любовь всегда победит,
снимай свой клип, езжай в свой Киев, танцуй под бит,
а я уже все сказала.
И сердце мое разрывается на шматки,
как донецкое сало.

(с. 219)

Наконец, есть и еще один мотив, не затронув который, нельзя завершить наш очерк — мотив культурной и языковой идентичности: русского слова, русского языка, русской культуры, русской литературы, русской поэзии. Поэты Донбасса ощущают себя внутри именно этой родной для них литературно-языковой стихии, чувствуют себя защитниками ее границ, ведь «нацисты» пришли «за словом» — «стихами Пушкина», «Толстого прозой» (А. Шмелев, с. 317); как пишет А. Ревякина, «мой язык поэтический уродлив для русофоба», «сложен и неприемлем» (с. 82). Сердце — Родина — русский язык — такой треугольник выстроил в одном из своих стихотворений Герман Титов: «Мое сердце опять под бомбежкой. / Моя родина — русский язык» (с. 322). Эта связь очевидна и в лирике других авторов: «Это сосны скрипят по-русски» (А. Дмитриев, с. 59); «А в Донецке цветет магнолия / на бульваре солнца русского ямба» (А. Ревякина, с. 349); «сражается русское слово / на полсердца всегда впереди...» (Г. Титов, с. 325); «Все, что от нас останется, — это грамота точка ру» (М. Панчехина, с. 96). Можно вспомнить также тонкое, нежное стихотворение Алисы Федоровой, посвященное Рождеству, снегу, зиме и слову, которое животворно: «...а свет звезды в глазах многоэтажек — / всего лишь слово, слово и стекло. / И слово спит. В яслях его тепло. / Мир назван, искуплен и принаряжен» (с. 133). Одно из стихотворений 2022 г. совсем молодого луганского поэта Ивана Асвальда так и называется — «За русское слово». Стихотворение горячее, декларативное, романтическое, и «русское слово» в нем абсолютно синонимично «правому делу»: «И ради победы / мы к смерти готовы! / За правое дело. / За русское слово» (с. 404). Что же касается русской литературы, она для поэтов Донбасса составляет особую реальность — точку опоры, образец, символ веры. Авторы антологии часто цитируют русских поэтов — Пушкина, Лермонтова, Блока, Мандельштама, Иванова, Есенина, Маяковского, Пастернака,

Бродского. Они уверены в том, что русская литература за них, на их стороне: «Толстой и Пушкин на войне — / в столице пусто» (А. Шмелев).

Разумеется, все сказанное в этом аналитическом обзоре не охватывает ни полноты содержания, ни многообразия поисков и чисто художественных находок донбасской поэзии, которая, по-видимому, только набирает силу и действительно становится крупнейшим достоянием современной русской культуры. Это по-настоящему гражданская и, если угодно, политическая поэзия, но совсем не в том смысле, под которым подразумевается обычно рифмованная публицистика. Это поэзия из самой-самой воронки истории, эпицентра катастрофы, где право на гражданское высказывание окупается кровью и жизнью. Донбасская поэзия ближе всего к поэзии эпохи Гражданской войны (А. Ахматова, А. Блок, В. Брюсов, М. Волошин, В. Ходасевич, М. Цветаева), Воронежским стихам О. Мандельштама, «Реквиему» и «Мужеству» А. Ахматовой, поэтическим свидетельствам воевавших поэтов-эмигрантов — И. Савина, В. Смоленского, Ю. Софиева, Н. Туроверова, поэтическому наследию поэтов Великой Отечественной, среди которых О. Берггольц, К. Симонов, А. Твардовский, замечательный ряд имен, принадлежащих поколению «сорокового года»⁷. Все это — одна линия, один и тот же вектор: документальных свидетельств, мучительных раздумий, страшных открытий, последних признаний, но при всем том — высокой катарсической трагедии, выраженной в поэтическом слове.

Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев, 1994. С. 9–255.

Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994. 480 с.

Быков Л. П. «Поколение сорокового года»: на войне и после // Феномен поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков : монография / [А. В. Антошин и др.]; под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Д. В. Спиридонова. Екатеринбург, 2022. С. 110–130.

Великий Блокпост : антология донбасской поэзии 2014–2022 гг. СПб., 2023. 432 с.

Верина У. Ю. Современная поэтическая антология: генезис, типология // Учен. зап. Орл. ун-та. 2016. № 1 (70). С. 74–81.

Димеши Ж. Начало документальной прозы в России: творчество С. З. Федорченко // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 2 (175). С. 169–177.

Менегетти А. Образ и бессознательное : учеб. пособие по интерпретации образов и сновидений / пер. с итал. М., 2000. 448 с.

Ревякина А. Донбасский сбор, или Попытка предисловия // Великий Блокпост : антология донбасской поэзии 2014–2022 гг. СПб., 2023. С. 16–18.

Федорченко С. З. Народ на войне. М., 1990. 400 с.

Статья поступила в редакцию 19.02.2023 г.

⁷ О «поколении сорокового года» см. статью Л. П. Быкова [Быков].

Научная статья

УДК 070.1:81'27 + 811.161.1'373.2 + 316.752 + 82.091 + 341.3 + 323.12(=161.1) +
+ 070.1:004.032.6

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.022

**СЕГМЕНТ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
СВЕРХТЕКСТА РОССИЙСКИХ СМИ
В ПЕРИОД СПЕЦОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ:
БЛОКАДА И ИЗОЛЯЦИЯ**

Наталья Александровна Купина

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
natalia_kupina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>*

А н н о т а ц и я. В статье представлен опыт лингвоаксиологического анализа сегмента сверхтекста традиционных и сетевых российских СМИ периода спецоперации на Украине (24 февраля — 24 декабря 2022 г.). Цель исследования — выявление ментальной специфики аксиологического пространства с учетом принятого разграничения аксиологем, контраксиологем, контекстуально обусловленной аксиологической маркированности языковых единиц. Предложена лингвоаксиологическая интерпретация маркированности лексемы *блокада*, соответствующих атрибутивных и генитивных сочетаний; контраксиологем *изолировать*, *изоляция*; группы глаголов, номинирующих технологии запрета и ограничений, направленные на исключение российской цивилизации из мирового пространства. Установлено, что политика блокады и изоляции способствует формированию аксиологического сопротивления, основанного на отстаивании базовых ценностей русской лингвокультуры. Проанализирован фрагмент аксиологического лексикона, системное описание которого является перспективной задачей отечественной лингвоаксиологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аксиологема; контраксиологема; аксиологическая маркированность; аксиологическое сопротивление; базовые ценности; сверхтекст; спецоперация; политика блокады и изоляции; русофобия

**THE SEGMENT OF THE AXIOLOGICAL SPACE
OF THE RUSSIAN MEDIA SUPERTEXT IN THE PERIOD
OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN THE UKRAINE:
*BLOCKADE AND ISOLATION***

Natalia A. Kupina

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
natalia_kupina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>*

Abstract. The article presents a linguo-axiological analysis of a supertext segment of traditional and online Russian media during the period of the special operation in Ukraine (February 24 – December 24, 2022). The aim of the study is to identify the mental specifics of the axiological space of our anxious time, taking into account the accepted distinction between axiologemes, counteraxiologemes, as well as the contextually determined axiological marking of the language units. Among suggested features are: a linguoaxiological interpretation of the markedness of the lexeme *blockade*, as well as the corresponding attributive and genitive combinations; interpretation of the counteraxiologemes *to isolate, isolation*; interpretation of groups of verbs that nominate technologies of prohibition and restrictions aimed at excluding Russian civilization from the global environment. The policy of blockade and isolation is stated to contribute to the formation of axiological resistance based on upholding the core values of Russian linguistic culture. The article reveals a fragment of the axiological lexicon, its systematic description being a future task of Russian linguistic axiology.

Key words: axiologeme; counteraxiologeme; axiological marking; axiological resistance; core values; supertext; special operation; the policy of blockade and isolation; Russophobia

Предварительные замечания

Осмысление «ценностной природы общественного сознания» [Максимов, с. 139], его состояния и динамики в период социально-психологического напряжения непосредственно связано с речевым существованием, объективно отражающим ценностные предпочтения и отталкивания носителей национальной лингвокультуры. Отметим, что в современной лингвистической науке не сложилась единая концепция «аксиологического статуса слова» [Скляревская, с. 57]. Отсутствует система собственно аксиологических помет в толковых словарях русского языка. В то же время общепризнанным является факт сложившихся ментально-ценностных констант. Представляется целесообразным разграничивать аксиологемы — прямые номинации ценностей и контраксиологемы — номинации антиценностей, а также учитывать сопровождающую употребление слова в конкретном высказывании аксиологическую маркированность, обусловленную внешними факторами. Необходимо подчеркнуть, что в ситуациях испытания активно вербализуются ценностные ориентиры носителей национальной лингвокультуры.

Так, в период спецоперации на Украине возрастает интегративная функция вербализованных гуманитарных ценностей. Высокой частотностью в речи характеризуются аксиологемы *помощь, поддержка* [Купина, с. 89–91].

В статье представлены результаты срезового лингвоаксиологического анализа сверхтекста традиционных и сетевых российских СМИ. Сверхтекст объединен категориями темы, хронотопа (спецоперация на Украине: 24 февраля — 24 декабря 2022 г.), а также точкой зрения российской стороны конфликта. Предмет анализа — реализованные в сверхтексте лексемы *блокада, изоляция*, соответствующие производящие глаголы, другие однокоренные образования, а также близкие по значению языковые единицы. Базой данных «Integrum» в отмеченный отрезок времени зафиксировано 7824 употребления слова *блокада*; 9939 употреблений слова *блокировать*; 7414 употреблений слова *изоляция*, 5508 употреблений слова *изолировать*. Критерий частотности позволяет отнести анализируемые лексемы к разряду «злободневных» [Вепрева, Купина, с. 7–9]. Цель исследования — выявление спроецированной на языковую картину мира ментальной специфики сегмента аксиологического пространства (кризис на Украине 2022 г.).

Аксиологическое осмысление блокады в ситуации военного противостояния

В системе языка закреплена органическая связь значений заимствованных слов: *блокада* — «1. Окружение войск противника с целью уничтожения, а также и з о л я ц и я враждебного государства, города с целью прекращения его сношений с внешним миром. 2. Экономическая и финансовая и з о л я ц и я какого-н. государства, обычно как мера воздействия на проводимую им политику» [Крысин, с. 133].

В толковании основного значения отражены причинно-следственные отношения: в каждой конкретной ситуации следует установить стратегически заданные результаты окружения противника. Ассоциации, обусловленные исторической памятью, — *блокада Ленинграда, снятие блокады* [НЭС, с. 623], — способствуют «взаимоадаптации предзнания и дискурса» [Демьянков, с. 19], систематизирующего «опыт очевидности» [Ильин, т. 3, с. 500].

В режиме реального времени СМИ передают информацию об окружении российскими военными, а также бойцами ЛНР и ДНР опорных пунктов противника в зоне спецоперации. В сверхтексте используются первичные значения лексем, образующих словообразовательное гнездо с вершиной *блокировать* [Тихонов, т. 1, с. 104]. Яркой образностью обладают «милитарные метафоры» [Чудинов, с. 103–113].

Запоминающееся событие — блокада окопавшихся на территории завода боевиков «Азова»*, признанного в РФ террористической группировкой. Информационные телевизионные каналы транслируют репортажи с места событий:

* Признан террористической организацией и запрещен на территории России

Бойцы ДНР блокируют по всему периметру Азовсталь (ТК1. 16.05.22, утро)¹;

Ловушка захлопнулась: боевики «Азова», удерживающие в заложниках мирных жителей, блокированы* (ТК1. 16.05.22, вечер);

Заблокированные в Азовстали боевики продолжают сдаваться в плен (Там же. 18.05.22).

Сам факт блокады азовцев оценивается как вынужденный. Аксиологические доводы: освобождение граждан, ставших заложниками (для них организованы гуманитарные коридоры); пресечение действий радикал-националистов. Значимость универсальной аксиологемы *жизнь* в границах акротезы *плен*, а не физическое уничтожение акцентирует *приказ верховного главнокомандующего: Штурм отменить* (Там же. 16.05.22).

Ежедневные обстрелы усиливают ощущение несправедливости, жестокости, бесчеловечности противника. Следственный комитет РФ предоставляет сведения о безвинно погибших:

Судя по материалам СК, на вчерашний день в зоне СВО погибли больше 4,8 тысячи мирных граждан, в том числе 130 детей. Ранения получили 8,5 тысяч местных жителей, из них 400 — дети и подростки (РГ. 16.12.22).

Защита и сохранение жизни людей — стратегическая установка спецоперации: *«Наша цель — защита людей, которые ощущают себя частью нашего народа, нашей культуры»* (В. Путин. ТК1. 22.12.22).

Результативность военной тактики блокады мотивирует одобрительную оценку контекстуально реализованных слов, объединенных смыслом «Окружение противника с целью освобождения территорий». Показательный пример: военный корреспондент Семен Пегов сообщает: *«По моим данным, блокированы около тысячи националистов. Освобождение не за горами»* (ТК1. 29.06.22). Ср: *По нашим сведениям, в Лисичанске, помимо украинских военных, засели несколько сотен западных наемников. Они в западне. Их разгром лишь дело времени* (РИА «Новости». 02.07.22). Актуальные синонимы злободневного слова *блокада* — *кольцо, котел, клещи*:

В ЛНР сообщили, что Марьинка в плотном кольце Вооруженных сил РФ (Там же. 13.12.22);

Силы ДНР хотят замкнуть кольцо вокруг Авдеевки (РГ. 03.08.22);

Наши войска захлопнули крышку донецкого котла (ТВЦ. 24.06.22);

В очередном котле полностью заблокирована украинская группировка войск (РГ. 04.07.22);

Нашим войскам удалось взять в клещи группировку ВСУ на Авдеевском направлении (ТВЦ. 23.12.22).

¹ Извлечения из анализируемого сверттекста передаются курсивом.

* Признан террористической организацией и запрещен на территории России

Обобщающий аксиологический довод: **Заблокированные части ВСУ сильно ограничены в возможности маневрировать** (Яндекс «Новости». 09.07.22).

Во всех отмеченных высказываниях положительная аксиологическая маркированность первичных значений слов *блокировать*, *блокада*, а также их синонимов определяется изменением дифференциальных компонентов основного денотативного значения при сохранении интегральной семы: «Окружение с целью нейтрализации действий противника, сохранения жизни мирных граждан, освобождения территорий». Действующими субъектами являются части ВС РФ, бойцы ДНР и ЛНР. Характерно, что попавших в окружение националистов не называют *блокадниками* — не только потому, что данное существительное обозначает «лиц, живших в Ленинграде в период фашистской блокады города» [Ожегов, Шведова, с. 51], но и потому, что ленинградцы проявили актуальные сегодня особенности национального характера (мужество, героизм, милосердие, верность долгу), во многом определившие поражение фашистов. Знаменательно, что 18 января 2023 г. отмечалась историческая годовщина — восьмидесятилетие прорыва блокады Ленинграда.

Отрицательная аксиологическая маркированность сопровождает употребление слова *блокада* и тематически близких наименований в тех случаях, если инициаторами о к р у ж е н и я являются ВСУ и поддерживающие их иностранные наемники. В границах сверхтекста формируется динамическая оппозиция *блокада* — о с в о б о ж д е н и е:

*Уже не первый месяц в обществе идут разговоры по поводу того, как наши войска будут **освободят** частично или полностью **блокированные** еще в начале специальной военной операции крупные города... Николаев, Харьков, Сумы* (РГ. 26.05.22).

Аксиологической ориентацией российских военных является о с в о б о ж д е н и е людей на захваченных территориях.

Вторичное значение лексемы *блокада* (б.) сопровождается устойчивой неодобрительной оценкой. Наблюдается расширение лексической сочетаемости, отражающей предпринимаемые недружественными странами и их лидерами многообразные меры политического давления на Россию. Выделим типичные атрибутивные сочетания: *экономическая б.*, *финансовая б.*, *энергетическая б.*, *морская б.*, *водная б.*, *транспортная б.*, *железнодорожная б.*, *дипломатическая б.* Отдельные примеры:

*Набор введенных санкций фактически означает **экономическую б.*** (ТВЦ. 12.03.22);

***Энергетическая б.** нашей страны не удалась: мы увеличили экспорт энергоресурсов прежде всего за счет Китая* (ТК1. 21.06.22);

*Сторонникам киевского режима нужно ввести и поддерживать на юге режим **морской б.*** (РГ. 31.05.22);

***Водная б.** Донецка не удалась: первые нити водопровода протянуты из России* (Р1. 21.06.22);

*В Крыму объявили о прекращении **транспортной б.** полуострова* (РИА «Новости» 10.06.22).

Меры воздействия на Россию, позиционирующую себя как центр силы, обозначаются генитивными конструкциями:

***Б. воздушного пространства** для самолета Лаврова — проявление русофобской истерии* (Р1. 07.06.22);

*Продовольственный мировой кризис становится неизбежным из-за **б. черноморских портов**; никогда прежде не было такой цензуры: **б. российских сайтов** уже никого не удивляет* (Там же. 15.06.22).

Односторонние политические решения вызывают немедленную реакцию со стороны России. Это касается, в частности, решения Литвы **заблокировать транзит грузов в Калининградскую область** (РГ. 24.06.22). Документы **о блокаде Калининградской области** Кремль незамедлительно признал незаконными и предупредил, что последствия будут травматичными для населения Литвы (Р1. 22.06.22): *Губернатор Калининградской области заявил, что **блоkada Калининграда** станет выстрелом себе в ногу со стороны Литвы* (РГ. 21.06.22). Неоспоримый факт нарушения международных законов побудил Еврокомиссию *разъяснить правила транзита и подготовить документ, разрешающий РФ транзит через Калининград* (Там же. 15.07.22).

Вильнюс, как сообщают СМИ, уступил. В итоге литовская бомба замедленного действия не сработала (РГ. 27.06.22). Конфликт, основанный не только на торгово-экономическом, но и на собственно аксиологическом противоборстве, разрешился в пользу России.

Таким образом, аксиологическая маркированность слов, обозначающих различные виды блокады в ходе специальной военной операции, определяется четким осознанием коллективного субъекта, осуществляющего блокаду, и аксиологическими императивами, задающими планируемый результат блокады. Правый член универсальной оппозиции *с в о и — ч у ж и е* конкретизируется: *ч у ж и е* — это ВСУ, иностранные наемники, радикал-националисты, а также коллективный Запад и отдельные недружественные страны.

Контраксиологема изоляции в контексте русофобской политики

Цель разработанного коллективным Западом проекта «Анти-Россия» — максимально изолировать нашу страну от мира, сделать ее *с т р а н о й - и з г о е м*. В основе проекта — *руссофобия*: «(руссо + греч. *phobos* — страх, ненависть). Враждебное отношение к русским» [АЛ, с. 871] и всему русскому. В ходе информационной и одновременно психологической войны (ср. ставшие привычными сочетания *оголтелая руссофобия, руссофобская истерия*) насаждается ненависть — «аффект, перекрывающий собой все другие имеющие распространение агрессивные аффекты» [Кернберг, с. 117] и «направляющий восприятие, мышление

и действия» [Изард, с. 27]. *Бессильной животной злобой* (Р1. 18.12.22), этнической ненавистью охвачены представители официального Киева. Так, главком ВСУ Залужный *открыто призвал убивать русских, признав это новейшей религией Украины* (Там же. 19.12.22). *Шокирующие безобразные припадки ненависти к России* (ТК1. 31.05.22) стимулируют культуру отмены, направленную на блокирование произведений классической русской литературы, музыки, живописи, а также русского языка. На Западе *официальная русофобия приобрела гротескные масштабы* (РГ. 26.09.22). Ее задача — *островизация России* (КП. 09.06.22). Чтобы осуществить эту задачу, необходимо *отгородиться от всего русского* (РГ. 06.04.22).

Тема изоляции России становится в сверхтексте сквозной. Реализация тематического слова *изоляция* и однокоренных образований [Тихонов, т. 1, с. 386–387] сопровождается устойчивой отрицательной оценкой: *США угрожают России глобальной изоляцией* (ТВЦ. 14.03.22). Поскольку изоляция — это «лишение связи с окружающей средой» [Крысин, с. 291], в высказываниях конкретизируются участки самой окружающей среды. Мы уже говорили о культурной изоляции. Политические лидеры недружественных стран заявляют о планах экономической, технической, дипломатической и даже агропромышленной изоляции России:

Боррель призвал Европу потерпеть и указал на эффект санкций. В перспективе Россия окажется в экономической и технической изоляции (Lenta.ru. 17.07.22);

Группа Семи (С7) заявила, что продолжит изолировать Россию от мировой экономики (ТК1. 20.05.22);

Постпред США при ООН заявил, что Россию можно изолировать в Совбезе (Там же. 06.04.22);

12 ноября стало известно о планах ЕС и Великобритании изолировать делегацию из России на саммите С20 (Там же. 14.11.22).

Введенные Западом санкции *должны привести к изоляции агропромышленного рынка России* (РГ. 16.03.22). В декабре был утвержден девятый пакет санкций, которые с начала спецоперации планомерно используются как инструмент политического давления. Обращает на себя внимание частичное пересечение лексической сочетаемости слов *блокада* и *изоляция*, вызванное закрепленной в языковой картине мира связью между их первичными значениями.

В начале спецоперации, 4 марта 2022 г., президент США уверял своих сторонников в том, что *Россия изолирована* (РГ). Между тем к концу года вывод не только о завершении процесса изоляции, но и о реалистичности этого процесса ставится под сомнение. Одновременно высказываются мысли о тяжелых для мира последствиях проекта «Анти-Россия». Так, на саммите С20 наблюдалось противодействие ряда стран *изоляции России* (ТВЦ. 19.11.22): *Президент Турции Эрдоган назвал цену изоляции России. <...> Политика изоляции может привести к серьезным последствиям для стран Запада* (Lenta.ru. 20.11.22). Знаменательно, что немецкий политолог Александр Рар опубликовал переведенную на русский язык книгу под говорящим названием «Ослепление. Как Европа теряет Россию».

В приведенных контекстах лексемы *изолировать*, *изоляция* употребляются как контраксиологемы.

В сверхтексте формируется группа тематически связанных слов и словосочетаний, транслирующих сведения о конкретных мерах, направленных на изоляцию России. Императивность вводимых ограничений поддерживается глаголами, которые регулярно используются в функции контраксиологем (*запретить*, *закрывать*, *отменить*, *воспрепятствовать*, *приостановить*, *ограничить*), соответствующими отглагольными существительными, а также сочетаниями типа *не позволить*, *не допустить*, *не разрешить*. В речевой оборот возвращается метафора *железный занавес*. Отмеченные единицы маркируют жесткость русофобской политики изоляции.

Обращает на себя внимание высокая частотность глагола *запретить* (59 237 употреблений) и существительного *запрет* (40 857 употреблений). Количественные показатели за истекшие 10 месяцев, извлеченные из базы данных «Integrum», свидетельствуют о невозможности смягчения введенных недопусков, в том числе в гуманитарной сфере:

Владимир Зеленский пообещал, что в стране запретят деятельность религиозных организаций, связанных с Россией (Коммерсантъ. 14.12.22);

На Украине введен запрет на использование в образовательных учреждениях книг на русском языке (ТК1. 18.12.22);

Власти Риги запретили публичное исполнение «Катюши» (Там же. 21.09.22);

В Брюсселе действует запрет на русские имена и названия (РГ. 28.09.22);

В Молдавии запретили вещание российских телеканалов (Там же. 19.12.22).

Особое распространение получили запреты в пространстве интернета. Обобщающее метафорическое суждение:

На Западе уничтожают последние признаки информационного присутствия России. В отдельных государствах в пору говорить о медиагеноциде российских СМИ (РГ. 15.03.22).

Запреты вводятся, чтобы продлить *ментальный карантин на русскую культуру, исключить российскую цивилизацию из мирового пространства, вычеркнуть Россию, наш народ, наш язык из истории* (Там же. 01.10.22).

Дополним иллюстративный материал:

Приостановка участия РФ в ЕСПЧ сделала Россию, по словам Байдена, страной-изгоем (РИА «Новости». 06.06.22);

США заложили в проект оборонного бюджета меры по исключению России из «большой двадцатки» (КП. 08.12.22);

Дипломатическая война: следующий за высылкой дипломатов этап — закрытие посольств (РГ. 06.04.22).

Метафорическое видение ситуации: *Брюссель загоняет себя за железный занавес, в каком-то животном страхе рассчитывая отгородиться от всего русского* (Там же). Отгородиться от России — значит, изолировать себя. Не случайно Ангела Меркель убеждает Запад *не закрывать окно в Россию* (Р1. 28.09.22), а Эрдоган настаивает на том, что *Россия — это не та страна, которую можно изолировать* (ТВЦ. 10.09.22).

Ответная реакция России — утверждение ментальной константы открытости. Неоднократно цитируются слова В. Путина:

«*Мы сами ни от кого не собираемся закрываться*» (ТВЦ. 12.03.22);

«*Мы ничего не закрываем в отличие от некоторых стран*» (ТК1. 11.12.22).

Общая точка зрения российской стороны противостояния:

Россия никогда не пойдет по пути самоизоляции (Р24. 18.06.22);

Россия не собирается изолироваться. И ее изолировать невозможно (Там же. 12.04.22).

Интегрирующую функцию выполняют аксиологемы, не подвергающиеся в текущее время оценочной поляризации: *Россия стоит за защиту людей, которые решили выбрать свою судьбу* (ТК1. 19.09.22). По словам В. Путина, «целью России является *объединение русского народа. Россия идет по правильному пути, защищая своих граждан*» (РБК. 24.12.22). Людей, оказавшихся в беде, защищают *наши воины, наши герои* (ТВЦ. 22.12.22), самоотверженно выполняющие свой долг на поле боя. Человеческий фактор обеспечивает прочность позиции аксиологического сопротивления в настоящем реальном времени. При этом *знания, правда, любовь к Родине — оружие России* (Коммерсантъ. 13.12.22), обеспечивающее ее безопасность. Надежду на сохранение статуса великой державы, ее суверенитета поддерживает осознание самодостаточности и жизнеутверждающее мировосприятие: *Оптимизм россиян остается высоким, несмотря на все вызовы, проблемы и беды* (РГ. 23.12.22). Не ослабевает вера в будущее: *Мы продолжим развитие нашей страны, несмотря ни на какие внешние давления. Мы обязательно станем сильнее* (Там же. 16.12.22).

Политика изоляции наталкивается на поддержку, которую оказывают России разные регионы, и на тенденцию формирования многополярного мира:

Попытки сделать из России страну-изгоя провалились. К такому неутешительному для Запада выводу пришло британское издание The Economist. Проведенное исследование показало, что действия России на Украине осуждает преимущественно Запад, в то время как в других регионах мира у России много сторонников (РГ. 8.04.22).

Запад путем изоляции стремится *разорвать Россию в клочья* (Там же. 23.09.22), *обескровить ее экономику* (ТВЦ. 10.09.22), разрушить культуру, отгородить от Европы. Развитие событий обнаруживает бесперспективность изолированных технологий запрета и ограничений: *Уничтожить Россию пытались многие, но*

за последние 1000 лет это не удавалось никому (ТК1. 13.09.22). Нельзя не согласиться со следующим суждением: *Можно, конечно, заклеймить название нашей страны на карте, на глобусе, но закрыть одну шестую часть суши невозможно. Россия была, есть и будет* (РГ. 8.04.22).

Заключение

Рациональный аналитический подход к развернутой Западом иррациональной русофобской политике блокады и изоляции способствует формированию стратегии аксиологического сопротивления, основанного на отстаивании ценностных констант российской цивилизации. В сверткесте российских СМИ вербализуется фрагмент аксиологического лексикона. Актуальными являются аксиологемы, в совокупности подтверждающие мировоззренческое единство народов России.

В период спецоперации на Украине аксиологическое сопротивление формируется на основе базовых ценностей: Россия, наш народ, наша культура, наши люди, духовная общность, жизнь, безопасность, межнациональное единство, независимость, самодостаточность, суверенитет, свобода, правда, открытость, героизм, сила воли, самоотверженность, милосердие, чувство долга.

Проведенный анализ сегмента лингвоаксиологического пространства подтвердил целесообразность разграничения аксиологем, контраксиологем и контекстуальной аксиологической маркированности слова. Перспективная задача отечественной лингвоаксиологии — системное описание аксиологического лексикона с учетом его динамики.

АЛ — Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М., 2006. 1131 с.

Вепрева И. Т., Купина Н. А. Злободневные слова на шкале времени. Екатеринбург, 2021. 314 с.

Демьянков В. З. Предвидеть и предсказать: дискурс о предзнании и прекогниция // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 65–72.

Изард К. Э. Психология эмоций. СПб., 2006. 460 с.

Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч. : в 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 383–560.

Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности // Психология человеческой агрессивности : хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. Минск, 1999. С. 115–168.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005. 939 с.

Купина Н. А. Гуманитарные ценности текущего времени // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 3. С. 87–96.

Максимов А. Н. Философия ценностей. М., 1997. 174 с.

НЭС — Новый энциклопедический словарь. М., 2001. 751 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. 944 с.

Рар А. Слепление. Как Европа теряет Россию. М., 2022. 221 с.

Скляревская Г. Н. К вопросу о стилистических пометах как средстве экспликации языковой оценки // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 окт. 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург, 2019. С. 56–58.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М., 1985. Т. 1. 856 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

Источники

Коммерсантъ	РГ — Российская газета
КП — радио «Комсомольская правда»	РИА «Новости»
Р1 — телевизионный канал «Россия1»	ТВЦ — телевизионный канал «ТВ Центр»
Р24 — телевизионный канал «Россия 24»	ТК1 — «Первый канал»
РБК — группа компаний «РосБизнес-Консалтинг»	Яндекс «Новости»
	Lenta.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2023 г.

Научная статья

УДК 821.161.1-3“1941/1945” + 94(470.5) + 502(470.5) + 7.036(470.5)

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.023

ЛЮДИ И ПРИРОДА УРАЛА: ВАРИАНТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Татьяна Александровна Снигирева

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

tas0905@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>

Институт истории и археологии УрО РАН,

Екатеринбург, Россия

А н н о т а ц и я. Предпринятое исследование сосредоточено на выявлении и анализе двух смысловых блоков, литературно репрезентирующих Урал в годы войны: уральский характер и природа Урала. Материалом исследования стали разножанровые произведения (от документального очерка до стихотворной публицистики). Показано, что представление об уральском характере как характере весьма своеобразном складывается прежде всего благодаря стороннему взгляду: командированных журналистов на Урал с целью освещения трудового подвига тыла, который сродни воинскому, и писателей, оказавшихся на Урале в результате эвакуации. Различие оптики позволило создать сложный образ уральцев: солдат сказочного мужества и мастеров высокой культуры труда, с одной стороны, народа замкнутого, строгого, не всегда дружелюбного, с другой. Столь же неоднолинейно изображение природы Урала. В статье описаны два варианта, предложенные литераторами военных лет: полностью соответствующий нормам соцреалистического канона — могучие люди Урала рождены величественной природой и реалистический — Урал как место холода, мало приспособленное для жизни. В заключение подчеркнуто, что для всей литературы доминантным было убеждение в необходимости жить и работать в тех условиях, в которые ввергла народ война.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литература военных лет; уральский характер; природа Урала; соцреалистический канон

PEOPLE AND NATURE OF THE URALS: VARIANTS OF REPRESENTATION IN THE WARTIME LITERATURE

Tatyana A. Snigireva

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
tas0905@rambler.ru,*

<https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS,
Ekaterinburg, Russia*

Abstract. The study is focused on identifying and analysis of the two conceptual blocks that literary represent the Urals in wartime: the Ural character and the Ural nature. The study material consists of works of different genres, from documentary essays to verse journalism. It is shown that the idea of the original Ural character is generally perceived by an independent view of journalists sent to the Urals to report labor feats at the home front (it is akin to the military feats), and writers stranded in the Urals as a result of the evacuation. Optical differences allowed the creation of a sophisticated image of the Ural people. On the one hand, these are soldiers of fabulous courage, and masters of high work culture, but on the other hand, these people are reserved, strict, and not always friendly. The representation of the Urals' nature is just as ambiguous. The article describes two variants offered by the writers of wartime. The first one fully meets the socialist realism canons: the mighty people of the Urals were born of a majestic nature, and this place is cold and barely adjusted to life. It is emphasized that the conviction of the necessity of living and working under the circumstances in which people found themselves during the wartime, was dominant regarding all literature.

Keywords: wartime literature; Ural character; Ural nature; socialistic realism canons

В годы Великой Отечественной войны возникает и закрепляется в общероссийском / советском общественном сознании особый статус Урала как региона — кузница Победы, места эвакуированных, а Свердловска — как города, ставшего столицей Урала, опорного края воюющей державы. Этот образ создается уже в первые месяцы войны благодаря публицистической и художественной прозе журналистов и писателей, командированных или эвакуированных на Урал. Основные темы сколь закономерны, столь и очевидны: трудовой героизм тыла сродни воинскому, Урал становится краем многонационального единства советского народа, испытание эвакуацией проходят как уехавшие от оккупации, так и принявшие обездоленных людей. Н. Ляшко, харьковчанин, литературную известность приобретший уже в Москве, во время войны жил в Свердловске. В эти годы он пишет рассказы, героями которых становятся эвакуированные на Урал с Украины люди, которые живы надеждой возвращения. Склоняясь над географической картой «каждый видит свое: кто Черное, кто Азовское море, кто Дон, Кубань или Днепр, или Донец, Кальмиус, Лугань, Миус, шахты Ирмино, Горловки, заводы Краматорска, Константиновки, Харькова, Мариуполя... У каждого в глазах реяло свое, родное» [Ляшко, с. 263]. В документально-публицистическом очерке

Льва Кассиль «За одним столом» (1942) главная героиня Александра Петровна Покосова принимает в свой небольшой дом дочь и внучку Фаню, успевших уйти из Минска (зять, Абрам Исаевич, ушел добровольцем на фронт), приехавшую из Днепропетровска сноху с сынишкой Тарасиком, подругу дочери крымскую татарку с четырехлетним Юсупиком, отец которого остался в партизанском отряде крымчан. Представление национальности дается не только обозначением географии и характерным именем, но и произношением детей: «Баба Шура», «Бэбэ Шурэ», «Бабо Шура». Для всех незнакомая женщина становится родной бабушкой. Л. Кассиль, будучи уже зрелым мастером, не убоился показать недобрый взгляд соседки: «Да уж больно у тебя они какие-то... на все фасоны. Тебе бы еще для полного подбора грузинца занять али с Азии киргизенка какого. Что это у вас за род такой, все племена перепутали» [Кассиль, с. 277]. В финале очерка визуальные этнические различия, могущие вызвать бытовые, а по сути — расистские реплики, снимаются общностью доброты и человечности, которая маркируется советскостью: «Ну, улеглись мои народы, — тихо говорит Александра Петровна и поправляет огромное цветастое лоскутное, похожее на громадную географическую карту, одеяло, под которым, уложенные поперек широченной кровати, ровно дышит украинец Тарасик, москвич Игорь, минчанка Фаня, сева-стопольцы Светлана и Юсуп» [Там же, с. 228–229]. Н. Асеев мысль о нерушимости единства советского народа провозглашает декларативно: «С русскими — / украинцы и белорусы / силы свои / приложили сюда. / Разноязыки, / народы берутся / единодушно / за дело труда!» [Асеев, с. 28]. Заметим, что для воплощения темы, позже лозунгово обозначенной как «формирования новой общности — советский народ», во время войны еще возможна не только плакатно-агитационная, но и доверительно-правдивая интонация.

В произведениях этого периода возникает еще одна особая тема, активно разрабатываемая авторами, видящими регион и город взглядом «со стороны», — Урал дает фронту воинов особого склада: сдержанных, немногословных и невероятно мужественных. В предисловии к рассказу «Уралец» (1943) Лев Славин замечает: «Главный герой моего рассказа — сборный образ фронтовиков-уральцев, которых я близко знал в дни боев на первом Белорусском и Волховском фронтах. При работе над рассказом пригодились и впечатления, и наблюдения, полученные в Свердловске, куда я был направлен редакцией для кратковременного отдыха в начале 1943 года» [Славин, с. 485]. В портрете героя Дениса Черторогова (впрочем, как и в его фамилии) подчеркнута его чуть ли не inferнальная непохожесть на всех: «...та же повелительная плавность движений, та же величаявая замкнутость лица. Посреди ослепительного волчьего оскала — та же темная пустота на месте зуба, вышибленного некогда кулачным приемом, который у них на Урале называется “салазки”» [Там же, с. 487]. Автор откровенно романтизирует образ, делает акцент на исключительность, особость — он другой, нежели обычные воины; дает прямую аллюзию к куперовским индейцам: Черторогов обладает иными знаниями и повадками, появляется молча из ниоткуда в самый напряженный момент, совершает подвиг, спасает всех и исчезает вновь. Л. Славин передает

обаяние брутальности: «Я тоже посмотрел на новобранца, и по его могучим рукам, спокойно сложенным на просторной груди, по надменному хладнокровию скуластого лица, по угрюмому блеску отваги в узких глазах я тотчас узнал бессмертную и неукротимую породу уральских гордецов» [Славин, с. 503]; настаивает на «особом роде уральского угрюмого азарта»: «Тот, кто видел в боях за Москву полки, составленные из уральцев, никогда не забудет молчаливой свирепости, с какой они шли в атаку и на штурмы. Их родичи, оставшиеся в тылу, перекачали свое яростное усердие в литье пушек и обточку снарядов» [Там же, с. 491]. Писатель предлагает объяснение необычности уральского солдата: суровая природа, «настраивающая» с рождения на преодоление трудностей, особый социальный уклад, специфика родословной, наконец, очевидная сила места рождения и воспитания одного из героев — озеро Шаркал, село Черемшаново: «Жители его издревле мастера в разных видах охоты: рыболовы, межвежатники, поимщики диких оленей. Все это народ видный: косая сажень в плечах, могучая грудная клетка, сапоги номер сорок пять. Из рода в род переходит здесь телесная мощь, сдержанность речи, угрюмый блеск чуть раскосых глаз и особая, чисто уральская гордость» [Там же, с. 489].

Один из самых популярных и любимых фильмов военных лет «Два бойца» (1943), снятый по повести Л. Славина «Мои земляки» режиссером Л. Луковым, с песнями в исполнении М. Бернеса («Темная ночь» и «Шаланды полные кефали»), поддержал и сделал устойчивым восприятие особого характера уральского воина, простого Саши с Уралмаша, верного в дружбе и неукротимого в бою. Ту же функцию создания образа Урала, но уже с точки зрения подвига тыла, выполнил фильм, также невероятно популярный, «Большая земля» (1943). Режиссер С. Герасимов писал киносценарий в ходе советско-финской войны, но перенес место действия на Урал, время — осень — зима 1941 г., кинематографический сюжет — эвакуация Ленинградского завода, столкновение / узнавание / диалог двух рабочих ментальностей — питерской и свердловской, быстрой, не без столичной самоуверенности и неторопливой, исполненной природного достоинства. Представлен и первый кинематографический образ уральской женщины, уралочки, красивой, сильной, не боящейся трудностей, верной, самоотверженной и неприступной (актриса Т. Макарова).

Во время войны Урал, что объяснимо и закономерно, преимущественно репрезентирован как своеобразный второй, трудовой, фронт, а его люди — герои и фронта, и тыла, люди особого склада характера и поведения. Возможно, доминирующую краску — патетическую — описания героев, трудового подвига уральцев задавала М. Шагинян. Эвакуированная в Свердловск писательница работала корреспондентом от газеты «Правды» и активно публиковалась в региональных изданиях. Книга очерков «Урал в обороне» (1944) обнаруживает опыт очеркистики М. Шагинян тридцатых годов (установка на документализм), а также опыт производственных романов тех лет, но без элементов романа воспитания: характеры героев даны как уже сложившиеся, закаленные годами энтузиазма первых пятилеток, в случае с Уралом еще и историей промышленного края: «В Уральском

народе десятками поколений воспитывались старинные культурные навыки к заводскому труду» [Шагинян, с. 593]. Документальная фактографичность очерков непременно сопровождается попыткой обозначить, назвать и понять «уральскую упряминку», подчеркнуть даже особенность физического облика уральцев: «И жена его, повыше его ростом, молчаливая, суровая, как другие уральские жены, тоже не прочь была побаловаться ружьишкой в лесу» [Там же, с. 595]; «Николай Федорович Медведев — типичный коренной уралец. Это высокий черноволосый человек, худой и, как говорится, испитой — испил его в ранней молодости камень, когда он гранил хищным русским купцам изумруды» [Там же, с. 634]. Любопытно, что «душу Урала» Шагинян пытается понять и раскрыть через манеру поведения безусловного авторитета края — П. П. Бажова: «Часто вы встретите на улицах Свердловска, в палатах госпиталя, на ученых сессиях невысокого старика с дремуче белой бородой, с тихим, спокойным голосом, — ему всегда все необыкновенно радуются. Бойцы любят слушать его, и каждый рабочий на заводе знает, что он сказочник Урала, старый писатель Павел Петрович Бажов» [Там же, с. 639]. Образ уральского писателя подвергается очевидной идеализации, открыто сказочными становятся у писательницы и земляки автора «Малахитовой шкатулки»: «И разве не похожи на сказку дела и люди Урала, обещанья цехов и заводов выполнять столько, сколько раньше показалось бы им волшебством, — и эти волшебные обязательства выполнялись — тоже, как в сказке, словно людям приходила на помощь бажовская Хозяйка Медной горы» [Там же, с. 640]¹.

Вновь, как и в декларации крепости советского единства многонациональной страны перед лицом испытаний, в обрисовке личности людей Урала героико-утверждающая интонация становится доминирующей не только в очерках, что жанрово оправдано, но и в стихотворных вариантах публицистического толка:

Урал, Урал... Заводы... Шахты... Горы...
Страной железа видишься ты мне.
Твоя сыны, литейщики, шахтеры,
Себя, как дома, чувствуют в огне.
С рождения металлом окруженный,
Уралец — прирожденный металлист,

¹ Сам П. П. Бажов, возглавлявший Свердловскую областную писательскую организацию, невероятно много сделавший в годы войны для сохранения литературной жизни, да и просто для создания минимально сносных условий для писателей, как местных, так и эвакуированных на Урал (см. об этом воспоминания: *Барто А.* Записки детского поэта. М., 1976; *Рябинин Б.* Ушедшее — живущее... Книга воспоминаний. М., 1985; *Хоринская Е. Е.* Я вспоминаю... Екатеринбург, 2009), в сказах военных лет актуализировал тему, существовавшую в его творчестве и в тридцатые годы. Тему противостояния немецкого рационализма и русского интуитивизма, способности талантливого озарения в работе. На этом противопоставлении строится, например, сказ «Иванко Крылатко» (1942): «Ну, как — русский человек! Разве ему охота ниже немца ходить! Никогда этого не бывало!» [Бажов, с. 384]; «Присмотрелся к работе, а про себя думает — хорошо у немца конек выходит, только живым не пахнет» [Там же, с. 385]; «надо в чистоте от немца не отстать и выдумкой перешагнуть» [Там же]. Творчество П. П. Бажова военных лет системно исследовано, поэтому позволим ограничиться только этой репликой.

А значит, он и воин прирожденный,
И слесарь от рожденья, и танкист.
Пройдут года — над веком небывалым
Потомки совершат свой поздний суд.
Железо назовут они Уралом
И мужество Уралом назовут.

[Львов, с. 254]

Доминирующей, но не единственной. Писатели, эвакуированные на Урал, увидели и запечатлели не только силу уральского характера, но и его сложность. «Уральская гордость», «уральская упряминка» соседствует с мрачноватой замкнутостью, неулыбчатостью, угрюмой настороженностью. Герой рассказа Н. Ляшко «Яма и разутый “Битюг”» (1942) украинский металлург, приехавший с заводом на Урал, размышляет: «Здесь вам не Донбасс, здесь и погода не та, и люди не те... Никита Петрович запнулся и вспыхнул: пф, чего это он раскаркался? Урал не Донбасс, люди не те. А чем плохи здесь люди? Сразу не улыбаются и не обнимают тебя? И хорошо делают. Зато какие мастера! Какое чутье у них! <...> Ха, не сразу верят новому, неповоротливы... Есть грех, верно, от старинки не совсем отвыкли, но поворотливыми люди делаются не сразу» [Ляшко, с. 280–281]. Герою романа Ф. Панферова «Борьба за мир» (1945), скроенного по выхолощенной схеме производственного романа, все же позволено заметить: «Расхаживая по улицам, всматриваясь в крепко сколоченные избы, Николай Кораблев пытался заговаривать с жителями, но те или молча уходили от него, как бы не слыша вопроса, или скрывались в калитках, запирая их за собой. “Вот это народец”, — в досаде думал он» [Панферов, с. 391]. Еще несколько реплик авторов и их героев в произведениях тех лет, носителей стороннего взгляда на уральцев: «все это — плоды величественного и благородного труда уральцев, народа немного сумрачного, но лютого в работе и в бою» [Никулин, с. 315]; «Родионова немного удивляли не слишком разговорчивые, сумрачные на вид уральцы — сталевар из Златоуста, шахтер из Копейска. Он привык к легким в работе, подвижным и веселым парням, а это была какая-то особенная молодежь — основательная в своих суждениях, но немного медлительная. Но жаловаться на своих товарищей он не мог: каждый хорошо делал свое дело» [Там же, с. 338]; «А ведь по первому взгляду уралец может и не понравиться сумрачным стилем своего обхождения» [Славин, с. 491]. Через десятилетия после войны тяжести эвакуации А. Барто в какой-то степени объясняла не только житейскими сложностями, но и особенностями уральского характера: «Свердловчане преимущественно люди замкнутые, и эвакуированных они встречали сдержанно, не проявляя особых чувств. Чаще всего это было внешнее впечатление. Конечно, не каждый с готовностью раздвигал стены своего дома для чужих ему людей... Многое мне открыли слова пожилой, необщительной женщины, быт которой был нарушен поселившейся у ней семьей. Когда женщину спросили: не трудно ли ей приходится с приехавшими большими стариками, она сказала как бы вскользь: “Кругом горе, надо и мне пострадать”» [Барто, с. 136–137].

«Сплошные мытарства» (выражение Майи Плисецкой) военной эвакуации понятны: страх за родных и близких, часто незнание их судьбы, выброшенность из привычных условий в новый, не всегда понятный уклад жизни и отношений, наконец, вынужденное привыкание / приспособление к непривычным климатическим условиям. На этом, по сути, конфликтном стыке — «край богатырей — край холода и голода» в литературе военных лет возникает образ природы Урала. Двойственность его мотивирована субъектной принадлежностью к местности: 1) командированные на Урал с конкретным заданием описания подвига в тылу; 2) эвакуированные на Урал, живущие определенное время в Свердловске, Перми, Челябинске, Магнитогорске; 3) коренные уральцы. И, конечно, приверженностью и принадлежностью к определенной художественной парадигме, в немалой степени в те годы обусловленной идеологическими, порой и сервильно-политическими установками автора.

В годы войны в литературе возникают два варианта образа уральской природы: полностью соответствующий нормам соцреалистического канона и реалистический или, воспользуемся метафорическим термином Н. Лейдермана, образ, возникающий «под маской соцреализма». Главенствует соцреалистический, акцентированно мифологизированный способ изображения уральской природы, укладывающийся в формулу «этот седой богатырь» (А. Сурков). Наиболее характерная логика изображения в произведениях официального дискурса — суровость жизни, суровость края, суровость природы не могут быть препятствием для подвига: «В труднейших условиях, в лютую уральскую стужу, люди возрождали к жизни эвакуированные заводы...» [Никулин, с. 307]. Способ обрисовки — открытая идеализация. Ф. Гладков, корреспондент «Правды» и «Известий» по Уралу, в повести «Опаленная душа» (1942) (в которой представлены все штампы официальной литературы военных лет в описании как фронта, так и Урала) устами своего героя, потомственного уральского металлста, произносит: «Урал свой я люблю, как, к слову, дерево любит свое природное место; корнями врос в прекрасные свои горы, леса и светлые озера. Откровенно скажу, товарищи, Урал мой, край мой родной, красовался передо мной золотом, малахитом, самоцветами. Идешь утречком на завод — залюбуешься: радугой воздух переливается, душа ликует — не солнышко, а ливень финифтевый [Гладков, с. 140]. Неуклюжая имитация народного говора, да еще «переведенного» во внутреннюю речь, налицо. Более того, идя на работу, уральский рабочий волею автора мысленно упрекает уральского писателя, который, на его взгляд, недостаточно воспел природу своего края: «Много почтения природе оказывал Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Я лично не раз с ним в молодости моей беседовал. Но прямо скажу, не почувствовал он по-настоящему уральской природы. Скучная она у него какая-то, неприветливая, чужая, и он ей — как пасынок. Он к ней и так и эдак — не подпускает она его к себе, да и на!» [Там же, с. 141]. Л. Никулин во Вступлении к книге «Урал Южный» также предлагает восторженное описание красот Урала: «Трудно даже в нашей необъятной стране найти такое разнообразие пейзажей, такое гармоничное сочетание озер, горных краев, лесов и привольных степей»

[Никулин, с. 300]. Здесь уместно привести открыто ироническое замечание А. Твардовского: «Урал — край с заслуженно громким именем и край гордый, знающий себе цену. Он как-то дает об этом знать каждому, кто впервые знакомится с ним воочию, часто уже приготовленный к такому восприятию края. Может быть, поэтому у многих, пишущих об Урале, заметна склонность как-то подольститься к старику особо восторженной манерой описаний. Тут обычно и звезды уральского неба, конечно же, горят огнем прославленных уральских самоцветов; и заводские огни, которые подобны звездам; и воздух, которым почему-то особенно сладко дышится, несмотря на обилие угольной сажи...» [Твардовский, с. 424].

На фоне официального варианта изображения «могучей уральской природы» изображение ее суровости выглядит много реалистичнее. Так, важнейшей составляющей устойчивой мотивной структуры прозы В. Пановой, автора не только «Спутников», но и романа «Кружилиха»², посвященного жизни военного завода на Урале, является триединство «мороз — дорога — дом». Первое впечатление писательницы по приезде на Урал — холод: «Увы! Печально и неласково встретила нас станция Пермь-вторая обледеневшим вокзалом, морозным ветром, желтыми сосульками на вагонах, теснившихся на пути» [Панова, 1989, с. 470]; «Военные зимы были (или казались?) немилосердно, небывало лютыми. А ездить приходилось почему-то все зимой, тоже в условиях небывалых» [Там же, с. 483]. Холод и неустроенность — условия, в которых люди войны вынуждены работать и работают: «По гудку к проходным устремляются люди. Одни пришли пешком из поселка, другие приехали трамваем, большинство — поездами. Длинные поезда подвозят и подвозят людей к полустанку — из города, из пригородов. Только остановится поезд, народ высыпает из вагонов — и приливает, приливает толпами к проходным. Тулупы, ватники, кожанки, шинели, штатские пальто, меховые шубки. Платки, ушанки, шлемы-бушлаты, вязаные шапки» [Панова, 1972, с. 5–6]. Акцент на явно некрасивой, но приспособленной для сохранения тепла одежде — знак тотального неуютя. Замещение человека вещью, монотонность и даже некая обреченность движения толпы — знак превращения человека в производную от главного — работы во имя Победы.

Н. Ляшко, вполне «правоверный автор», в рассказе «Весна» (1943) позволяет себе показать прямой контраст между тем природным краем, в котором родился и вырос герой, и тем, в котором вынужден жить: «За воротами завода Ивашку Тарасюка опухло дыхание распускающихся ветел и как бы перенесло к родному Донцу. Он окинул глазами блистающее звездами небо и зажмурился: ух, здесь только сегодня как следует грело солнце, а дома уже отцвели яблони и вишни, вокруг хат летают майские жуки, зацветает белая акация, калина, шиповник, мальва» [Ляшко, с. 267]; «Нам на Урале не по душе.... Тоже нашли место! Уже весна, а везде стоит грязища». Реальность разбивает миф: «Говорили, что здесь и горы, и леса, и луга, и вода, и приволье, а на поверку — один холод да грязь!» [Там же, с. 288]. Но, и это необходимо подчеркнуть, как бы ни изображался

² Об опыте работы В. Пановой «под маской соцреализма» см.: [Снигирева].

Урал — как край могучей величественной природы или как край холода, голода, грязи, всегда была мысль, дающая понимание необходимости жить и работать в тех условиях, в которые ввергла народ война. Это могло быть выражено плакатно, как у А. Караваевой в очерке «Огни» (1943): «Начинаются отроги Уральского хребта. Он всё все выше и выше, наш Урал, кузница великого фронта, батюшка Урал, железный хребет, страна мастеров могучего боевого металла...» [Караваева, с. 177]. Прагматично-рассудительно, как это сделал Ф. Панферов в романе «Борьба за мир» (1945), герой которого «понимал, что без местного, коренного жителя, привычного к особым климатическим условиям, вряд ли что сделаешь» [Панферов, с. 390]. Или трагически-убежденно в сталинских лагерях во время войны, где отбывал свой срок Б. Ручьев: «В мороз работая до пота, / с озноба мучась, как в огне, / здесь мы узнали, / что работа / равна отвагою войне» [Ручьев, с. 476].

-
- Асеев Н. Н.* Урал // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 3–19.
- Бажов П. П.* Малахитовая шкатулка. М., 1989.
- Барто А.* Записки детского поэта. М., 1976.
- Гладков Ф. В.* Опаленная душа // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 140–154.
- Караваева А. А.* Огни // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 172–207.
- Кассиль Л. А.* Рассказы // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 224–247.
- Львов М. Д.* Стихи // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 254–261.
- Ляшко Н. Н.* Рассказы // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 262–299.
- Никулин Л. В.* Урал Южный // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 300–347.
- Панова В.* Кружилиха. Спутники. Сережа. М., 1972.
- Панова В. Ф.* Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5 : Историческая и автобиографическая проза. Л., 1989.
- Панферов Ф. И.* Борьба за мир // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 386–411.
- Ручьев Б. А.* Стихи о далеких битвах // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 476.
- Рябинин Б.* Ушедшее — живущее... Книга воспоминаний. М., 1985.
- Славин Л. И.* Уралец // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 486–505.
- Снигирева Т. А.* Соцреалистический канон и реалистическое письмо: опыт Веры Пановой // Филол. класс. 2022. № 1 (т. 27). С. 147–153.
- Твардовский А. Т.* Проза. Статьи. Письма. М., 1974.
- Хоринская Е. Е.* Я вспоминаю... Екатеринбург, 2009.
- Шагинян М. С.* Урал в обороне // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 584–640.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023 г.

Научная статья

УДК 070.1: 355.01(5) + 32.019.5 + 81'23:81'27

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.024

ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА 1967 г. В СОВЕТСКОМ ПРОПАГАНДИСТСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Валерий Михайлович Амиров

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
vestnik-va@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3371-2939>*

А н н о т а ц и я. В статье на основе анализа публикаций советских средств массовой информации рассматривается проблематика функционирования пропагандистских идеологем в материалах, посвященных арабо-израильскому вооруженному конфликту 1967 г. (Шестидневная война). Всего исследовано более 500 материалов, отобранных в период боевых действий и непосредственно после него по ключевым словам «арабо-израильский конфликт», «война», «агрессия», «сионизм», «империализм». Теоретической базой исследования послужили научные публикации российских ученых по проблематике медиапропаганды, использованию журналистами идеологем в политических текстах.

Научная значимость темы актуализирована медиатизацией специальной военной операции на Украине, появлением в российских СМИ и блогеровом пространстве большого количества пропагандистских медиаматериалов, активным использованием для характеристики и анализа различных аспектов вооруженного конфликта журналистами и блогерами идеологизированной лексики, совершенствованием медийных приемов маркирования политического и военного противника.

К л ю ч е в ы е с л о в а: война; журналистика; пропаганда; СМИ; медиа; идеологема; текст

SIX-DAY WAR 1967 IN THE SOVIET PROPAGANDA MEDIA SPACE

Valery M. Amirov

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
vestnik-va@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3371-2939>*

A b s t r a c t. The article, based on an analysis of the publications of the Soviet media, examines the problems of the functioning of propaganda ideologies in materials devoted to the Arab-Israeli armed conflict of 1967 (six-day war). In total, more than 500 materials

were studied, selected during the period of hostilities and immediately after it, according to the keywords “Arab-Israeli conflict”, “war”, “aggression”, “Zionism”, “imperialism”. The theoretical basis of the study was represented by scientific publications by the Russian scientists on media propaganda, the use of ideologue by journalists in political texts.

The scientific significance of the topic is updated by the mediatization of a special military operation in Ukraine, the appearance in the Russian media and blog space of a large number of propaganda media materials, the active use of ideologized vocabulary by journalists and bloggers to characterize and analyze various aspects of the armed conflict, and the improvement of media techniques for marking a political and military enemy.

К e y w o r d s: war; journalism; propaganda; media; ideologem; text

Контекст

Система пропагандистских идеологем, на которых базировались публикации советских газет по арабо-израильским вооруженным конфликтам, функционировала в условиях полного государственного контроля над СМИ. При этом военно-политическая журналистика рассматривалась идеологизированным руководством страны исключительно как инструмент для решения задач политической пропаганды. Допуск к комментированию внешнеполитических событий имелся только у узкого круга «центральных» изданий и тщательно отобранных и согласованных с партийными органами журналистов-международников [Амиров, Антошин, с. 15]. Хотя в наши дни подходы к организации освещения событий в горячем регионе планеты существенно изменились, анализ публикаций советской печати представляется исключительно интересным и важным, в том числе и в рамках ведущейся в политических кругах и в обществе интенсивной дискуссии о необходимости усиления российской государственной пропаганды, осуществляемой в первую очередь с использованием возможностей средств массовой информации.

Ближний Восток и геополитическая позиция нашей страны в этом ключевом для судеб человечества регионе уже много десятилетий находятся в фокусе публикаций отечественных СМИ. Они сегодня в центре внимания, однако ситуация коренным образом изменилась. Ныне Израиль, в котором живут более миллиона выходцев из РФ, рассматривается российскими политиками и СМИ скорее как непростой партнер России, чем противник. По многим внешнеполитическим аспектам между странами наблюдается взаимопонимание, демонстрируется взаимоуважение и готовность к сотрудничеству. Дипломатические отношения, разорванные Советским Союзом с этой страной 10 июня 1967 г. в связи с Шестидневной войной, были восстановлены в 1991 г. А антисемитизм, присущий внутренней политике Советского Союза, публично осужден президентом В. В. Путиным, заявившим о необходимости противостоять «любым проявлениям ксенофобии, антисемитизма, где бы это ни происходило и от кого бы это ни исходило» [Путин...].

Следует также помнить, что изначально Советский Союз с пониманием и сочувствием относился к созданию государства Израиль и при любых арабо-израильских конфликтах официально, в том числе и с трибуны Организации Объединенных Наций, выступал за мирное их урегулирование.

Советские газеты уделяли арабо-израильским войнам, в которых прямо или опосредованно участвовал СССР, повышенное внимание и руководствовались при этом системой идеологем, основанных на пропагандистском принципе партийности СМИ, сформулированном еще В. И. Лениным [Ленин], и понимании принципиальности противостояния социалистической и капиталистической экономико-политических систем. Нужно учитывать также, что изначально «советская система массовой коммуникации создавалась для организации агитации и пропаганды среди населения СССР» [Бабюк], что априори исключало какой-то альтернативный взгляд на происходящие батальные события. Об этом же пишет Л. А. Молчанов, указывая на то, что «...для того чтобы пропагандистские установки проникали в сознание больших групп советских людей и становились там устойчивыми, воздействие было длительным и массированным. Эту задачу решали советские газеты» [Молчанов, с. 89].

В этом противостоянии Израилю отводилась роль однозначного союзника агрессивного Запада, а его арабские противники рассматривались в качестве «неприсоединившихся» или «стран социалистической ориентации», т. е. потенциальных союзников Советского Союза. Сам подход к оценке происходящего, несомненно, находился в рамках блокового противостояния [Гавра, Быкова, Смолярова].

Столь заведомо схематизированное рассмотрение ближневосточных конфликтов имело мало общего с реальностью, но являлось исключительно удобным для советской пропаганды, в цели которой не входило глубокое осмысление широкими массами причин и следствий нескольких вооруженных конфликтов, перекроивших карту Ближнего Востока.

Методология

При анализе текстов советских СМИ мы будем исходить из определения пропаганды, представленного в Толковом словаре современного русского языка Д. Н. Ушакова: «Распространение каких-н. идей, учения, знаний путем подробного и углубленного ознакомления» [Ушаков].

Как условие анализа отметим также мнение одного из самых авторитетных теоретиков журналистики И. М. Дзялошинского, полагающего, что рассмотрение в качестве синонимов термина «пропаганда» слов «ложь», «искажение», «манипуляция», «психологическая война», «промывание мозгов» объясняется отторжением конкретно-исторических форм советской пропаганды, определенной идеализацией ментальных структур постиндустриальных обществ Запада [Дзялошинский, с. 220], а также констатирующего, что «пропаганда и агитация по-прежнему являются неотъемлемой особенностью российской журналистики» [Там же, с. 221].

Поскольку любая пропаганда основывается на системе идеологем, хорошо прослеживаемых в текстах советских газет изучаемого периода, примем определение, согласно которому идеологема является «единицей идеологической системы, находящей свое вербальное выражение, знаком идеологии» [Вепрева, Шадрина, с. 124]. Аналогичное определение понятию «идеологема» дает Н. А. Купина: это «...единица языка, обычно слово, в означаемом которого на первый план выходят аксиологические компоненты. Вот наиболее характерные определения: “непосредственно связанное с идеологическим денотатом”» [Купина, с. 91], а А. П. Чудинов считает, что идеологема — «**слово**, имеющее в своем значении идеологический компонент» [Чудинов, с. 92].

Практика функционирования идеологем в пропагандистском пространстве советских газет рассматривается нами на публикациях таких известных и системообразующих изданий того времени, как «Правда», «Комсомольская правда», «Советская Россия». Всего изучено более 500 материалов, отнесенных к анализируемой проблематике, из которых в статье представлены более 30. Для доказательности приводимых выводов выделены и проанализированы основные идеологемы, которыми оперировали журналисты и редакции указанных СМИ, освещающая ход вооруженных конфликтов. В качестве примера такого конфликта взята краткосрочная, но весьма кровопролитная и имевшая большие политические последствия арабо-израильская война 1967 г., получившая у исследователей и журналистов название «Шестидневной войны». Для проведения анализа в газетных публикациях выделены основные идеологемы, которые рассмотрены в пропагандистском контексте.

Анализ текстов

Основными идеологемами, используемыми при освещении событий и последствий арабо-израильской войны 1967 г. (Шестидневной войны) в пропагандистских текстах советских газет, можно считать следующие:

АГРЕССОР (агрессия), ЗАХВАТЧИК (захват), ОККУПАЦИЯ (оккупант). Такая трактовка событий позволяет идеологизированной советской печати расставить политические акценты, маркировать и изначально дать принципиально негативную оценку любым действиям израильской стороны. При этом проявляются сразу несколько аспектов.

Читателю представляется, что безнаказанно, намеренно и хладнокровно **захватывается чужая территория**, никогда Израилю не принадлежавшая и не угрожавшая:

Машина израильской агрессии вторглась на исконные земли Египта, Сирии, Иордании. Сейчас военицизм Израиля упивается своим вероломством (Сейфуль-Мулюков Ф. Абсурдные претензии агрессоров // Сов. Россия. 1967. 18 июня).

Эти захваты осуществляются, в трактовке пропагандистских публикаций, в сочетании с террором и разбоем в отношении ни в чем не повинных людей:

На этих кадрах запечатлено, как десятки тысяч арабских беженцев, спасаясь от террора и разбоя израильских оккупантов, переправляются через реку Иордан (Бесчинства оккупантов // Правда. 1967. 19 июня);

Преступная агрессия Израиля против арабских народов вызвала огромные страдания и жертвы сотен тысяч ни в чем не повинных людей (Прекратить террор, отвести войска агрессоров // Там же. 20 июня).

Авантюризм агрессии объясняется еще и политическим безумием израильского руководства, которое не отдает себе отчета в том, что делает:

Поведение Израиля, продолжающего агрессию вопреки решению Совета Безопасности и выдвигающего при этом территориальные притязания, показывает, что сегодня Тель-Авив поставил себе эти маниакальные цели (Агарышев А. Изнанка авантюры // Комсомольская правда. 1967. 11 июня).

ГЕНОЦИД. Боевые операции со стороны Израиля рассматриваются советскими СМИ как «геноцид», преступления против человечества:

Преступления, совершаемые Израилем, — это сознательная, преднамеренная и организованная акция, цель которой — истребить как можно большее число арабов (Лебедев В. Геноцид! // Сов. Россия. 1967. 23 июня).

Интересна откровенно пропагандистская и бездоказательная попытка для большей убедительности оценок провести **параллель между действиями израильской армии и преступлениями гитлеровцев:**

В выпусках последних новостей был показан один из концентрационных лагерей, созданных оккупантами для военнопленных арабов (Бесчинства оккупантов // Правда. 1967. 19 июня);

Так же говорили гитлеровские палачи, расстрелявшие, уничтожившие в газовых камерах миллионы евреев, над чьей памятью надругались сейчас израильские солдаты (Кузнецов Л. Трагедия в пустыне // Комсомольская правда. 1967. 18 июня).

Этой же цели служит и идеологема **«новый порядок»**, которая тоже косвенно отсылает читателя к драматическим событиям войны, именно так называемый «новый порядок» пытались установить на оккупированных территориях гитлеровцы:

До тех пор, пока израильские войска с помощью империалистов будут устанавливать «новый порядок» на арабских землях, положение во всем районе Ближнего Востока будет оставаться тревожным (Колесниченко Т. У линии прекращения огня // Правда. 1967. 1 июля).

Такие параллели, опирающиеся на историческую память советского человека, упрощают для читателя понимание ситуации, делают лишней нормальную логику анализа происходящего. Упрощение понимания, сведение происходящих военно-политических событий к максимально простой «картинке» — характерная

черта пропаганды. Для достижения задуманного эмоциогенного эффекта автором недобросовестно используется прием «перенос» — действия израильских солдат сравниваются с действиями нацистов против самих же евреев.

Отметим **эффект стигматизации**. Поиск параллелей с фашизмом стигматизирует израильтян, ставит их за линию добра, лишает читателя необходимости вникать в сложные проблемы взаимоотношений ближневосточных государств.

Публикации полны сообщений о бесчеловечном отношении со стороны израильской армии к арабам. При этом источники информации либо не приводятся вовсе, либо вторичны:

Мировая печать полна сообщений о том, с каким цинизмом и пренебрежением к нормам человеческой морали и международного права потерявшие голову израильские агрессоры обращаются со взятыми в плен солдатами и с мирным арабским населением (День в лагере интернированных // Сов. Россия. 1967. 22 июня);

Поступают все новые сообщения о том, что бесчеловечному обращению со стороны израильских властей подвергаются не только военнопленные, но и население оккупированных Израилем районов (Кислов А. Без пищи и воды // Там же. 17 июня).

Обратим внимание на то, что во всех подобных публикациях не приводятся первичные источники информации, нет конкретных свидетельств и фактов. Примененный автором материала прием «свидетель», предлагающий принимать на веру сообщаемые факты, тоже относится к пропагандистским.

АГЕНТ ИМПЕРИАЛИЗМА. В пропагандистских публикациях отчетливо просматривается попытка показать Израиль как **инструмент агрессивной империалистической политики Запада**, подчеркнуть несамостоятельность Тель-Авива, выполняющего волю своих политических кураторов, и прежде всего США:

Именно этого и добиваются Соединенные Штаты, которые своими закулисными интригами еще раз показали, что они готовы пожертвовать авторитетом Организации Объединенных Наций ради своих корыстных целей, ради защиты израильских агрессоров от справедливого суда народов (Стрельников В. В зале и за кулисами // Правда. 1967. 2 июля).

При этом отмечаются и обсуждаются с читателями три ключевых аспекта. П е р в ы й — нежелание западных стран осудить действия Израиля:

Потворство же агрессии со стороны империалистических государств — США и Англии, их нежелание осудить Израиль, разоблачают эти страны как соучастников в аванюре (Агарышев А. Изнанка авантюры // Комсомольская правда. 1967. 11 июня);

Ясно и другое: агрессоры рассчитывают и продолжают рассчитывать на поддержку определенных империалистических сил (Примаков Е. Арабы сплачиваются // Правда. 1967. 9 июня).

Действия Израиля, таким образом, рассматриваются в контексте общей агрессивной сущности империализма. Реализуется пропагандистский прием

«трансфер», позволяющий распространять агрессивные действия стран Запада на события Шестидневной войны, хотя никакие доказательства не приводятся.

Журналисты, работающие по проблематике арабо-израильского конфликта, показывают ситуацию таким образом, что становится понятно, что боевые действия имеют задачу более глубокую, нежели завоевание каких-то новых территорий. Речь идет о попытке сохранить **колониальное давление** на страны арабского мира, не дать провести преобразования, направленные на национальное освобождение стран Ближнего Востока:

По существу, это была попытка реванша со стороны западных монополий с целью, если не вернуть утраченное господство, то хотя бы задержать тот процесс социальных преобразований, который происходит в ОАР и других арабских странах (Кузнецов Л. От Каира до окраин // Комсомольская правда. 1967. 29 июня).

При этом советские СМИ обвиняют в колониалистских устремлениях не только империалистический Запад, действующий руками израильских военных, но и сам Израиль, рассматривающий, по мысли авторов публикаций, захватываемые арабские территории как базу для переселения евреев со всего мира:

Зверства израильских колонизаторов над мирным населением укрепили нашу решимость в борьбе (Агарышев А. Линия противостояния // Там же. 30 июня).

Второй — сознательное подталкивание Западом агрессора для решения своих внешнеполитических проблем:

Опекуны израильских экстремистов — американские, английские, западногерманские финансовые тузы (Сейфуль-Мулюков Ф. Абсурдные претензии агрессоров // Сов. Россия. 1967. 18 июня).

Третий — тесная связь агрессора с военно-промышленным комплексом и монополиями капиталистических государств:

Тесное переплетение интересов израильских правящих кругов с интересами крупнейших международных монополий очевидно. В поддержке мирового империализма и черпают силу организаторы нынешнего авантюристического агрессивного курса Тель-Авива (Там же).

Рассматривая функционирование идеологемы «агент империализма», имеет смысл выделить субидеологему **«марионетка»**. Отличие заключается в декларируемом в публикациях отсутствии у Израиля политической субъектности:

В планах империалистов и их израильских марионеток продолжение военных действий предусматривалось как необходимое условие осуществления главной цели войны — свержение прогрессивных режимов в арабских странах (Потомов Ю. Поражение агрессоров неминуемо // Там же. 29 июня).

СИОНИЗМ. Советские газеты, формирующие информационную картину мира в парадигме пролетарского интернационализма, концентрируют свое внимание

на основополагающей для евреев всего мира концепции сионизма, подразумевающей объединение еврейского народа в Израиле. Как отмечают многие исследователи, и в частности М. А. Терехов, «именно концепция политического сионизма позволила реализовать задачу национального возрождения» [Терехов, с. 201].

Однако для советской пропаганды, стоящей на идее сплочения народов не на национальной, а на интернациональной идее и принципах марксизма-ленинизма, такой подход не является приемлемым. В материалах СМИ проводится мысль о вреде национальной исключительности, неприемлемости сионизма как идеологии национального превосходства. Именно сионизм представляется в пропагандистских текстах в качестве идейной движущей силы израильской армии в вооруженном конфликте с арабскими странами. Идея сионизма причудливым образом объединяется в текстах с империалистической политикой Запада и противопоставляется вряд ли имевшей место на самом деле «национально-освободительной» политике арабских стран:

Арабские страны явились жертвой давно готовившейся агрессии, преследовавшей цель остановить развитие национально-освободительного движения арабских народов (Сколько заплатили Израилю // Комсомольская правда. 1967. 23 июня).

ОСУЖДЕНИЕ. Для создания пропагандистского эффекта важно поддерживать у читателя веру в единодушное осуждение израильской агрессии как во всем мире, так и в советском обществе. Для демонстрации такой уверенности активно используются газетные штампы «всем сердцем», «единодушно», «весь народ», «как один человек», «прогрессивное человечество» и т. д.:

Сегодня жители Волгограда, как и весь советский народ, всем сердцем поддерживают решительную позицию Советского правительства, которое серьезно предупредило агрессоров о том, что их ждет справедливое возмездие за преступную войну (Туманов Ю. Мы с тобой, Порт-Саид! // Сов. Россия. 1967. 13 июня);

...в этих резолюциях звучит гневный ответ против действий оголтелой израильской военщины (Агрессоров — к ответу // Комсомольская правда. 1967. 21 июня).

Выводы

Анализ текстов показывает, что советская печать использовала широкий пропагандистский арсенал для репрезентации читателю государственной позиции по арабо-израильскому конфликту (Шестидневной войне). Этот арсенал показал высокую эффективность на фоне отсутствия у населения альтернативной информации о происходящем.

Пропагандистские материалы базировались на системе идеологем, среди которых можно выделить такие, как *агрессор (захватчик)*, *сионизм*, *агент империализма (марионетка)*, *геноцид*, *осуждение*, а также на общих для советской печати идеологических парадигмах «**пролетарский интернационализм**» и «**борьба с империализмом**».

Система идеологом фактически заменила газетам анализ событий арабо-израильского конфликта, максимально упростила его глубину, устранила необходимость приведения в качестве доказательства фактов и аргументов, свела освещение к созданию удобной для восприятия идеологизированной общественностью военно-политической картины.

Амиров В. М., Антошин А. В. Корейская война 1950–1953 гг. в пропагандистском контексте публикаций советских печатных СМИ (на материалах газет «Правда» и «Известия») // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 3 (199). С. 14–24. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.3.045

Бабюк М. И. К вопросу о восприятии пропаганды советским человеком в условиях позднего СССР: опыт частного исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 1 : Журналистика. 2021. № 3. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2021/3/k-voprosu-o-vozpriyatii-propagandy-sovetskim-chelovekom-v-usloviyakh-pozdnego-sssr-opyt-chastnogo-is/> (дата обращения: 06.11.2022).

Вепрева И. Т., Шадрин Т. А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург, 2006. Вып. 3. С. 120–131.

Гавра Д. П., Быкова Е. В., Смолярова А. С. Израиль в советских и российских медиа 1948–2017 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izrail-v-sovetskih-i-rossijskih-media-1948-2017-gg> (дата обращения: 15.10.2022).

Дзялошинский И. М. Журналистика как пропаганда: можно ли избавиться от родового проклятья // Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 6 : Москва прирастает Поволжьем, Уралом, Сибирью / под ред. Ю. В. Казакова и М. А. Федотова. М., 2016.

Кутина Н. А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык — Система — Личность. Екатеринбург, 2005. С. 90–111.

Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. С. 99–105.

Молчанов Л. А. Пропаганда — это всегда пропаганда заблуждений и предрассудков (история районной газеты «Красное знамя») // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2009. № 1. Сер. : История. С. 88–107.

Путин призвал бороться с любыми проявлениями антисемитизма // Коммерсант. 2020. 23 янв.

Терехов М. А. Роль иудаизма и сионизма в создании государства Израиль (страницы истории) // Изв. Самар. центра Рос. Акад. наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 197–202.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014. 800 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М., 2007. 256 с.

Статья поступила в редакцию 26.03.2023 г.

Научная статья

УДК 070.1:316.774 + 316.776.3:004.77 + 81'42:82-92

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.025

МЕДИАИНТЕЛЛЕКТ КАК СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕЛОСТНОЙ МЕДИАЛИЧНОСТИ

Виктор Викторович Гаврилов

Сургутский государственный педагогический университет,

Сургут, Россия,

victorg12@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1279-3066>

А н н о т а ц и я. В статье, опираясь на исследования Г. Гарнера, посвященные «множественному интеллекту», автор предлагает, наряду с цифровым и лингвистическим (имеющими непосредственное отношение к журналистике), выделить еще один вид интеллекта — медиаинтеллект. Актуальность и необходимость исследований в этом направлении объясняется тем, что в эпоху цифровизации журналистики появляется новый социальный запрос на специалистов, способных учитывать потребности аудитории при трансляции информации, готовить материалы в любых знаковых системах, владеть цифровыми инструментами сбора, обработки и ретрансляции данных, видеть угрозы цифровизации (фейковая информация, манипулирование сознанием, информационный шум и т. д.) и нивелировать их. Автор кратко описывает различные взгляды на проблему формирования «журналиста нового поколения» и приходит к выводу, что необходимы особые критерии оценки эффективности его деятельности. В связи с этим следует отметить, что составление «медиапортрета» личности по конкретным и верифицируемым критериям может стать оптимальным решением указанной проблемы, ответом на социальный запрос. Автор перечисляет критерии, по которым, по его мнению, может быть осуществлена оценка уровня медиаинтеллекта журналиста, а следовательно,

в дальнейшем скорректирована работа по формированию целостной медиальности в эпоху цифровых СМИ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистский текст; медиаинтеллект; мышление; цифровой интеллект; цифровая журналистика; медиапространство; СМИ; информация; медиальность

MEDIA INTELLIGENCE AS AN ESSENTIAL CHARACTERISTIC OF A HOLISTIC MEDIA PERSONALITY

Viktor V. Gavrilov

Surgut State Pedagogical University,

Surgut, Russia,

victorg12@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1279-3066>

A b s t r a c t. In this article, based on G. Garner's research on "multiple intelligence", the author suggests, along with "digital" and "linguistic" (which are directly related to journalism), to identify another type of intelligence – "media intelligence". The relevance and necessity of research in this direction is explained by the fact that in the era of digitalization of journalism, there is a new social demand for specialists who are able to take into account the needs of the audience when broadcasting information, prepare materials in any sign systems, own digital tools for collecting, processing and relaying data, see the threats of digitalization (fake information, manipulation of consciousness, information noise, etc.) and level them. The author briefly describes various views on the problem of forming a "new generation journalist". It is concluded that special criteria are needed to assess the effectiveness of the author's activities. In this regard, it should be noted that drawing up a "media portrait" of a person according to specific and verifiable criteria can be the optimal solution to this problem, an answer to a social request. The author lists the criteria by which, in his opinion, the assessment of the level of media intelligence of a journalist can be carried out, and therefore, the work on the formation of a holistic media personality in the era of digital media will be adjusted in the future.

К е y w o r d s: journalistic text; media intelligence; thinking; digital intelligence; digital journalism; media space; mass media; information; media personality

В эпоху цифровых технологий меняются не только средства коммуникации, но и ментальное пространство нации, картина мира каждого участника коммуникации.

Вне всяких сомнений, цифровые технологии изменили современные российские СМИ, главным образом — способы поиска, обработки и распространения информации. В связи с этим поменялись и требования к современным журналистам. Следовательно, должны поменяться и критерии оценки профессионала, эффективности его работы. По-прежнему ли эта профессия остается творческой,

а в основе успеха и эффективности работы лежит талант или технологии постепенно превращают журналиста в ремесленника, лишают журналистику творческой составляющей?

В 2003 г. журналист-практик Л. Г. Свитич выделила базовые, на ее взгляд, качества современного журналиста: «Прежде всего, это талант, литературные, творческие способности, любовь к профессии и работоспособность. Успеха в профессии добиваются те, у кого сильно развита творческая доминанта, желание заниматься журналистикой. Журналист должен быть широко образованным, культурным человеком, у которого широкая эрудиция сочетается с глубокой компетентностью в той сфере, которую он освещает. И тому немало способствует природная любознательность и способность постоянно учиться, пополнять свои знания. Очень важны такие качества, как адаптивность, умение приспособиться к любым обстоятельствам, работать в любой обстановке; находчивость, быстрота реакции и мужество, смелость, желание идти на риск, инициативность, выносливость, стрессоустойчивость. Нельзя представить журналиста без таких свойств, как коммуникабельность, умение общаться с людьми, понимать их потребности и интересы» [Свитич, с. 102–103]. Как видим, по мнению автора, в начале «нулевых» требовался эрудит, мотивированный, творческий, коммуникабельный. Однако, внимательно анализируя данный тезис, нельзя не отметить, что перечисленные качества вполне применимы к журналистам и XX в., и даже XIX в.

Коллектив авторов (А. В. Колесниченко, А. В. Вырковский, М. Ю. Галкина, А. Ю. Образцова, С. А. Варганов) перечисляют те базовые трансформации, которые произошли в журналистике в связи с приходом в нее цифровых технологий:

«1. Редакция традиционного СМИ и сайта объединились, специалисты технических направлений и журналисты работают в одной команде.

2. Взаимодействие между сотрудниками редакции (сбор заявок, планерки, выдача заданий, отчеты и т. п.) осуществляется при помощи мессенджеров, над текстом можно осуществлять совместную работу, используя Google Docs.

3. Благодаря цифровизации увеличилась скорость сбора информации, используются открытые источники: базы данных, реестры, социальные сети, через мессенджеры можно получать комментарии от ньюсмейкеров.

4. Меняются жанры (конвергенция) и сама структура медиатекстов: «журналистика заголовков», мультимедийность, интерактивность при подаче материалов, опора на новостные агрегаторы при выборе ключевых тем.

5. Удаленная работа.

6. Материальное стимулирование в случае, если материал популярен у реципиентов (лайки, репосты, комментарии).

7. К журналистам предъявляются новые требования: «Необходимость владеть навыками работы с базами данных и приложениями для обработки информации, уметь искать в соцсетях и проверять информацию, уметь создавать инфографику, уметь быстро готовить материалы для разных платформ (печатное издание, сайт, соцсеть, мобильное приложение)» [Трансформация журналистской работы под влиянием новых технологий, с. 66].

Итак, социокультурные изменения, которые произошли в обществе в связи с цифровизацией медиапространства, заставляют исследователей по-новому взглянуть на «образ идеального журналиста», способного не только собирать и творчески перерабатывать информацию, но и, используя цифровые инструменты, эффективно воздействовать на аудиторию, транслировать значимые ценности.

Исследователь Л. П. Шестеркина полагает, что современные выпускники журфаков должны владеть следующими компетенциями:

- «– знание информационных потребностей своей аудитории;
- понимание системы ценностей целевой аудитории: фигуры-“маяки”, референтные группы, язык, стилевые предпочтения; причастность к определенным сообществам;
- понимание важности сетевого сообщества для медиакомпаний и одиночных производителей интернет-контента;
- умение собирать информацию с помощью сетевых сообществ и иметь навык работы с медиатекстами в интернете;
- умение правильно отвечать на вопросы ситуативных задач, возникающих в системе сетевого общения, а также обладание навыками работы в совместных редакторских средах для рассылки, редактирования и поддержки контента (информации);
- умение использовать рабочие ссылки, писать совместные с поисковиками заголовки, пользоваться и управлять семантическими указателями и/или категориями в системе медиатекста, работать в различных системах управления (Joomla, Wordpress, Drupal), JavaScript (язык сценариев) и др. Кроме того, базовым умением для студентов должен быть навык съемки, записи и редактирования фото-, видео-, радиоматериалов» [Шестеркина, с. 15–16].

Как видим, медиарынок ждет специалистов, прекрасно владеющих цифровыми технологиями, способных учитывать потребности аудитории при трансляции информации. Это должны быть специалисты широкого профиля, способные готовить материалы в любых знаковых системах.

Но каковы подходы к изучению уровня сформированности медиаличности, критерии ее оценки, готовности продуктивно трудиться в медийном пространстве?

Мы считаем, что важно определить терминологическую базу, связанную с формированием (в рамках отечественного медиаобразования) профессиональной идентичности актора медиапространства. В массовой культуре и научной литературе встречается такое понятие, как «медийная личность», т. е. известная яркая персона, образ которой не сходит с экранов телевизоров и страниц светских журналов, объект обсуждения в обществе и массмедиа. В нашем исследовании мы используем авторский термин «целостная медиаличность», который в своем толковании кардинально отличается от указанного выше. Под традиционным термином «медиаличность» мы понимаем актора медиапространства, личность, погруженную в медиасреду, испытывающую ее воздействие и в некоторых аспектах оказывающую на нее влияние. Деятельность медиаличности в медийном и (шире)

цифровом пространстве зачастую спонтанна, бессистемна, имеет узкую направленность. Основная ее цель — получение необходимой информации в соответствии с собственными интересами и уровнем интеллектуального и культурного развития, развлечения.

При этом «целостная медиаличность» понимается нами как *профессиональный* актер медиaprостранства, владеющий необходимыми компетенциями, с высоким уровнем медиаинтеллекта, *осознанно и системно* использующий все доступные цифровые инструменты с целью позитивного воздействия на медиасреду, транслирующий социокультурную норму в рамках общепринятой парадигмы духовно-нравственных ценностей. Это «идеальный» или «универсальный»¹ журналист, обладающий необходимым и обязательным набором профессиональных компетенций. Набор этих компетенций требует, безусловно, уточнения и определяется выбранной исследователем моделью медиаобразования.

В связи с этим «медиаинтеллект» мы считаем базовой составляющей «целостной медиаличности». Он может быть измерен по определенным критериям, речь о которых пойдет ниже. На наш взгляд, три кита медиаинтеллекта — это общий уровень знаний (эрудиция), креативность (способность создавать оригинальный и качественный медиапродукт) и общая культура (владение культурным кодом, принятие «культуросообразной нормы» (В. С. Лазарев).

С учетом сказанного выше, необходимо поставить вопрос о том, что должно лечь в основу изучения и оценки уровня развития целостной медиаличности: социальные или психологические характеристики, творческие способности, коммуникативные навыки? Могут ли быть разработаны формальные методы оценки уровня развития необходимых качеств личности журналиста с учетом творческого характера профессии?

К проблеме изучения личности журналиста в настоящее время исследователи (социологи, психологи, журналисты-практики, педагоги) проявляют серьезный интерес. Предлагаются различные подходы к решению проблемы. Так, А. М. Сосновская предлагает использовать *метод анализа биографии журналиста как текста*. Проведя ряд исследований, имея небольшую пока эмпирическую базу, автор делает предварительные выводы: современный журналист «идентифицирует себя с профессией... избегает индивидуализации... сознательно интернализирует и инкорпорирует нормы доминирующего класса, чтобы преуспеть в выбранном публичном пространстве» [Сосновская]. То есть идентичность журналиста в настоящее время определяется прежде всего социальными установками, профессиональные качества выходят на первый план, оттесняя качества индивидуальные.

¹ Термин введен в научный оборот английским исследователем Д. Рэндаллом. «Универсальный журналист» — специалист широкого профиля, способный работать в любых условиях, создавать медиапродукты в любых знаковых системах, с любыми целями, способен не только собирать и перерабатывать информацию, но и распространять ее, получая прибыль.

В. Т. Абишева превыше всего ставит профессионализм журналиста: «Журналистика, как одна из важнейших, полифункциональных областей социальной практики, находящихся на стыке разных наук, во все времена испытывает потребности в квалифицированных кадрах. Причем, в связи с повышением образовательного уровня и роста политической активности аудитории, расширением и углублением интересов и запросов в разных областях массовой информации, растут требования к уровню квалификации адресанта» [Абишева, с. 198].

Исследователь С. Г. Корконосенко предлагает разделить качества журналиста (назовем его «универсальным») на несколько самостоятельных групп: «идейно-нравственные, деловые: способность, интеллект, память, владение техническими средствами труда и т. д.; характерологические: отношение к делу, инициатива и ответственность; физические: здоровье и выносливость» [Корконосенко, с. 43–48].

По пути теоретического моделирования идет и В. И. Кузин, предлагая классификации имиджа журналиста «...по типу контакта — дружеский (ключевая характеристика — привлекательность), авторитарный (динамизм), экспертный (компетентность); по уровню близости — герой — идеальная личность; антигерой — простой человек, “один из нас”; мистическая личность — чужой нам, но необычный; по функции в процессе социализации — учитель, вожак, кумир, мэтр, командир; по типу текста — и парадигме мышления — миротворец, моралист, прагматик, игрок, психоаналитик» [Кузин, с. 78]. Данная классификация кажется слишком обобщенной, акцент сделан на поведенческие стереотипы в журналистике.

В ряде научных работ можно встретить такие критерии оценки личности журналиста, как «повышенный (выше среднего) интеллектуальный уровень личности, способность к аналитическому, интуитивному и словесно-логическому мышлению; обладание высокоразвитым “эмоциональным мозгом”» [Корконосенко, с. 107]; «постоянная потребность в познании и самообразовании, стремление к духовной самореализации и достижению акме; энциклопедичность знаний, владение научной методикой анализа действительности; внутреннее усвоение толерантности, эмпатии, идеологического плюрализма, политической корректности; умение отстаивать свои идейные и социальные позиции, самостоятельность мышления, обладание амбавертным темпераментом, силой воли и умением “держат удар”; высокая общая и политическая культура, интернационализм; социальная ответственность; литературные и, шире, художественно-творческие способности; внутренняя свобода мыслей; нетерпимость к социальной несправедливости, аморализму, криминализму в обществе» [Журналистика в мире политики, с. 266–267]. Перечисленные качества принято считать базовыми (В. Т. Абишева). Кроме того, их, безусловно, можно измерить, используя определенные инструменты (прежде всего анкетирование и тестирование).

Е. П. Прохоров в одной из своих работ представляет схему личности «универсального» журналиста в виде кругов: ядро схемы — мировоззренческие установки и творческие потенции специалиста. Ближайшую периферию составляют

интеллект, эмоции, воля, физические данные, затем — уровень образования, кругозор, профессиональные навыки. Последний круг — журналистский опыт, который как бы вбирает в себя вышеперечисленные качества [Прохоров].

Исследователи И. М. Дзялошинский [Дзялошинский] и В. Ф. Олешко [Олешко] предлагают использовать при характеристике личности журналиста (прежде всего его профессиональных качеств) метод экспертной оценки. Так, В. Ф. Олешко предлагает экспертам оценить такие качества журналиста, как:

- «1. Внутренняя мотивация к творческой деятельности.
2. Социальная мотивация.
3. Мотивация какого-либо другого характера (какая?).
4. Общая активность.
5. Раскованность.
6. Интеллектуальность.
7. Общительность.
8. Интроверсия.
9. Впечатлительность.
10. Артистичность.
11. Рефлексивность.
12. Робость, застенчивость.
13. Ответственность.
14. Независимость.
15. Тревожность.
16. Аффектация» [Олешко, с. 188].

Также автор считает эффективной методику работы с фокус-группой, например, в рамках «круглого стола». Кроме того, говоря о методах изучения личности журналиста, стоит упомянуть ряд тестов, оценивающих профессиональные качества личности и вполне применимых в нашем случае. Мы имеем в виду такие известные тесты и их русскоязычные адаптации, как «Миннесотский многофазный личностный тест» (ММРІ), «Калифорнийский психологический тест», «Шестнадцатифакторный личностный опросник Кэттела» и др.

В процессе сбора эмпирических данных в рамках исследования нами использовался тест речемыслительной креативности (РМК, отдаленных ассоциаций) С. Медника. Мы определяли уровень развития креативности студентов-журналистов СурГПУ. Анализ данных подтвердил эффективность выбранной методики [Гаврилов].

Однако цифровизация медиапространства диктует новые требования к изучению личности журналиста, его идентификации. Так, В. Т. Абишева пишет: «От современного специалиста требуется владение профессиональными навыками сразу в нескольких отраслях. Цифровые технологии позволяют решать эту задачу максимально эффективно. Сегодня необходимо иметь знания о классических методах работы в медиаиндустрии, владеть мультимедийными средствами, умениями, компетенциями, которые позволяют быстро определить лучший формат подачи информационного продукта, одновременно готовить материалы

для передачи по различным каналам информации: периодической печати, телевидению, радио, интернету и мобильным СМИ. Он должен уметь снимать видео, записывать аудиоподкасты, монтировать сюжеты, работать с блогами, производить текст и т. д. То есть мы имеем возможность наблюдать внедрение в процесс медиасреды идеи «универсального журналиста» [Абишева, с. 199].

В свете сказанного нам кажется продуктивной теория Говарда Гарднера, авторитетного американского ученого, психолога, профессора Гарварда, о различных типах интеллекта (так называемый «множественный интеллект»), которыми в той или иной степени обладает любая личность. То есть любой человек, по мнению исследователя, имеет своеобразный «интеллектуальный портрет» (в терминологии Г. Гарднера — «интеллектуальный профиль»). Интеллект, по Г. Гарднеру, это «гибкая, зависящая от окружающей культуры конструкция, способность человека решать проблемы, создавать ценные продукты деятельности, а также ставить новые проблемы в качестве фундамента для новых знаний» [Гарднер]. При этом тот или иной вид интеллекта может у человека доминировать, а другой быть не слишком развитым. Это происходит потому, что все виды интеллектов практически автономны. При этом надо иметь в виду, что все люди владеют всеми видами интеллекта, коих автор выделил девять: «музыкальный интеллект; межличностный интеллект; внутриличностный интеллект; визуально-пространственный интеллект; лингвистический интеллект; кинестетический интеллект; логико-математический интеллект; натуралистический интеллект; экзистенциальный интеллект» [Там же].

Так, в свете наших размышлений, уместно привести в качестве примера описание лингвистического интеллекта (или «словесного ума»): «...это высокое владение устной и письменной речью. Это способность эффективно использовать слова для выражения своих мыслей (а также умение понимать средства выражения других) и понимание сложных словесных конструкций с использованием необычных, технических или иностранных слов. Этот тип интеллекта часто встречается среди писателей, общественных ораторов, изучающих языки и учителей, а также в других профессиях, которые предусматривают отличное владение языковыми средствами. Лингвистический интеллект также ассоциируется с академическим способом решения проблем и абстрактным мышлением» [Там же]. Сам психолог и его последователи стремятся расширить список видов интеллекта. К примеру, в своей работе «Переосмысление интеллекта: множество интеллектов в XXI веке» исследователь предлагает добавить «экзистенциальный интеллект», связанный с размышлениями человека о своем существовании, его причинах и целях (этим свойством / способностью человек отличается от всех других живых существ на планете). В 2016 г. в одном из своих интервью он говорил о еще одном виде интеллекта — «педагогическом». Отметим, что теория Гарднера активно применяется в западной педагогике, поскольку позволяет выявлять сильные и слабые стороны обучающегося, индивидуализировать учебный процесс.

В научный оборот активно вводится понятие «социальный интеллект». Проблема подробно описана в работах Дж. Гилфорда, Р. Стенберга, М. Салливана, Дж. Андерсена и др. В России разрабатывается диагностический измерительный

инструментарий развитости данной компетенции (см. работы Д. В. Ушакова, Т. В. Ясюковой, Т. Д. Савенковой, О. Б. Чесноковой, М. А. Холодной и др.). Само определение понятия раскрывается в сфере коммуникативных компетенций, адаптивных практик взаимодействия, эмоционального интеллекта, когнитивных подходов и связано прежде всего с различными аспектами социального успеха, социальной компетентности индивида. Безусловно, и социологи не могли не осветить данную проблему в своих трудах. Деятельностное отражение социального интеллекта при решении определенных задач исследуется в работах Р. Селман, Г. Олпорта, Н. Кантор, Дж. Килстра.

Итак, последователями Г. Гарднера разработан ряд тестов и их модификаций, позволяющих представить в виде диаграммы «интеллектуальный профиль» личности. Эти тесты довольно часто используются на Западе в образовательных учреждениях с целью помочь выпускникам определиться с будущей профессией. Так, можно упомянуть тест от компании IDRLabs, который опирается на работы ученого, поскольку в них уже был заложен ряд диагностических критериев.

Для нас существенным является тот факт, что список «видов интеллекта» не так давно пополнился «цифровым интеллектом» (или «метаинтеллектом»), который, как видно из названия, отвечает за взаимодействие человека с цифровыми технологиями и его существование в цифровом пространстве. Остановимся на этом типе подробнее, поскольку, как уже говорилось выше, цифровизация внесла серьезные коррективы в современную журналистику.

Теория была разработана и получила необходимую эмпирическую базу в 2015 г. Рабочая группа из Южной Кореи под руководством Пака Юхёна, доктора наук в области биостатистики, предложила термин «цифровой коэффициент»², разработаны стандарты определения цифрового интеллекта, которому авторы дают следующее определение: «...это совокупность социальных, эмоциональных и когнитивных способностей, которые позволяют людям противостоять вызовам и адаптироваться к требованиям цифровой жизни» [DQ: что такое цифровой интеллект...]. Приведем пример оценки цифрового интеллекта («цифровой личности»), который наглядно представляет соотношение таких его позиций / составляющих, как *управление экранным временем, личными данными, цифровым следом, критическое мышление, кибербезопасность, умение противостоять кибербуллингу*. Как видим, большинство оцениваемых позиций связано с умением личности противостоять киберугрозам, предупреждать их, осуществляя деятельность в цифровом пространстве (см. рисунок).

Итак, по мнению авторов DQ-теории, цифровой интеллект отвечает за умение быстро адаптироваться к новым информационным технологиям, развивающимся цифровым инструментам, за компьютерную грамотность (в широком понимании термина). Безусловно, данные навыки играют важную роль в жизни современного человека, непосредственным образом связаны с его профессиональной и творческой самореализацией.

² Англ. «digital quotient» (DQ).

Инфографика 1. Оценка DQ личности.

Источник: DQ Institute

Находясь в фарватере данных исследований, в порядке дискуссии мы предлагаем к представленному выше перечню типов интеллекта добавить еще один — *медиаинтеллект*. Попытаемся в общем виде обосновать свою позицию.

Современный пользователь погружен не только в цифровое пространство, но и в пространство медийное, ставшее неотъемлемой частью первого. Все меньше медийных ресурсов (ТВ, радио, печатные издания) остается за пределами цифрового пространства. А это означает две вещи: с одной стороны, у получателя (адресата, реципиента) расширяется спектр возможностей по сбору, анализу, творческой переработке и распространению информации (ряд исследователей говорит о сотворчестве журналиста и реципиента³); с другой — никто не будет отрицать тех угроз, которые несет цифровизация СМИ: у недобросовестных авторов появляются все новые способы скрытого воздействия на адресата, все более изощренные инструменты манипулирования его сознанием. И как «цифровая личность» должна иметь достаточный уровень «цифрового интеллекта», чтобы пользоваться возможностями интернета безопасно, так и «медиальность» должна иметь необходимый уровень развития именно «медиаинтеллекта», чтобы не только справляться с возможными угрозами, но и иметь возможности для

³ См., например, исследования В. Ф. Олешко по данному вопросу.

эффективной творческой самореализации. Формировать целостную, гармоничную личность должны институты медиаобразования, которые в нашей стране развиты недостаточно, их цели и задачи остаются размытыми. Мы уже не говорим о технологиях и методах подготовки целостной медиаличности, которые находятся в начальной стадии разработки.

Недостаток современных программ по медиаобразованию видится нам, во-первых, в недооценке угроз и вызовов, но также и возможностей цифровизации СМИ, а во-вторых, в неверной, на наш взгляд, расстановке акцентов: личность в медийном пространстве в большинстве исследований понимается как объект, на который направлено негативное, деструктивное воздействие виртуальной реальности. Мы же считаем пользователя не объектом, а субъектом медиaproстранства, наравне с профессиональными журналистами, поскольку современные цифровые инструменты позволяют (повторим) выступать простым гражданам, зачастую не имеющим профильного образования, в качестве партнеров, соавторов по отношению к профессиональным изданиям, создавать оригинальный контент и даже *новые смыслы*, т. е. обогащать и трансформировать ментальное пространство нации. Так называемая «общественная журналистика» (блогеры, ютуберы, комментаторы, «диванные эксперты» и т. п.) давно уже составляет конкуренцию журналистике профессиональной. Благодаря творческому подходу к подаче материала, отсутствию признаков ангажированности, эмоциональности и т. д. непрофессиональные авторы оттягивают на себя серьезное количество пользователей, при этом они часто не несут юридической ответственности за сказанное или показанное, лишены нравственных ограничений. Подобная страта медийного пространства порождает огромное количество фейков, стереотипов, искажает объективную реальность. В связи с этим ответственность отдельной медиаличности перед потребителями информации должна быть основой работы массмедиа. Если же подобное качество у журналиста не сформировано, должны включаться внешние мотивы, государственные инструменты контроля: «...средства массовой коммуникации должны взять на себя определенные обязательства перед обществом (в политике, культуре, образовании, развитии личности и т. д.), если же они этого не сделают, то кто-то должен проследить за тем, чтобы они это сделали» [Олешко, с. 53].

Итак, медиаобразование должно сформировать творческую личность, уважающую законы и социокультурные нормы нации. Но эффективная реализация образовательной политики в данном направлении невозможна без четких критериев, по которым будет вестись данная работа, оцениваться ее эффективность. И в данном случае методика оценки медиаинтеллекта может быть достаточно эффективной и перспективной. Позволим себе перечислить те позиции, которые, на наш взгляд, могут быть учтены при составлении методики анализа медиаинтеллекта, при создании «портрета медиаличности»:

- цифровая грамотность;
- языковая и речевая компетенции;
- творческие способности (уровень креативности);

- критическое мышление, рефлексия;
- гражданская позиция, степень ее соответствия социокультурной норме;
- мотивация.

Данные параметры выбраны по двум причинам: они могут дать достаточно полное (всестороннее) представление о медиальности и могут быть верифицированы (при использовании анкет, тестов и т. д.), т. е. поддаются качественному и количественному анализу. При этом мы отдаем себе отчет, что перечень предложенных критериев может изменяться, корректироваться, не является полным, однако убеждены, что медиаинтеллект индивида, как и цифровой интеллект, должен оцениваться в системе, в совокупности всех выбранных критериев. Именно их соотношение и станет индивидуальным портретом медиальности, даст возможность оценить уровень готовности индивида к вхождению в медиапространство в роли актора, субъекта журналистской деятельности.

Накопление эмпирической базы по данному вопросу позволит, по нашему мнению, скорректировать существующие программы по медиаобразованию и лучше представить образ «идеального журналиста», т. е. выпускника вуза, специалиста, наиболее точно отвечающего запросам социума, способного достойно противостоять угрозам цифровизации СМИ, объективировать действительность, помогать в решении накопившихся проблем, создавать новые *позитивные* смыслы.

Абишева В. Т. К проблеме изучения личности журналиста-профессионала // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 8–1. С. 196–199.

Гаврилов В. В. К вопросу оценки креативной компетенции студентов-журналистов // Вестн. РУДН. Сер. : Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27, № 2. С. 388–398.

Гарднер Г. Типы интеллекта // ПрофТест : сайт. URL: <https://careertest.ru/tests/tip-intellekta-govard-gardner/> (дата обращения: 17.02.2023).

Дзялошинский И. М. Методы изучения личности журналиста // Официальный сайт Дзялошинского Иосифа Михайловича. URL: <https://dzyalosh.ru/03-05-Avtor-Jurnalistika/russ-jornal/1-5.pdf> (дата обращения: 12.01.23).

Журналистика в мире политики: исследовательские подходы и практика участия. СПб., 2004. С. 266–267.

Трансформация журналистской работы под влиянием новых технологий: поиск информации, жанры медиатекстов, редакционная культура / А. В. Колесниченко, А. В. Вырковский, М. Ю. Галкина и др. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2017. № 5. С. 66.

Корконосенко С. Г. Социология журналистики. М., 2022. С. 43–48.

Кузин В. И. Психологическая культура журналиста. СПб., 2004. 205 с.

Молоков К. DQ: что такое цифровой интеллект и важен ли он в современном образовании // Skillbox Media : сайт. 2022. 17 янв. URL: <https://skillbox.ru/media/education/dq-cto-takoe-tsifrovoy-intellekt-i-vazhen-li-on-v-sovremennom-obrazovanii/> (дата обращения: 30.01.2023).

Олешко В. Ф. Моделирование в журналистике: теория, практика, опыт. Екатеринбург, 2000. 194 с.

Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М., 2011. 349 с.

Свитич Л. Г. Профессия: журналист. М., 2003. 253 с.

Сосновская А. М. Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). СПб., 2005. Гл. 3 // EVARTIST : авторский проект Екатерины Алеевой. URL: <http://evartist.narod.ru/text19/041.htm> (дата обращения: 09.01.2023).

Шестеркина Л. П. Журналистское образование и универсализация профессии: экспериментальный опыт : монография. Челябинск, 2013. 118 с.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023 г.

Научная статья

УДК 070.1:394 + 070.1:004.032.6 + 316.77:001.12

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.026

АНТРОПОЛОГИЯ АУДИТОРИИ: НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Борис Николаевич Лозовский

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
Boris.lozovsky@urfu.ru*

А н н о т а ц и я. В статье на основе анализа многочисленных суждений исследователей, медиаэкспертов, медиаменеджеров и журналистов описываются и оцениваются особенности коммуникаций аудитории со средствами массовой информации, которые обусловлены происходящими политическими, экономическими, социально-культурными и технологическими изменениями.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиаантропология; аудитория; человекоцентричность; социальная журналистика; новые аудитории

AUDIENCE ANTHROPOLOGY: NEW DIMENSIONS

Boris N. Lozovsky

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
Boris.lozovsky@urfu.ru*

A b s t r a c t. Based on the analysis of numerous opinions of researchers, media experts, media managers and journalists, the article describes and evaluates the modern features of the audience in its communications with the media, which are attributed to the ongoing political, economic, socio-cultural and technological changes.

К e y w o r d s: media anthropology; audience; human-centricity; social journalism; new audiences

Как известно, медиаантропология изучает процессы производства и потребления массмедиа. Нынешний бум антропологических медиаисследований с акцентом на «антропоцентризм» и «человекоцентричность» напоминает разворот к давно забытому старому.

Антропологический поворот рифмуется с профессиональными мемами прошлых лет — больше внимания: а) «простому» (вариант — «рядовому») человеку;

б) «маленькому» человеку; в) «человеку труда»; г) «тому, у кого нет голоса», для того чтобы он мог сказать все, что думает, и его услышали. Хотя в нынешней эпохе для достижения такой цели нужен всего-то более или менее современный гаджет и выход в интернет.

«Журналист меняет профессию» — этнографический метод познания, но и антропологический в то же время. Когда журналистка из «Комсомольской правды» устраивается официанткой в ресторан круизного теплохода и по истечении краткосрочного трудового контракта публикует истории, подсмотренные и подслушанные на борту; когда западногерманский публицист Гюнтер Вальраф, под видом турецкого беженца устраивается чернорабочим, а потом пишет книгу об издевательском отношении тамошних работодателей к эмигрантам — можно сказать, что репортеры изучают людей, выступают в роли антропологов.

Пандемия развернула журналистов к человеку. Заставив их писать-снимать-рассказывать о том, КАК жить в таких условиях, чтобы сохранить здоровье. Помощь людям — не антропологическая ли тема?

24 февраля 2022 г., с последующими тотальными санкциями во всех сферах бытия, заставило еще круче развернуться к человеку, что в условиях «нового огораживания» в виде признания журналистов и СМИ иностранными агентами, активности Роскомнадзора в части блокировки ресурсов, требований прокуратуры и поправок к медийному законодательству Государственной думой активировало вечный вопрос: о чем писать? Естественно, о людях и привязанных к ним проблемах. «Гречки хватит», «Сахара достаточно», «Полеты в космос никто не отменял», «Деньги малолетним семьям будут выплачены вовремя» — это только заголовки в газетах после объявления Западом тотальных санкций.

Российская журналистика в ее стремлении к человекоцентричности совершила названный поворот задолго до 2022-го. Внимание к «простому» человеку в советской прессе было всегда и проявлялось обычно в жанрах зарисовки и портретного очерка. Стоит вспомнить «Моральный кодекс строителя коммунизма» — конкретно-исторический аватар антропологического подхода к воспитанию «нового человека», с мощнейшим пропагандистским сопровождением.

«В защиту человека труда» — всероссийская акция, запущенная на Урале уже в XXI в. во времена постпреда президента, начальника сборочного цеха нижегородского Уралвагонзавода, просуществовав некоторое время в вялотекущем режиме, была прекращена. «Мы вернем в журналистику человека» — миссия автономной некоммерческой организации «Информационный портал “Такие дела”».

Нынешний антропологический разворот (в некоторых публикациях «поворот») имеет свои причины. Одна из них — естественная реакция на ограничения в условиях СВО. Медиа разворачиваются к «безопасным» темам, тем самым снижают градус напряжения в отношениях с контролирующими структурами.

В приоритете — помощь конкретным людям журналистскими ресурсами. Фундаментальная традиция советской печати — защита интересов «маленького» человека — в нынешнем варианте выглядит таким образом: *отвлечь, развлечь, увлечь, вовлечь*. А также успокоить население. Еще в 2010 г., будучи гендиректором

НТВ, Владимир Кулистиков сформулировал задачу медиа: «В России его роль (телевидения. — Б. Л.) не развлекательная, а отвлекательная. А отсюда его уникальность как стабилизатора непростой реальности. Поэтому эта реальность, я считаю, должна кроиться под телевидение, а не наоборот» [Кулистиков].

Наверное, поэтому появляются соответствующие текущему моменту советы помочь: посадить, вырастить, собрать урожай и сделать заготовки на зиму; справиться с гипертонией, запорами, диареей, повышенным холестерином, импотенцией. Челябинская газета «Синегорье» опубликовала десяток объявлений от ясновидящих и гадалок. Те обещают помочь «решить любые жизненные сложности», «избавить от тяжелой судьбы и злой доли», «восстановить мужскую энергетику без вреда и греха», «вернуть любимого человека без греха», «снять порчу», «избавить от дурных пристрастий», защитит «от врагов, завистников и наговоров». Отдельные «волшебницы» предлагают скидку пенсионерам до 50 % [Синегорье].

У «глубинного народа» появился спрос. Если подобное публикуется в газете, стало быть, в жизни происходит нечто эдакое, что требует скорой оккультной помощи. Такие объявления не только средство пополнения бюджета редакции, но и свидетельство попадания медиа в ситуацию не менее жесткой зависимости от аудитории, чем от управленческих структур.

Вторая причина в том, что подобный медиаисследовательский «зигзаг» представляется не вполне еще отработанным ответом медиа на индивидуализацию информационного потребления. На XXXI конференции по медиаправу (Москва, 19 декабря 2022 г.) один из соавторов Закона РФ «О СМИ» Юрий Батурин сделал импульсный доклад под названием «Омнимедиа¹ и трансформация информационного права». В нем он описывал тенденцию в современном медиапространстве, связанную с все большей индивидуализацией медийного контента, когда информация предьявляется в приемлемой форме и в удобное для конкретной персоны время. На этой основе докладчик презентовал идею о необходимости «персонализированного права». По данным Википедии, файлы COOKIE, например, могут использоваться для запоминания информации о пользователе, чтобы со временем показывать ему соответствующий контент. Это обстоятельство всерьез интересует медиаменеджеров, ведущих непрекращающуюся конкурентную борьбу за внимание аудитории. При этом используются все доступные на текущий момент методы и формы персонализации информации, включая концепцию «воронки продаж», в частности модель AIDA, от маркетологов.

Возможности «постановки на учет» каждого пользователя интернетом, в зависимости от того, чем он интересуется, с последующими индивидуальными предложениями на всякий вкус мануфактурных изделий, еды, новостей и всего

¹ «Омнимедиа» — интегрированный способ распространения и получения информации, предполагающий передачу и использование персонализированного контента на всех возможных платформах и всеми доступными средствами. Развитие омнитехнологий ведет к тому, что индивиду представляется информация, какую он желает, в удобной для него форме и в предпочтительное время.

остального, что только можно вообразить, соблазнительны для бизнеса. Наиболее всего «антропологически развернулись» рекламопроизводители и бойцы за кликбейт. У «антропологического поворота» есть своя экономика.

Поэтому не учитывать влияние нынешних политических, экономических, социальных и технологических факторов — значит консервировать не вполне приятные процессы, связанные прежде всего с продолжающейся фрагментацией аудитории и фатальным исходом ее в эхо-камеры, социальные сети и далее во вселенную интернета.

Целью предлагаемой статьи выступает анализ суждений экспертов, медиаменеджеров, журналистов относительно современных подходов к аудитории медиа, их группировка с последующим обобщением. В качестве источников материала использованы работы исследователей, интервью медиаменеджеров и журналистов (опубликованные в профессиональной и общего содержания прессе, а также взятые студентами факультета журналистики в процессе изучения профессиональных дисциплин).

Отношение СМИ к аудитории

Кому нужна сегодняшняя аудитория? Политикам, производителям товаров и услуг, рекламодателям, а также работникам медиа, чтобы продать ее названным субъектам. «Аудитория как товар» — фрейм эпохи экономической модели, основанной на рекламе. Сегодня этот «товар» имеет иные потребительские свойства.

Аудитория нужна прежде всего журналистам и медиа. Поэтому наиболее продвинутые медиаменеджеры давно сменили парадигму отношений с нею. Суперзадача любого редактора и журналиста — «попасть в ожидания аудитории», темой, фактами, оценками, точностью описания, конкретными акциями вовлечения в информационный обмен.

Исследователи медиа предлагают не создавать контент, а создавать удобную среду, где пользователи сами смогут, а главное, захотят производить контент [Дженкинс].

Недавний главред портала E1.ru Оксана Маклакова рассказала о работе сайта: «У нас существует UGC (user-generated content. — *Б. Л.*) — контент, который производят пользователи, в нашем случае читатели нашего портала. Сегодня UGC — 10–15 % всего контента, который появляется на сайте... На площадках наших социальных сетей мы оставляем опросы, связанные с актуальной информационной повесткой: важные даты, проблемы транспорта. Например, наступает 1 сентября — и просим горожан рассказать свои воспоминания про чудесные школьные годы или поделиться фотографиями. Таким образом, ответы читателей мы воспринимаем как социологическое исследование и превращаем его в журналистские тексты, а после публикуем»².

² Из интервью Оксаны Маклаковой студентке Анастасии Якушевой. — Архив автора.

Новый импульс для развития получает «социальная журналистика» — одна из хорошо проработанных практик. По «социальной журналистике» проводятся семинары, мастер-классы, на которых тренируют писать на социальные темы, т. е., выражаясь рутинно, — «закрывать социалку». Но при внимательном рассмотрении можно прийти к выводу: журналистика может быть только социальной, поскольку представляет собой специфический вид социального сервиса. Оксана Маклакова на встрече со студентами журфака резюмировала просто: «Наша задача — помогать всем и во всем!» (архив автора). Другими словами, способствовать тому, чтобы жизнь людей становилась более удобной и комфортной.

Традиционные СМИ давно поняли эту задачу и не собираются отдавать ее на откуп социальным сетям и платформам, пытаясь найти еще не «вытоптанное» поле, где можно принести пользу своей аудитории. Если уж искать истоки жизнестойкости журналистики, то именно в обслуживании социума в самом широком смысле этого слова, начиная с понятной всем «социалки» и заканчивая социализацией аудитории посредством обеспечения ее мнениями, дискуссиями, расследованиями, репортажами, оказанием помощи в борьбе с несправедливостью, нарушением прав. Такая работа тем более важна, поскольку интернет, не спрашивая ни у кого, уже экспроприировал многие функции у традиционных СМИ (информационную, в частности), обращаясь напрямую к социуму и последовательно побеждая в конкуренции за его внимание.

Интернет дает невиданный и неосознаваемый простор для выбора. Но чтобы найти что-то качественное, нужно потратить уйму времени, и люди начинают уставать от самостоятельного выбора, им хочется предложений, чтобы за них кто-то подумал и предложил посмотреть, послушать, почитать нечто, может быть, разумное, доброе и вечное. И в этом видится условие живучести журналистики как навигатора и гида по тематической вселенной.

«Вовлечение читателей, — пишет Всеволод Пуля, — это отдельная огромная задача для современных средств массовой информации, и ее не решить просто хорошим контентом. Необходимы целенаправленные усилия, которые будут этот контент “продавать”, а с его потребителем активно общаться. Эта потребность рождает новые форматы — скажем, сотрудники отдела мнений USA Today снимают свои планерки на видео. И выкладывают их в сеть одновременно с колонками, которые пишутся по итогам этих заседаний, обеспечивая совершенно новый уровень прозрачности в принятии редакционных решений и привлекая тысячу-другую дотошных читателей (зрителей)» (блог Всеволода Пули. URL: <http://mediatoolbox.ru/blog/kak-razvivayutsya-media-ssha-segodnya/>).

Однако аудитория испытывает потребность «вовлекаться» отнюдь не только в виртуальном формате, но и «в офлайне». «Тактильная» (термин замглавреда «Российской газеты» Юрия Лепского) журналистика возникает там и тогда, где и когда журналист напрямую общается с источниками, героями, персонажами, аудиторией. Клубы (в том числе тематические) читателей при редакциях — ответ на потребность людей в непосредственном общении с журналистами. Например, «Клуб читателей» еженедельника «Аргументы недели», программы «Жди меня»,

«ДНК» на НТВ — не только специфические журналистские технологии помощи конкретным людям, но и способ снятия усталости от виртуального общения, средство от тоски по непосредственным контактам.

Отношение аудитории к медиа

Опрос фонда «Медиастандарт» (совместно с исследовательской группой «Циркон»), проведенный в 2018 г. в связи с исследованием «Образ журналиста в массовом сознании россиян», показал, что россияне воспринимают СМИ прежде всего как институт гражданского общества. 82 % респондентов считают, что за результаты своей работы журналист несет ответственность перед всем обществом. Причем это мнение доминирует во всех возрастных и социальных группах. Следующий по популярности вариант — ответственность лишь перед аудиторией своего СМИ — набрал 35 % [Образ журналистов...]. Казалось бы, нет причин для переживаний, поскольку образ журналиста в основном положительный.

Кроме этого исследователи отметили, что «...жители России благосклоннее относятся к самим журналистам, чем к результатам работы института массовой информации. Профессия журналиста “скорее пользуется уважением” у большинства россиян: так считают 65 % респондентов (противоположного мнения придерживаются 15 %). При этом уважение к профессии не конвертируется целиком в доверие к результатам работы. Положительный вклад журналистов в развитие страны отмечает 41 % респондентов (отрицательный — 12 %), еще 30 % считают, что они ни на что серьезно не влияют. В целом доверяют журналистам уже 37 % респондентов (противоположного мнения — 24 %) и почти столько же — 35 % — доверяют выборочно. На вопрос о доверии к самим СМИ россияне отвечают скорее отрицательно: 50 % привыкли “скорее не доверять” большинству сообщений, выпускаемых журналистами. Полностью доверяют СМИ лишь 17 % россиян» [Там же].

Но пять лет с момента опроса (при нынешних скоростях изменений) — очень большой перерыв. Быстро текущие процессы в обществе и в неоднородной массе читателей, слушателей, зрителей ставят перед журналистами непростые задачи: понять особенности и алгоритмы потребления информации и далее использовать это для обеспечения устойчивого функционирования и развития собственных медиа.

Антропологический разворот произошел в самой аудитории. Она представляет собой очень подвижное множество пользователей, подписчиков, фолловеров, просьюмеров, продюзеров [Руттен, 294], потребителей, производителей и распространителей информации, критиков и соучастников. Ей практически не нужны «пароли и отзывы» для вхождения в информационное пространство, и даже журналисты как посредники. Люди разбиваются на стаи, племена (трайбализм), эхо-камеры, социальные группы по предпочтениям и интересам, социальным, политическим, культурным и субкультурным установкам.

Журналисты давно поняли, что есть разница между тем, что аудитория должна знать, и тем, что она желает знать. Произошел сдвиг к понятию «генеративной, творческой аудитории, у которой есть свое видение того, как должны выглядеть СМИ» [Шароян, с. 80].

«Бдительная аудитория» не только выискивает ошибки в текстах журналистов и желает получить майку с расхожим изречением на спине от Esquire. Она не соглашается, спорит, указывает, на что следовало обратить внимание, уличает в неграмотности, недальновидности, умолчании. Ставит знак с указательным пальцем вверх или вниз. «Лайк может рассматриваться как некая валюта на рынке социального внимания и одобрения» [Резаев, Трегубова, с. 34]. Кстати сказать, эта валюта существует довольно-таки давно.

Аудитория сегодня не только «подсчитываемая». На каждого владельца смартфона заведено «досье», о котором недавно можно было только мечтать. Участие людей в медиапространстве — существенное свидетельство проявления общественного интереса. Если власти и медиа (медиакратия) соединяются в «единый кулак» для решения задач управления и контроля, то медиа и население — для решения своих конкретных проблем. Такое слияние, вероятно, поможет найти иную бизнес-модель для локальной прессы. От медиакратии — к медиагражданам. Сореакция, сотрудничество, обсуждение, соучастие, сотворчество — много терминов с приставкой «со-» породил интернет.

Еще в 2015 г. заместитель главного редактора МИА «Россия сегодня» Наталья Лосева (медиаэксперт, занимается разработками в области VR/AR-журналистики) зафиксировала качественные изменения в циркуляции новостей: потребление информации происходит непрерывно, на разных типах платформ; потребление стало интерактивным; пользователь стал обязательной и важной частью распространения новостей; он ставит под сомнение монополию СМИ на сообщение и интерпретацию новостей; пользователь воспринимает институционализированные медиа скорее как фильтр информации или точку верификации, чем феномен информирования или первоисточник; воспринимает СМИ как средство объяснения информации, рекомендаций и ориентирования; не отличает и не стремится отличать рекламу от редакционного контента. При этом аудитория сохраняет основные мотивации для получения новостной и публицистической информации: вовремя узнать; быть предупрежденным; быть информированным и влиятельным; быть компетентным; испытать эмоцию, развлечь себя; занять себя и заполнить время и т. д. Все это может формировать новые аспекты получения и переживания информации: иметь возможность поделиться эмоцией, создавать вокруг себя и своих знаний постоянные и временные сообщества (обсуждение поста в соцсетях, например); влиять и впечатлять; самому сообщать информацию и оценивать публикации, влияя таким образом на источник [Лосева].

Однако есть и другие «антропологические» характеристики современной аудитории. «Публика, — считает Евгений Олешко, — начинает диктовать журналистам, что им писать, как подавать информацию, и скатывается всё это в формат рекомендаций и поискового пузыря. Если смотреть на редакционные метрики,

на запросы и общие тренды — выходит, что старая добрая “желтая”, кричащая пресса — это как раз то, что нужно в массе своей нашей аудитории»³.

Тренд текущего момента — зависимость от органов управления медиа компенсируют уходом на «безопасные» темы, но попадают в не менее жесткую зависимость от аудитории.

Нужна ли правда современной аудитории?

В качестве гипотезы предлагается тезис: одно из состояний «информационного благополучия» индивида (как существенной части благополучия как такового) предполагает снабжение его (и получение им) своевременной, достоверной, исчерпывающей информации от современных медиа для того, чтобы субъект принимал самостоятельные решения в соответствии с полученными сведениями.

Фейки и постправда, прямое искажение реальности в сообщениях медиа — эта тема не исчезает из профессионально-медийного и общественно-политического дискурса. Дескать, политики, а вслед за ними и журналисты сознательно используют эти не самые достойные форматы информирования, за что и получают обильные порции общественной критики. Однако это явление провоцируется отнюдь не только чьими-то «злыми умыслами». Живучесть фейков имеет под собой и другие, скрытые от поверхностного взгляда причины.

Состояние избыточности информации вызвано перепроизводством последней. Современный городской житель трудоспособного возраста — это своего рода фильтр, пропускающий через себя потоки информации и оставляющий (выбирающий) только нужное в данный момент бытия. Он, по мнению Виталия Лейбина, мало работает с глубиной и смыслами, но при этом просеивает предлагаемое по индивидуальной и спонтанно выбранной программе (архив автора).

«Сеть позволила нам изучить читателя, умерли иллюзии, которые журналистам грели сердца веками, — пишет Лев Кошечев, бывший главред “Уральского рабочего”. — Читательской массе не нужна правда, не нужен широкий спектр мнений, глубокий анализ и прочие наши фишки. Это все нужно только сильным людям. А средний читатель слаб, он устал, он требует, чтобы хотя бы журналисты ему еще и еще раз демонстрировали, что он прав, что он умный. Он требует, чтобы его гладили и почесывали. Чем современные массмедиа и занимаются, показывая читателю мир именно таким, каким тот хотел бы его видеть» [Якупова].

Бывший советник президента России по интернет-экономике Герман Клименко, дискутируя тоже с бывшим главредом «Русского репортера» Виталием Лейбиным в «Школе реальной журналистики», безапелляционно утверждал: «Сейчас журналист работает на плебей... хлеба и зрелищ — никакого варианта нет» [Лейбин, Клименко].

³ Из интервью доктора филологических наук Е. В. Олешко студентке Софье Бушуевой. — Архив автора.

А. В. Рубцов из Института философии РАН в своем выступлении на конференции 2020 г. на журфаке МГУ утверждал: «Общество — нарцисс. Смотрит себя в телевидении...» (архив автора). Смартфоны, айфоны, современные гаджеты и дивайсы спровоцировали невиданный рост нарциссизма в обществе. И это тоже характеристика современной аудитории. Нарциссу правда не нужна. Во что он верит, то и правда. В этом отношении «постправда» не только результат распространения информации, но и производное от ее восприятия.

В марте 2019 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения представил данные исследования о том, что россияне думают о законе «О фейковых новостях». Мнения о том, возможно ли отличить достоверную информацию от недостоверной в СМИ и интернете, разделились: половина опрошенных (49 %) считают, что можно отличить фейковые новости от достоверных, причем среди молодежи (18–24 года) эта доля выше — 65 %. Обратного мнения придерживаются 42 % респондентов, утверждая, что нельзя отличить достоверную информацию от недостоверной (сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/fejk-nyus-mnenie-rossiyan-o-novom-zakone>).

Борьба с фейками, спору нет, нужна. Но не всей аудитории важно — «врут» ли медиа или нет. Она удовлетворяется своим «внутриплеменным» информационным обменом. «Устраивающую» информацию находят в своих «эхо-камерах», в социальных сетях, у друзей и коллег. С другой стороны, для части аудитории реальное есть сообщаемое, а сообщаемое есть реальное [Гэллоуэй, Такер, Уорк]. Другими словами, то, что предлагают медиа, то и есть правда.

Ольга Чебыкина, автор и ведущая YouTube-канала «Не принято обсуждать», сделала вывод: аудитория телевидения регионального и федерального становится старше, менее образованнее, все с более низкой платежеспособностью, по содержанию рекламы можно судить о характере аудитории и ее примерных доходах (архив автора). «Раз показывают по телевидению, значит так оно и есть!» — расхожее утверждение у пожилой части населения.

Причины равнодушия к достоверности сведений следует искать не только в отсутствии медиаграмотности, но и в отдельных ментальных конструкциях аудитории, связанных, например, с потребностью в стабильности и относительно устойчивой картине мира, нередко выражающихся в мемах: «не заморачиваться», «мой дом — моя крепость», «не до жиру, быть бы живу», «лучше этого не знать». Отсюда — низкая требовательность населения к СМИ [Костиков].

На одну из причин этого указал экс-замглавы Администрации президента России Владислав Сурков: «Политическое представительство проваливается по всем направлениям. С одной стороны, “народные” представители по небесспорному, конечно, утверждению критиков западной демократии, превращаются в узурпаторов, искажая сигналы, подаваемые народом. С другой стороны, и сам народ, в свою очередь, посылает все более путанные сигналы, поскольку живых избирателей теснят и перекрикивают банды наглых ботов, фейковых аккаунтов и прочих виртуальных иммигрантов, дополняющих политическую реальность до степени неузнаваемости» [Сурков].

Известно, что платформы сегодня уже знают о нас многое. Предлагают все, на что мы хотя бы как-то нажали своими кликами и заходами. Наши интересы учтены, и на «блюде с голубой каемочкой» — дисплее нашего смартфона — их «удовлетворения». Таким образом ограничивается самостоятельность выбора и усиливается субъективная составляющая восприятия информации. Однако это обстоятельство уже начинает раздражать: «Я устаю от своих интересов, — сказала пятикурсница журфака, сотрудник интернет-издания, — хочу что-то другое, а мне предлагают мое...»

Разумеется, ситуация не такая мрачная. «Правда» в журналистике — понятие лонгитюдное, пролонгированное. Об этом еще в 1843 г. писал Карл Маркс в «Оправдании мозельского корреспондента» [Маркс, Энгельс].

А в 2021 г. в интервью Всеволоду Пуле теоретик медиа Андрей Мирошниченко заключил: «Люди узнают новости и без СМИ, но если новости слишком будоражащие, то необходимо найти подтверждение, необходимо свериться с авторитетным для своей социальной группы источником и установить значимость этой тревожной новости. По сути, СМИ переключились на валидацию, на своего рода нотариальную заверку наиболее тревожных новостей» [Пуля].

Остается принять это заключение как вариант светлого будущего правды в журналистике.

«Новые» аудитории

Потенциальная, расчетная, целевая, реальная аудитория — всем известная социологическая градация, апробированная в исследовательских и медийных практиках. Традиционное типологическое распределение по возрасту, социальному положению, профессиональному статусу уже не всегда дает исчерпывающее представление о том, что в действительности происходит в умах и душах персон, составляющих эту самую аудиторию. Последняя сегодня имеет более распределенную, мобильную, меняющуюся структуру. При этом общее количество потребителей медиа может оставаться примерно тем же, но внутри происходят существенные подвижки в связи с предлагаемой повесткой дня, решениями органов власти, спонтанными событиями во внешней и внутренней обстановке (политике).

Однако сегментированию аудитории по основным вопросам повестки дня в различные конкретно-исторические периоды требуется значительно больше внимания. Василий Гатов называет этот процесс расколом аудитории (архив автора). Распад СССР, ликвидация КПСС, Крым, Донбасс, Сирия, реабилитация Сталина, пенсионная реформа, «обнуление» в исправленной Конституции, СВО — проблемы, которые делят население на неравные части, каждая из которых предъявляет свои требования и претензии к СМИ в отношении контента и позиции. Проявляются аудитории «мобильно-тематические», разделяющие определенную позицию медиа по общественно важному вопросу, проблеме, событию или не согласные с ней, другими словами, pro and contra. Еще интереснее

становится, когда отдельные медиаменеджеры говорят о проблемах с аудиторией неопределёвшихся или «колеблющихся», кто в анкетах ставит «крюжок» напротив «не знаю» или «нет ответа». 20 % населения всегда будут сомневаться⁴.

Широко известен мем от Дмитрия Анатольевича Медведева «Денег нет, но вы держитесь!» с последующими обещаниями помощи Венесуэле и другим государствам, пострадавшим от природных катаклизмов, и протестами жителей Приморья, испытывающих страдания от наводнений. Такие заявления формируют свои аудитории — *ad hoc* (для данного случая), с последующим нагревом и далее перегревом соответствующих настроений. Аудитория в первой четверти двадцать первого столетия и продукт, и равноправный субъект коммуникации, и испытательный полигон для нейросетевых технологий, и объект коммодификации, и непосредственный участник кастомизации.

Напрашивается потребность в рефреймировании аудитории медиа: от аудитории принта к аудитории эпохи digital. Поскольку наработанного понятийного аппарата сегодня не вполне достаточно для определения процессов, происходящих в аудитории, его следует как минимум пополнить. Тем более что новые термины оживляют научную дискуссию и обещают новые повороты в исследованиях. Один из таковых, например, «дезинтермедиация» [Прайс], что означает не что иное, как освобождение от посредника, т. е. журналист в качестве передаточного звена между событием и аудиторией становится не востребуемым. Чему и была посвящена дискуссия между советником президента России Германом Клименко и редактором «Русского репортера» Виталием Лейбиным в «Школе реальной журналистики» [Лейбин, Клименко]. Сама аудитория внутри себя обменивается информацией, мнениями, оценками. Напрямую. Самостоятельно распространяют информацию на различных платформах и чиновники разного уровня, минуя СМИ и журналистов. Это наносит чувствительный удар по миссии журналистики, что отнюдь не означает, что профессия уже в нокдауне, хотя в интервью «Российской газете» Андрей Мирошниченко настаивает: «...традиционной журналистике как институту, индустрии и профессии осталось пять лет агонии и еще лет десять конвульсий» [Снегирев]. Отложим пока этот провокативный прогноз до отмеченного медиаэкспертом периода времени, а там посмотрим.

Дезинтермедиация порождает новый тип аудитории — «именной» или «авторский», т. е. привязанной к конкретному персонажу. Так было и в XX в. до интернета. Люди «группировались вокруг» конкретных журналистов, поскольку их позиции и оценки совпадали с аудиторными, их тексты становились фактом широкого общественного обсуждения. И даже если оценки не совпадали — подход увлекал, поэтому смотрели, слушали, читали.

«Теперь нет общих медиа», — считает Норберт Болъц. Разные ценностные системы обслуживают разные медиа. Следовательно, аудитория представляет собой некую совокупность ценностных установок. Впрочем, ее таковой всегда и считали. Другое дело, что набор ценностей систематически пополняется,

⁴ Из выступления Ярослава Игнатовского на форуме «Вся Россия–2022». — Архив автора.

изменяется в соответствии с происходящими глобальными и локальными изменениями значительно с большей скоростью, нежели пару десятков лет назад.

Отдельные исследователи предлагают вместо стратов, социальных групп использовать термин «динамические множества» [Вирно]. «Сообщество — способ критического осмысления того, что происходит в демократических обществах, путем деконструкции (в самом точном смысле слова) реально действующих процедур и институтов, а также провозглашаемых в них целей, ценностей и норм» [Петровская, с. 29]. Один из видов подобных сообществ — Echo chambers (эхо-камеры).

Кстати, не подтверждают ли эти вновь и вновь образуемые динамические множества известный тезис Маргарет Тэтчер, о том, что нет такого понятия, как общество, а есть отдельные люди и семьи? В недалеком прошлом заявление премьер-министра Великобритании своей радикальностью вызвало состояние когнитивного диссонанса у авторов многочисленных диссертаций об обществе.

Считать аудиторию полноправным субъектом в «изготовлении» контента медиа — уже общее место. Ее самостоятельность выходит далеко за пределы медиакommunikаций. Люди объединяются, сбрасываются и ремонтируют дороги в своем населенном пункте, восстанавливают часовню, не дожидаясь, когда власти этим займутся. Последние тут же начинают противодействовать инициативам, дескать, не согласовано и т. п., вплоть до «исправления» доброго деяния.

Рефрейминг аудиторий, вызванный их кастомизацией и коммодификацией, приводит к типологическому умножению: аудитория *ad hoc*; аудитория позиции (мнения) — «за», или «против», или «затрудняюсь»; «информационные резервации» (в зависимости от характера локаций в структурах власти и элитах их представители располагают и пользуются собственными специфическими алгоритмами восприятия информации); аудитория *соучаствующая*; «традиционалисты» и «прогрессисты»; аудитория, ожидающая балет «Лебединое озеро» по федеральным каналам; «*рассерженные патриоты*» [Винокурова]; «*колеблющиеся*» («Мы не цепляем колеблющихся людей, а их много... 20 процентов всегда будут сомневаться, и журналисты входят в этот процент»⁵). Список открыт для пополнения.

На страницах «Коммерсанта» политконсультант Евгения Стулова выразила мнение, что «...Россия сейчас фактически разделилась на несколько частей. Первая — это Россия столичная, которая находится в “стадии отрицания” и, “попивая смузи”, надеется, что ситуация сама собой “рассосется”. Вторая — Россия глубинная, которая почувствовала на себе СВО и находится “в стадии торга” с государством. Наконец, третья и четвертая — Россия воюющая и Россия уехавшая. Именно у России воюющей есть образ будущего. Они даже могут построить некую политическую систему уже сейчас», — заявила эксперт, добавив, что эта часть общества находится «в стадии гнева» [«Шизоиды»...]. Поэтому, по ее словам, «все политики, выстраивая свой образ, должны понимать, на какую именно из четырех

⁵ Из выступления Ярослава Игнатовского на форуме «Вся Россия–2022». — Архив автора.

Россий они хотят повлиять» [Там же]. Предложение, вероятно, следовало бы рассмотреть не только политикам.

Так вот, подобные динамические множества [Вирно] — суть «вещи в себе», по Канту, которые следовало бы превратить в объект и предмет тщательного медиаантропологического изучения. Но для этого необходима модернизация методологических подходов и исследовательских инструментов.

Болыч Н. Алфавит медиа. М., 2011. 136 с.

Винокурова Е. «Рассерженные патриоты»: в России зарождается новая оппозиция // ЯРНОВОСТИ : сетевое издание. URL: <https://yarnovosti.com/news/rasserjennye-patrioty-v-gossii-zarogdaetsya-novaya-oppozitsiya/> (дата обращения: 21.03.2023).

Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2015. 144 с.

Гэллоуэй А., Такер Ю., Уорк М. Экскоммуникация: Три эссе о медиа и медиации : пер. с англ. М., 2022. 256 с.

Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М., 2019. 384 с.

Костиков В. Свобода или селедка под шубой? // АиФ. 2019. 7 авг.

Кулистиков Владимир, генеральный директор НТВ: «Детали пусть выведывают шпионы» // Коммерсантъ. 2010. № 114.

Лосева Н. Персонализация информации: возможности и пределы // Общая тетрадь. 2015. № 68. URL: <https://otetrad.ru/article-1300.html> (дата обращения: 21.03.2023).

Лейбин Виталий и Клименко Герман: есть ли будущее у журналистики : дискуссия в Школе реальной журналистики // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7iUro5oFkHo> (дата обращения: 03.03.2023).

Маркс К., Энгельс Ф. Оправдание мозельского корреспондента // Сочинения. 2-е изд. М., 1955. С. 187–217.

Образ журналистов в массовом сознании россиян : аналит. отчет по результатам массового опроса населения РФ. URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/b0d/Obraz_zhurnalistov-2018_otchet.pdf (дата обращения: 03.03.2023).

Петровская Е. Безымянные сообщества. М., 2012. 384 с.

Прайс Д. Открыто. Как мы будем жить, работать и учиться. М., 2015. 288 с.

Пуля В. Андрей Мирошниченко: «Редакционная политика, а не новости, — это и есть последний товар СМИ» // Журналист. 2021. № 9. URL: <https://journalist-virt.ru/2021/09/14/2313/> (дата обращения: 03.03.2023).

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Новые медиа и «умные вещи»: как новые технологии актуализируют различия между общением и коммуникацией? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2019. № 1. С. 25–45.

Руттен Э. Искренность после коммунизма: культурная история. М., 2022. 416 с.

Синегорье (Челябинск). 2022. № 40.

Снегирев В. Выстоит ли традиционная журналистика под напором интернета : интервью с Андреем Мирошниченко // Рос. газ. 2021. 24 нояб.

Сурков В. Безлюдная демократия и другие политические чудеса 2021 года // Актуальные комментарии : сетевое издание. URL: <https://actualcomment.ru/bezlyudnaya-demokratiya-i-drugie-politicheskie-chudesa-2121-goda-211011125.html> (дата обращения: 03.03.2023).

Шароян С. В. Влияние внедрения инструментов веб-аналитики на редакционные процессы (на примере анализа работы редакции РБК) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2019. № 1. С. 80.

«Шизоиды», «воины» и «любовники». Эксперты и депутаты поговорили о «политиках новой волны» // Коммерсантъ. 2023. 9 февр.

Якупова В. Кошечев Лев: «СМИ конкурируют не за рубли читателя, а за минуты его времени...» // Журналист. 2015. № 7. С. 24–26.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023 г.

Научная статья

УДК 070.1-053.6/81 + 316.77 + 004.738.5 + 81'42 + 316.77 + 81'27:659.123.4 + 316.654:32

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.027

МЕДИАТЕКСТЫ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЕЖНЫХ МЕДИА: СПЕЦИФИКА ПОСТРОЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ «АДРЕСАНТ — АДРЕСАТ»

Валерия Анатольевна Хворова

Тамбовский государственный университет

имени Г. Р. Державина,

Тамбов, Россия,

valeriya_hvorova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0763-8985>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена актуальной проблеме формирования у молодежи коммуникативной культуры. С целью выявления специфики построения отношений «адресант — адресат» был проведен анализ медиатекстов, ориентированных на молодых медиапотребителей. Для достижения цели исследования при помощи текстологического метода изучался контент современных молодежных медиа «Маруся», «Янгспейс», NR. В работе представлены результаты глубинного анализа страниц в социальных медиа представителей молодежи — участников проекта Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина «Школа развития Derzhavinskills», наблюдений среди учеников 4–8-х классов тамбовской школы, а также интервью с работниками образования (школьные учителя и психологи). В заключение приведены выводы о средствах построения отношений «адресант — адресат»: преобладание приема диалогизации, тяготение к игрореализации как форме диалога с аудиторией, усиление воздействия манипулятивных механизмов и нивелирование этических норм в контексте речевого общения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: адресант; адресат; молодежные медиа; диалогичность; игрореализация; манипулятивность; медиатексты

MEDIA TEXTS OF MODERN YOUTH MEDIA: THE SPECIFICS OF BUILDING THE “ADDRESSEE – ADDRESSEE” RELATIONSHIP

Valeria A. Khvorova

*Derzhavin Tambov State University,
Tambov, Russia,*

valeriya_hvorova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0763-8985>

Abstract. The article is devoted to the actual problem of the formation of a communicative culture among young people. In order to identify the specifics of building the “addressee – addressee” relationship, the study of media texts aimed at young media consumers is carried out. To achieve the research goal, the content of modern youth media “Marusya”, “Yangspace”, NR was studied based on the textual method. The paper presents the results of an in–depth analysis of the social media pages of youth representatives participating in the Tambov State University named after G. R. Derzhavin School of Development Derzhavinskills, the results of observation among students of grades 4–8 of the Tambov school and interviews with educators (school teachers and psychologists). In conclusion, the conclusions about the means of building the “addressee – addressee” relationship are presented: the predominance of the method of dialogization, the attraction to game realization as a form of dialogue with the audience, the strengthening of the impact of manipulative mechanisms and the leveling of ethical norms in the context of speech communication.

Key words: addressee; addressee; youth media; dialogicity; game realization; manipulateness; media texts

Введение

Новые технологии не только изменили практику медиапотребления молодежи, но и привели к трансформации отношений между аудиторией и авторами медиатекстов, ориентированных на «цифровую молодежь». Современные молодежные медиа отличает стремление привлечь искушенного возможностью выбора контента молодого медиапотребителя, и для достижения этой цели производители контента готовы использовать различные приемы. Определяющим свойством медиатекстов для молодежной аудитории является диалогизация, которая способствует сокращению дистанции между автором и читателем.

Онтологическое свойство любого текста — его адресованность, что позволяет исследователям говорить о диалогичности как тенденции современного мировосприятия [Клушина], реализуемой в интерактивной форме. Под диалогичностью понимается «выраженность в тексте многосторонности речевого общения (как проявление социальности речи и мышления), реализующейся в 1) собственно диалогических текстах; 2) диалоге между текстами — макротексте; 3) монологических текстах, насыщенных средствами, с одной стороны, как бы заимствованными из устного диалога, с другой стороны, средствами специально для этого

созданными в сфере самой письменной речи (с учетом позиции адресата и тем самым косвенного его воздействия на речь говорящего)» [Дускаева, с. 17].

В современных исследованиях большое внимание уделяется «концепции адресата». Так, Л. В. Хочунская отмечает, что концепция адресата неизбежно влияет на творческий процесс по созданию текста, воздействуя на замысел произведения, на способ и форму его воплощения [Хочунская, с. 46]. Н. И. Клушина считает, что «с самого начала творческого акта по созданию публицистического текста автор, имея в сознании концепцию адресата или созданный им образ читателя, вступает в непрекращающийся диалог с этим образом читателя» [Клушина, с. 54].

Адресант и адресат заинтересованы во взаимопонимании. Говорящий стремится быть адекватно понятым слушающим, а слушающий, в свою очередь, стремится получить объективную и неискаженную информацию. Таким образом, гармонизация отношений между адресантом и адресатом является ведущим принципом успешной коммуникации.

Методы

В данной работе предпринято исследование медиатекстов, ориентированных на молодых медиапотребителей, с целью выявления специфики построения отношений «адресант — адресат». При помощи текстологического метода был изучен контент современных молодежных медиа «Маруся», «Янгспейс», NR за период июнь — сентябрь 2021 г. «Маруся» является зарегистрированным в Роскомнадзоре ежемесячным иллюстрированным журналом для девушек до 18 лет, имеющим сетевые площадки в виде сайта и страницы в социальной сети «ВКонтакте». «Янгспейс» — это сетевое издание (сайт, «ВКонтакте», Telegram) о современной молодежи, о молодежной культуре и работе с молодежью. NR — это пример новостного сообщества («ВКонтакте», Telegram), большая часть участников которого (91 %) моложе 35 лет. Тематика сообщества NR, сконцентрированная на современной рэп-индустрии, ориентирована на молодых медиапотребителей. Текстологический метод позволяет конкретизировать средства построения диалога «адресант — адресат», рассмотреть игрореализацию как форму диалога с аудиторией, выделить приемы манипулятивного воздействия на адресата.

Для подтверждения гипотезы о приоритетности тенденции диалогичности при построении отношений «адресант — адресат» в работе представлены результаты глубинного анализа страниц в социальных медиа участников проекта Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина «Школа развития Derzhavinskills». Кроме того, автором работы использовались метод наблюдения (среди учеников 4–8-х классов одной из тамбовских школ) и метод интервью с работниками образования (школьные учителя и психологи).

Результаты исследования

Современные медиапроизводители понимают, что самый короткий путь между контентом и новым медиапотребителем — диалог с адресатом, поэтому

многие тексты в молодежных изданиях соответствуют тенденции диалогичности. Так, в журнале «Маруся», ориентированном на девушек 14–18 лет, часто можно встретить прямое обращение к читательнице («Ты случайно не бьюти-блогер? Проверь!» — тест о красоте). На сайте издания в разделе «Чувства» девушкам дает советы постоянный эксперт журнала психолог Елена Купаева, использующая в своих текстах обращения к читательницам («Представь, что снег не выпал» — текст о создании новогоднего настроения). О диалоговой направленности журнала свидетельствует наличие постоянной рубрики «Напиши нам!» для обратной связи с целевой аудиторией [Маруся].

Молодежный интернет-ресурс NR.Music, позиционирующий себя как музыкальное сообщество («О музыке, которую слушают прямо сейчас»), также демонстрирует прием диалогизации между адресантом и адресатом. Это выражается в первую очередь в том, что каждый подписчик сообщества может открыто прокомментировать любой пост, опубликованный в ресурсе. Данная функция закреплена в официальных Правилах пользования сообществом NR: «Можно оставлять комментарии, делиться новостями, ставить “Мне Нравится” и “Рассказывать друзьям” в любой форме и виде» [NR.Music]. Подобная готовность адресанта к диалогу находит отклик у молодежи. Так, не самый информативный пост о позициях трека «I Got Love» на различных музыкальных площадках меньше чем за 30 минут был прокомментирован более 50 раз [Там же].

Молодежный интернет-журнал «Янгспейс» не только выстраивает диалог с медиапотребителем, но и превращает читателя в равноправного создателя медиаконтента. У журнала есть опция создания аккаунта, открывающая широкие возможности для диалога: можно комментировать и создавать новости, влиять на содержание рубрик и присылать в редакцию свои релизы [Янгспейс — молодежный журнал].

Актуальной тенденцией в построении отношений адресанта и адресата является игорреализация текстового контента. Вслед за В. Ф. Олешко игорреализация рассматривается нами как форма «диалоговых взаимоотношений с аудиторией СМИ» [Олешко, с. 143]. Авторы исследований отмечают особую роль игровых практик в медиапотреблении молодого поколения и важность усиления гражданской вовлеченности аудитории при помощи природы игр [Басова, Беленко].

Медиа, ориентированные на молодежь, часто используют прием языковой игры в заголовках своих публикаций. Первое место по степени активности занимают заголовки, основанные на игре с сочетаемостью слов. В молодежном издании необычная сочетаемость связана, прежде всего, с внедрением лексических единиц, которые придают заголовку неожиданное звучание за счет нарушения клишированных форм подачи и «оживляют» информацию: например, материал «Эпичная жесьть коми» посвящен мифологии коми с точки зрения Уголовного кодекса. Столкновение слов разной стилистической окраски (книжное «эпичная» и сленговое «жесьть») в заголовке образует неузуальное словосочетание [Пыстина, с. 138].

Отношения между адресантом и адресатом носят противоречивый характер. С одной стороны, актуальная тенденция диалогичности способствует построению

равноправных отношений между участниками коммуникации, с другой стороны, диалогизация упрощает процесс воздействия и предоставляет возможности для манипулирования адресатом. Поэтому еще одной особенностью построения отношений адресанта и адресата в медиатекстах является манипулятивность, проявляющаяся в тех случаях, когда целью создания является прямое воздействие на адресата и формирование у него определенных стереотипов поведения.

Существует множество манипулятивных механизмов, с помощью которых формируются стереотипы сознания. Ведущим механизмом исследователи называют внедрение оценочной информации в фактологическую [Клушина, с. 31]. Так, в журнале «Янгспейс» автор Алина Чеснокова в публикации под названием «Музыка молодых: о чем поют MORGENSHTERN¹ и Instasamka?» наряду с фактическим изложением текстов исполнителей дает собственную авторскую оценку: «Скажем честно, нам многие слова в них до сих пор не ясны» или «Очень интеллектуальный текст, однако» [Янгспейс — молодежный журнал].

В музыкальном сообществе NR в посте с новостью о дне рождения альбома хип-хоп группы также содержится авторская оценка: «Альбом, по сравнению с дебютным лонг-плеем, получился более тяжелым и женоненавистническим» [Там же]. В рубрике «Зеркало» журнала «Маруся» под заголовком «Бери пример» регулярно выходят публикации, основанные на разборе модных образов знаменитостей, что также свидетельствует о навязывании определенных эталонов стиля [Маруся]. Следовательно, авторскую субъективность можно рассматривать как один из манипулятивных механизмов воздействия на молодых медиапотребителей.

Еще одним важным аспектом отношений адресанта и адресата в молодежных медиа является несоблюдение основного постулата речевого общения — уважительного отношения к собеседнику, которое выражается в выборе тем и оптимальных языковых средств. Например, интернет-ресурс NR предлагает своим подписчикам такие темы, как: «Айза назвала девушек своих бывших мужей “курицами”», «Фанат 50 Cent набил татуировку с рэпером», «Бумыча кикнули из NAVI из-за “репутационных рисков”» [NR.Music]. Намеренное несоблюдение норм речевого общения имеет двоякую цель: разговор с молодым медиапотребителем «на его языке» позволяет усилить манипулятивное воздействие и одновременно соответствует тенденции диалогичности в отношениях адресанта и адресата.

С целью выявления тенденции диалогичности при построении медиатекстов, ориентированных на молодых медиапотребителей, к проведению глубокого анализа страниц молодежи в социальных медиа нами была привлечена группа студентов различных специальностей, проходящих обучение в проекте «Derzhavinskills» [Школа развития Derzhavinskills]. Созданная по инициативе В. Ю. Стримова, ректора Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, «Школа развития Derzhavinskills» является экспериментальной образовательной программой для молодежи Тамбовской области. На конкурсной

¹ Признан иностранным агентом на территории РФ.

основе в школу отбираются 30 мотивированных молодых людей разных направлений подготовки, которые готовы расти и развиваться профессионально, раскрывать свой потенциал по максимуму. Ребятам предоставляется бесплатная возможность получить универсальные надпрофессиональные навыки в области стратегического управления и аналитики.

Участники проекта «Derzhavinskills» относятся к возрастной категории от 17 до 25 лет и являются представителями «цифровой молодежи». Активность молодых людей в социальных сетях и мессенджерах исследовалась по нескольким критериям: количество аккаунтов, количество друзей или подписчиков, количество подписок. Перечисленные критерии позволяют выяснить, насколько актуальной является тенденция диалогичности в рамках социальных медиа. Результаты исследования подтвердили, что социальные медиа по-прежнему активно реализуют первоначально заложенную в них коммуникативную функцию. Каждый участник группы имеет более одного аккаунта в социальных медиа — их количество варьируется от 4 до 11. Это объясняется тем, что каждое медиа имеет приоритетную цель использования. Так, для работы чаще всего используются WhatsApp, Mail.ru, «ВКонтакте», в качестве новостных источников — Twitter и Telegram, для личных целей — TikTok и YouTube. Самой востребованной социальной сетью по количеству подписок стала сеть «ВКонтакте».

Среди преимуществ «ВКонтакте» респонденты назвали широкий функционал — от файлообменника и «сборщика» информации до источника новостей и мессенджера. Telegram используется как средство коммуникации при помощи диалогов/чатов, а основные функции YouTube — развлечение, расширение кругозора и учеба. Mail.ru назвали удобным сервисом для учебных и рабочих целей, а WhatsApp — самым часто используемым мессенджером.

Часть респондентов начали локально практиковать «Digital detox»: отключать уведомления, использовать режим «не беспокоить», удалять неиспользуемые приложения. В комментариях к исследованию молодые люди отмечали, что стало модным уходить из социальных сетей. Среди причин называли уменьшение количества цифрового шума, повышение осознанности, этические соображения и уход от прямого манипулирования.

Несмотря на очевидную диалогичность любых текстов в социальных сетях молодежь не всегда успешно строит диалог в ситуации живого общения. В 2021 г. мы проводили наблюдение среди учеников 4–8-х классов одной из тамбовских школ. В ряде глубинных интервью учителя-филологи обращают внимание на то, что у подростков возникают существенные проблемы при построении устных высказываний на уроках литературы и русского языка. Школьный психолог замечает, что подростки не могут описать свое эмоциональное состояние вербальными языковыми средствами, не выходя за рамки норм литературного языка. Мы считаем, что корень этой проблемы кроется в сетевом поведении подростков: они не владеют навыками эмоционального вербального самоанализа, так как социальные сети с детства приучили их выражать любую эмоцию выбранным смайлом или стикером. Увлечение молодежи визуализацией собственных эмоций

с помощью каталогов смайлов и стикеров быстро превратилось в актуальную тенденцию: визуальные элементы контента перестают быть просто дополнением или иллюстрацией к текстовой информации, скорее, наоборот, вербальный контент становится чем-то вроде комментария к визуальному ряду [Топчий, с. 96]. Однако уместные в виртуальном общении со сверстниками визуальные элементы трансформируют «живую» коммуникацию молодежи.

Выводы

Проведенное исследование позволило выделить актуальные тенденции в построении отношений «адресант — адресат» в контексте современных молодежных медиа:

1. Тенденция диалогичности медиатекстов прослеживается во всех исследуемых молодежных изданиях. Это говорит о том, что диалогизация является актуальным приемом для большинства молодежных изданий, независимо от их тематики.

2. Тенденция диалогичности в современных молодежных медиа носит противоречивый характер. С одной стороны, построение диалога способствует сокращению дистанции между адресантом и адресатом, с другой — минимизирует защитные барьеры от манипулирования и навязывания определенных стереотипов поведения.

3. Для выстраивания отношений между адресантом и адресатом в молодежных медиа характерно усиление использования манипулятивных механизмов, тяготение к игрореализации как форме построения диалога и нивелирование этических норм в контексте речевого общения.

4. Все большую роль в реализации интенций современных акторов, взаимодействующих с различными молодежными аудиторными группами, играет фактор освоения и эффективного использования в повседневных практиках адресантами и адресатами медиаобразовательных знаний и технологий [Мухина]. Это, в частности, открывает новые направления исследования реализуемых при работе с молодежью коммуникативных стратегий и тактик.

Басова М. В., Беленко В. Е. Геймифицированные практики современных СМИ // Вестн. НГУ. Сер. : История, филология. 2017. Т. 16, № 6 : Журналистика. С. 41–52.

Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004.

Клушина Н. И. Стиль массовой коммуникации : учеб. пособие. М., 2010.

Маруся : первый в России журнал для девочек : сайт. URL: <http://www.marusia.ru/> (дата обращения: 23.08.2021).

Мухина О. С., Олешко В. Ф. Медиаграмотность как метод противодействия манипуляциям СМИ на бытовом уровне // Знак : проблемное поле медиаобразования. 2020. № 2 (36). С. 35–44. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10204

NR.Music : музыкальное сообщество // ВКонтакте : сайт. URL: <https://vk.com/nrmusicru> (дата обращения: 05.09.2022).

Олешко В. Ф. Журналистика как творчество : учеб. пособие для курсов «Основы журналистики» и «Основы творческой деятельности журналиста». М., 2003.

Пыстина О. В. Функционирование языковой игры в молодежных региональных СМИ // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 137–141.

Топчий И. В. Медиаэстетический анализ паблика СМИ в социальных сетях // Медиаэстетический компонент современной коммуникации : монография / науч. ред. М. В. Загидулина, А. К. Киклевич. Челябинск, 2020. С. 95–124.

Хочунская Л. В. Концепция адресата в концепции публицистики // Философские проблемы массовых информационных процессов. М., 1991. С. 46–70.

Школа развития Derzhavinskills : эффективное мышление и коммуникация : сайт. URL: <https://vk.com/derzhavinskills> (дата обращения: 05.02.2023).

Янгспейс : электрон. журнал. URL: <https://youngspace.ru/> (дата обращения: 23.08.2022).

Статья поступила в редакцию 10.02.2023 г.

Научная статья

УДК 070.23(1-37) + 070.23(1-22) + 070.1:004.77 + 004.774.6 + 007.51

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.028

**РАЙОННЫЕ ГАЗЕТЫ:
ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО РАЗВИТИЯ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
(на примере изданий Новосибирской области)**

Виктория Евгеньевна Беленко

Новосибирский государственный университет,

Новосибирск, Россия,

viktoria_belenko@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8622-7323>

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается развитие газет муниципальных районов Новосибирской области и их сайтов за последнее десятилетие. Источниками данных для анализа стали социологические исследования, которые ежегодно проводятся по заказу администрации области. При анализе представленности газет в интернете фиксировались: дата создания домена, количество страниц на сайте, количество посетителей, данные по оптимизации сайтов для работы на десктопе и мобильных устройствах.

В ходе работы было выявлено, что за десять лет аудитория печатных номеров сократилась в 1,5–2 раза, причем сильнее всего у газет, доля аудитории которых была наибольшей в своих районах. Параллельно шли процессы освоения нового информационного пространства: создание и развитие сайтов, систематическое обновление их материалов. Сейчас сайты есть у всех рассмотренных газет (за одним исключением), однако их посещаемость невелика: несколько десятков человек в день.

К л ю ч е в ы е с л о в а: районная газета; сельская районка; интеграция в интернет; сайт газеты; посещаемость; аудитория газет

**DISTRICT NEWSPAPERS:
THE RESULTS OF TEN YEARS OF DEVELOPMENT
IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION
(on the Example of Publications of the Novosibirsk Region)**

Viktoriya E. Belenko

Novosibirsk State University,

Novosibirsk, Russia,

viktoriya_belenko@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8622-7323>

Abstract. The article examines how the newspapers of the municipal districts of the Novosibirsk region have grown in the last decade, what their websites are have developed. The data sources for the analysis were sociological studies, conducted annually by order of the regional administration. When analyzing the representation of newspapers on the Internet, we took into account the following: the date of creation of the domain, the number of pages on the site, the number of visitors, and the data on the optimization of sites for desktop and mobile devices.

It was found out, that in ten years the audience of printed issues has decreased by 1.5–2 times. The newspapers with the largest audience lost it most of all. In parallel, there were processes of mastering a new information space, not only creating, but also developing websites, systematically updating materials on them, striving to make them visually attractive. Now all (with one exception) of the analyzed newspapers have websites, but their attendance is low: several dozen people a day.

Key words: district newspaper; rural district; internet integration; newspaper website; attendance; newspaper audience

Введение

В Российской Федерации ежегодно выходит 7324 газеты (данные Российской книжной палаты за 2021 г.). Из них 2128 – районные, еще 2170 – городские. То есть не менее трети всех газет нашей страны – это газеты различных муниципальных образований, целевая аудитория которых – 36,7 млн человек сельского населения [Численность...]. Это не просто самый устойчивый сегмент традиционной, сформированной в СССР подсистемы периодики, но и сегмент, получивший в последние несколько лет «второе рождение». Главные особенности и тенденции развития региональных и местных рынков прессы в России, по мнению члена правления Альянса независимых региональных издателей Ю. П. Пургина, связаны с нарастающим использованием редакциями интернета и расширяющимся взаимодействием с социальными сетями. «Если недавно медиапотребление информационной продукции в электронном виде было характерно преимущественно на региональном и городском уровне, то сегодня оно в полной мере касается и сельских территорий» [Российская..., с. 38].

Региональная периодика в последнее десятилетие привлекает внимание целого ряда исследователей. Систему региональной журналистики Центрально-Черноземного района России анализировал В. В. Тулупов [Тулупов, 2013а, б]. СМИ Уральского федерального округа последовательно изучают В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко [Олешко В. Ф., 2012; Олешко Е. В., 2014; Олешко, Софронова, Смирнова]. Периодика и интернет-СМИ Мордовии находятся в фокусе внимание К. В. Дементьевой. Одна из последних ее работ посвящена перспективам их развития [Дементьева]. Динамика типологии нижегородской прессы (1991–2013 гг.) представлена в диссертации В. И. Пугачева, защищенной в 2014 г. [Пугачев]. Сайты оренбургских районных газет изучала К. А. Бабина [Бабина]. СМИ Якутии анализировал Н. А. Аргылов [Аргылов].

Районными газетами Сибирского федерального округа много лет последовательно занималась Е. С. Радионцева. Она анализировала сайты, их контент и аудиторные показатели [Радионцева, 2012а, б, 2015]. К результатам ее анализа мы еще будем обращаться для сравнения текущей ситуации с тем, что было восемь лет назад. Вообще, в 2013 г. отсутствие полноценной работы в новом информационном пространстве воспринималось как главная «болевая точка» этого типа изданий не только в Сибири: «На наш взгляд, это, во-первых, отсутствие полноценного с точки зрения информационной политики сайта, что обусловливается низкой квалификацией веб-специалистов, чаще всего просто выкладывающих в Сеть электронную версию очередного номера...» [Олешко Е. В., 2014, с. 37]. Посмотрим, как обстоят дела сейчас.

Источники и методы исследования

Анализ районных газет проводился в двух направлениях. Во-первых, рассматривалось то, как новосибирские газеты муниципальных районов области развивались в последнее десятилетие, когда интернет стал оказывать значительное влияние на медиапотребление не только в больших городах, но и в российской глубинке. Во-вторых, анализировалась работа сельских районных газет в интернет-пространстве, состояние их сайтов. Источниками данных для анализа в первом случае стали отчеты по результатам социологических исследований, которые ежегодно осенью, начиная с 2014 г., проводятся по заказу Департамента информационной политики администрации губернатора Новосибирской области и правительства Новосибирской области. Исследование осуществляется методом формализованного телефонного интервью на территории 490 муниципальных образований Новосибирской области, его объем — 9500 человек (не менее 200 респондентов в каждом районе).

Во втором случае в ходе сбора эмпирического материала фиксировались: дата создания домена (с помощью стандартных сервисов выявления возраста сайта, типа 2ip.ru), количество страниц на сайте (с помощью сервиса google.site), количество посетителей (с помощью сервиса PR-CY, собирающего данные

со счетчика Yandex.Metrika), данные по оптимизации сайтов и их работе на десктопе и мобильных устройствах. Сервис PR-CY измеряет скорость запуска сайта и анализирует этапы процесса загрузки: отрисовку контента, время реакции на первое действие пользователя, смещение макета из-за загрузки элементов. PR-CY — это ведущий сервис для самостоятельного SEO-аудита сайтов. В процессе анализа непосредственно контента сайта мы фиксировали количество рубрик, материалов на сайте, опубликованных за неделю, с 19 по 26 декабря 2022 г.

Всего, по данным Российской книжной палаты, в Новосибирской области выходит 128 газет (<https://www.bookchamber.ru/statistics.html>), со средним разовым тиражом одной газеты 1337 экз. При этом с 2012 г. количество газет сократилось на 38 экз., а тираж — в 2,4 раза. Газеты городских округов было решено исключить из данного исследования, они станут объектом отдельной работы. Поэтому издания таких городов, как Бердск, Искитим, Обь, и рабочих поселков Краснообск и Кольцово (это также городские, а не сельские образования) описаны не будут. В данной статье представлен анализ сайтов тридцати газет муниципальных районов области, учредителями которых выступают органы власти.

Аудиторные показатели периодики сельских районов области

До 2003 г. соучредителями районных газет были коллективы редакций, районные администрации и администрация Новосибирской области. После изменения законодательства РФ районным администрациям пришлось выйти из числа соучредителей СМИ. В начале 2010-х гг. в регионе активно обсуждалась и даже начала внедряться идея создания областного медиахолдинга. Предполагалось, что таким образом будет достигнуто сокращение финансирования (за счет уменьшения журналистских коллективов и количества юридических лиц) (см. подробнее: [Добровольский]). А благодаря присоединению к медиахолдингу Областной телерадиовещательной сети (телеканал ОТС) и «Областного депутатского канала» (тогда — «Радио Слово», сейчас — «Радио 54») должна была усилиться информированность населения о деятельности правительства области и депутатов. По мнению сторонников холдинга, встраивание СМИ в административный властный ресурс должно было обеспечить большую эффективность областных средств, вложенных в такого рода издания. По мнению противников, это было неэффективно чисто экономически и привело бы к тому, что многогранный рассказ о жизни районов ушел бы на второй план, а в центре внимания оказались бы трудовые достижения и победы депутатов и чиновников.

В 2013 г. вышло распоряжение № 321-рп от 15.07.2013 г. «О реорганизации казенного предприятия Новосибирской области “Редакция радиоканала Законодательного собрания Новосибирской области “Областной депутатский канал” и государственного унитарного предприятия Новосибирской области “Дирекция Новосибирской областной телерадиовещательной сети”»,

по которому предприятия присоединили одно к другому, и аналогичное (№ 327-рп от 22.07.2013 г.) — о присоединении к издательству «Советская Сибирь» следующих изданий: «Кулундинская новь», «Правда Севера», «Народная газета», «Знамя труда», «Северная газета». Через полгода к издательскому дому «Советская Сибирь» (распоряжение № 9-рп от 29.01.2014 г.) присоединили еще 13 районных газет и газету областного парламента «Ведомости». Но надежды на эффективность подобной конфигурации не оправдались, да и редакции были не очень довольны: в марте 2014 г. коллективы газет направили обращение в областную администрацию с просьбой приостановить или отменить реорганизацию. Поэтому в сентябре 2014 г. региональное правительство отменило свое распоряжение № 9-рп от 29.01.2014 г. в части слияния 14 государственных учреждений в единое государственное автономное учреждение на базе издательского дома «Советская Сибирь». Любопытно, что при многочисленных обсуждениях звучал и аргумент, почему районным газетам пошло во вред присоединение к областной газете: «...на каждую тысячу жителей в Чулымском районе тираж “Советской Сибири” составляет 13 экземпляров, а “Чулымской газеты” — 252 экземпляра. Районные газеты востребованы, потому что предоставляют специфическую местную информацию» [Белов].

Тем не менее спустя десятилетие можно признать, что развитие районных газет пошло все-таки по пути все более тесного взаимодействия с областным издательским домом: после пяти первых районных газет, которые вошли в ИД в 2014 г., в апреле 2016 г. к нему присоединилась «Приобская правда» (Новосибирский район), а в августе — «Трудовая жизнь» (Куйбышевский район), в ноябре — еще пять газет.

Социологические опросы, которые ежегодно проводятся в Новосибирской области, выявляют аудиторию районных газет. Привлекательность этого источника заключается в том, что он показывает, какие издания называют люди, что они читали в последние две недели. Тиражи в этом смысле выглядят менее надежными источниками. Так, весной 2014 г. контрольно-счетная палата Новосибирской области сообщила о результатах проверки газеты «Трудовая жизнь»: было установлено, что 40 % из 7 тыс. экземпляров еженедельно отпечатанного тиража на протяжении почти двух лет списывалось сразу после выпуска из типографии [Неэффективной признали...].

Из графика на рис. 1 видно, что самые популярные у читателей районные газеты за девять лет потерями больше половины своих приверженцев (речь идет о читателях печатного номера).

Несколько иначе выглядит ситуация по газетам, которые в 2014 г. читало от 20 до 30 % жителей района. Их аудитория сократилась примерно в 1,5 раза.

Что касается газет с меньшим количеством читателей (рис. 2 и рис. 3), то их аудитория сократилась в среднем в 1,4 раза.

Аутсайдерами можно назвать газеты, которые в середине 2010-х называло менее 10 % населения (рис. 4).

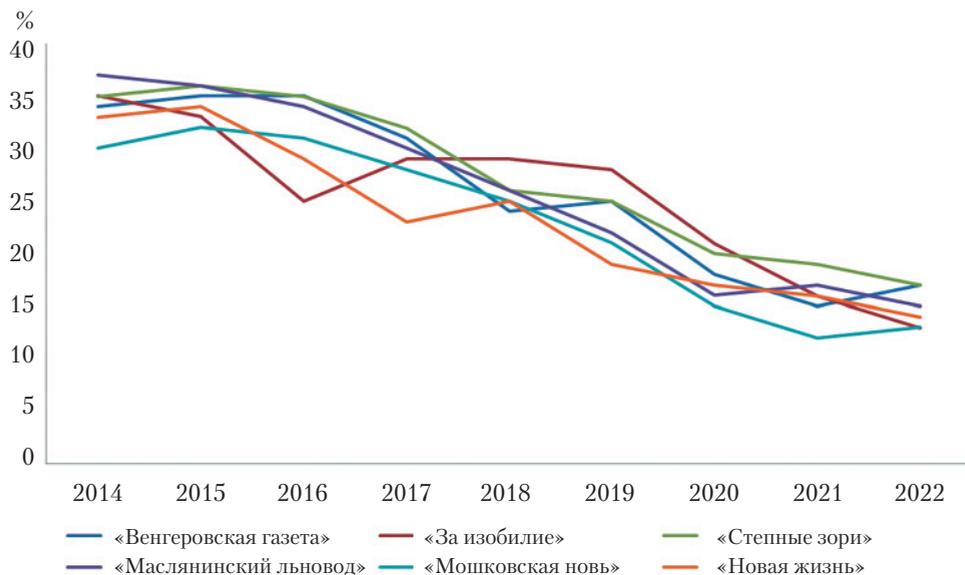

Рис. 1. Аудитория районных газет Новосибирской области, которые в 2014 г. читало более 30 % жителей района (% от населения районов).

Графики здесь и на рис. 2–4 составлены по данным ежегодных социологических исследований [Аудитория и рейтинг..., 2014–2022]

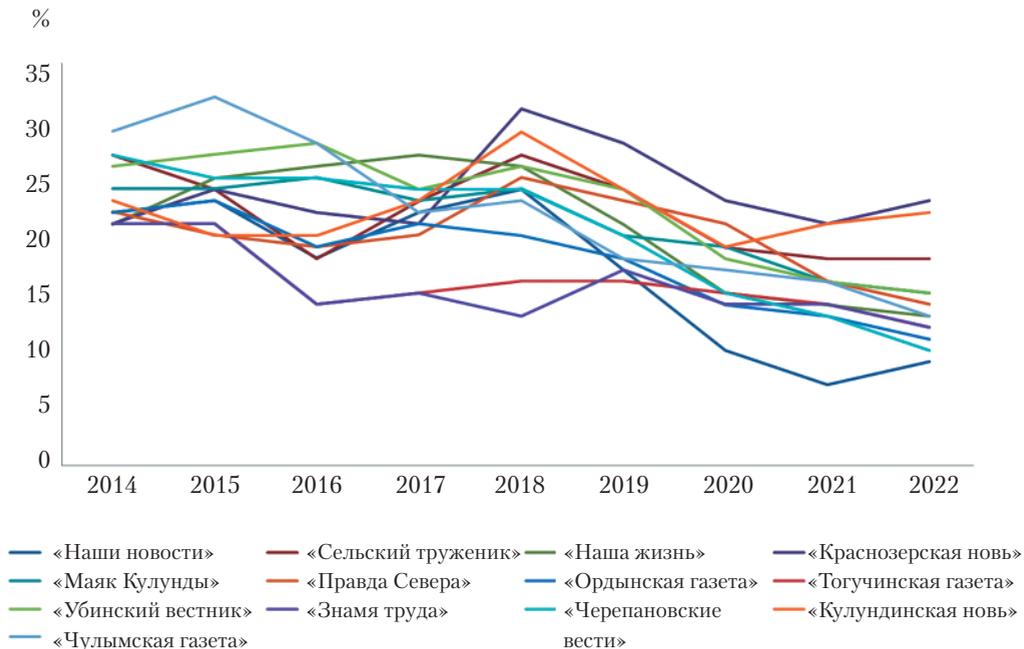

Рис. 2. Аудитория районных газет Новосибирской области, которые в 2014 г. читало от 20 до 30 % жителей района (% от населения районов)

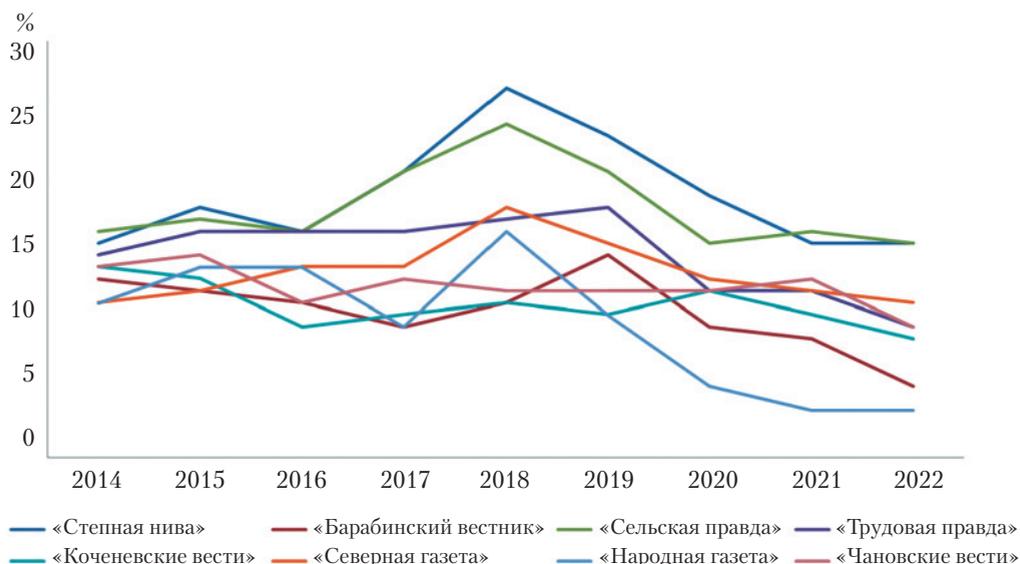

Рис. 3. Аудитория районных газет Новосибирской области, которые в 2014 г. читало от 10 до 20 % жителей района (% от населения районов)

Рис. 4. Аудитория районных газет Новосибирской области, которые в 2014 г. читало менее 10 % жителей района (% от населения районов)

Чтобы представить явление более системно, надо упомянуть, что в ряде районов существуют и негосударственные газеты, часть из которых вполне жизнеспособны. Так, в Барабинском и Куйбышевском районах выходит газета «Аспект». В 2020 г. в анализируемом социологическом исследовании ее упомянули среди газет, которые читали в последние две недели, 10,2 % и 4,6 % населения

соответственно (см. таблицу). Неудивительно, что «Трудовая жизнь» Куйбышевского района ощущает серьезную конкуренцию и не имеет такого рейтинга, как «безальтернативные» районные издания. Среди газет, которые также создают здоровую конкуренцию газетам, учрежденным органами власти, «Неделька.онлайн» Болотнинского и «Вести» Куйбышевского районов. Яркое явление двух районов области — «Сибирская околица» (в Татарском районе ее назвали в 2022 г. 13 % опрошенных, а в Усть-Таркском — 4 %).

**Аудитория негосударственных районных газет Новосибирской области,
% от населения районов**

Газета	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Барабинский муниципальный район									
«Аспект»	—	—	—	8	7	10	10,2	10	8
Болотнинский муниципальный район									
«Неделька.онлайн»	6	11	9	8	9	5	5,9	1	8
Карасукский муниципальный район									
«Вектор»	3,1	2	1	1	—	—	—	—	—
Куйбышевский муниципальный район									
«Вести»	10,9	19	13	12	8	9	7,5	7	5
«Аспект»	1,6	6	9	8	9	—	4,6	—	—
Маслянинский район									
«Ярмарка»	1,3	1	2	4	4	—	3,8	—	—
Северный муниципальный район									
«Вести»	—	—	8	5	5	9	—	—	—
Татарский муниципальный район									
«Сибирская околица»	22,4	22	25	27	32	25	20,2	14	13
Тогучинский муниципальный район									
«Диалог»	9,5	10	—	—	—	—	—	—	—
Усть-Таркский муниципальный район									
«Селяночка»	10,7	11	7	10	15	—	6,1	—	6
«Сибирская околица»	—	—	8	7	15	—	11,6	—	4

Примечание. Составлено по данным ежегодных социологических исследований.

На примере газеты «Селяночка» (в Усть-Таркском районе в 2022 г. ее называли 6 % опрошенных, хотя ее читают и сопредельные села Татарского района) можно показать мотивацию создания такой газеты. Ее основала в 2010 г. Т. П. Рабочева,

проработавшая до этого 16 лет журналисткой в газете «Знамя труда». «Татьяна Петровна жалеет о том, что не решилась на этот шаг раньше и уже не представляет себя в другой роли. Есть удовлетворение от того, что газета нашла своего читателя, что появилась возможность реализовать себя, самостоятельно принимать решения в соответствии со своим видением проблемы, возможность открыто выражать свои мысли, взгляды» [Селяночка].

Сайты районных газет

Г. Н. Кудий, заместитель начальника Управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, еще в 2014 г. отмечал, что «аудитория СМИ не трансформировалась, а, скорее, разделилась на две неравные части: молодых потребителей, идущих в ногу с изменениями (существенно меньшая часть), и старшее поколение, традиционно приученное читать печатную прессу и неохотно меняющее свои привычки» [Кудий, с. 9]. Если выше мы говорили про «печатные версии», то теперь обратимся к сайтам газет.

Чтобы сравнить текущую ситуацию с тем, как обстояли дела десять лет назад, обратимся к исследованию Е. С. Радионцевой [Радионцева, 2015, с. 57]. В 2012 г. в Новосибирской области только 5 газет имели свои сайты. Анализ 2014 г. показал, что количество электронных версий районных газет в Новосибирской области выросло до 29 [Там же, с. 58]. Ежедневно обновляли контент две из них, еженедельно — 8, ежемесячно — 4. Пять изданий обновляли ресурс по мере поступления информации, т. е. от нескольких дней до нескольких недель, 10 изданий перестали обновлять контент с 2013 г. Ситуация «создали сайт, но зачем и что с ним делать», по всей видимости, была довольно типична для 2010-х гг. Так, К. А. Бабина, анализируя районные газеты Оренбургской области, пишет: «...большинство сайтов просуществовало с 2009–2010 гг. по 2011–2013, а после перестали функционировать и обновлять, добавлять информацию <...>. Районные газеты в интернете меняли и пробовали разного рода взаимодействия с онлайн-средой — от перепечатки материалов газеты и оригинальных новостей, бесплатного размещения pdf-версий своих газет и выхода в социальные сети до полного выхода из сети» [Бабина, с. 161]. В Сибирском федеральном округе это же отметила Е. С. Радионцева: «...как выяснилось, многие редакции, создав ресурс, перестают его обновлять. Ресурсы, не обновляющие контент более полу-года, определены как “временно приостановленные”» [Радионцева, 2015, с. 60]. Чуда не произошло: поддерживать сайты было затратно, рекламодателей, которые бы компенсировали увеличившуюся работу, не было, а бесплатные pdf-версии подрывали традиционную подписку на печатные номера.

Анализ сайтов газет Новосибирской области в конце 2022 г. показал, что теперь печатные экземпляры газет в Сети не найти. Последний раз их выкладывали в 2013 г. То есть газеты окончательно разделили своих читателей на тех, «кто в интернете», и на тех, «кто читает газету по покупке/ подписке».

В 2020 г. рост тарифов на подписку и доставку «Почтой России», несмотря на льготы для региональных и местных газет как социально значимых, составил около 10 %, что привело к сокращению совокупного подписного тиража местных газет [Российская..., с. 37]. В этом же году были запущены обновленные версии сайтов новосибирских районных газет. На конец 2022 г. все газеты области, кроме «Приобской правды» (газета Новосибирского района), имеют регулярно обновляющиеся, работающие сайты. Они функционируют на доменах, созданных осенью 2020 г., за исключением «Чановских вестей» (сайт создан в 2009 г.), «Черепановских вестей» (сайт создан в 2015 г.), а также газеты «Наша жизнь» (Карасукский район), сайт которой создан в 2011 г. «Степная нива» (Баганский район) на новый домен перешла летом 2022 г. Большинство сайтов созданы по одному макету агентством интернет-маркетинга «Студия ЯЛ». Выглядят они вполне современно: можно отметить тренд на минимализм, наличие внятной рубрикации, они имеют сходные макеты, у многих похожее цветовое оформление.

Что касается количества рубрик, то сайты весьма разнятся между собой. Медианное значение — 15 рубрик на сайте, при этом у 14 сайтов их более 10. Количество рубрик тем не менее не приводит к более динамичной наполняемости сайтов. Так, у «Сельского труженика» 27 содержательных рубрик (мы не берем разделы типа «Контакты», «Реклама», «Обратная связь»), но за проанализированную неделю выложено 4 материала. В целом у 12 изданий за неделю выложено менее десяти материалов, у 10 — от десяти до двадцати и еще у 5 газет — более двадцати материалов (медианное значение — 7,6 материала в неделю).

Еще один маркер наполняемости сайта — количество страниц. Менее тысячи страниц на 9 января 2023 г. было у газет «Венгеровская газета», «Сельская правда», «Наша жизнь», «Степные зори», «Маяк Кулунды», «Маслянинский льновод», «Мошковская новь», «Степная нива» (скорее всего, сайт попал в эту группу просто по причине своей молодости); до 1,5 тыс. страниц — у сайтов «Барабинский вестник», «Наши новости», «За изобилие», «Коченевские вести», «Краснозерская новь», «Правда Севера», «Ордынская газета», «Северная газета», «Тогучинская газета», «Убинский вестник», «Чановские вести»; более 1,5 тыс. — у изданий «Сельский труженик», «Трудовая правда», «Трудовая жизнь», «Новая жизнь», «Народная газета», «Знамя труда», «Черепановские вести», «Кулундинская новь», «Чулымская газета». Однако так же, как количество рубрик не коррелирует с наполняемостью сайта, так и количество страниц не коррелирует с количеством посетителей сайта: закономерности «чем больше материалов на сайте, тем больше посетителей» не выявлено. Так, у интернет-издания «Новая жизнь» — 3680 страниц (это самый большой показатель) при посещаемости 18 человек в день.

Данных о посетителях сайтов в целом нет (не установлены счетчики). Менее 20 посетителей в день зафиксировано у «Венгеровской газеты», «Сельской правды», «Степных зорь», «Маяка Кулунды», «Правды Севера», «Ордынской газеты», «Убинского вестника», «Черепановских вестей»; 8 газет имеют 20–70 посетителей в сутки; 70 и больше посетителей у «Степной нивы», «Барабинского вестника», «За изобилие», «Краснозерской нови», «Трудовой жизни»,

«Мошковской нови», «Народной газеты», «Чановских вестей», «Чулымской газеты». Лидером среди районов является «Сельский труженик» — 332 посетителя ежедневно.

Еще один показатель, который интересовал нас в данной работе, — адаптированность процессов загрузки под десктопные и мобильные устройства. Такой анализ удалось провести по 28 газетам из 32. Десктопные адаптации у 18 сайтов находятся в благополучной «зеленой зоне», еще у 8 — в «желтой» и у 2 («Новая жизнь», Сузунский район, и «Черепановские вести») — в проблемной «красной». С мобильными адаптациями дела обстоят несколько хуже: у 13 изданий такая адаптация ведется на хорошем уровне, у 6 — на среднем уровне, у 9 — почти не ведется. Дело в том, что в последние годы поисковые системы (сначала Google, а затем и Yandex) перешли на модель mobile-first. Она принципиально меняет приоритизацию индексации сайта и оценку его контента. И если когда-то основной версией сайта считалась десктопная, а мобильная версия рассматривалась как «альтернативная», предназначенная для конкретных случаев использования, то теперь при поиске чего-либо с мобильных устройств приоритет отдается сайтам, которые адаптируют процессы загрузки под мобильное медиапотребление. А для сельских жителей это стандартный случай выхода в интернет. Учитывая, что удалось провести анализ не всех изданий, реальная ситуация еще хуже. Можно утверждать, что проблема оптимизации сайтов — одна из основных для сельских районных газет.

Приведем данные социологического исследования аудитории сайтов негосударственных изданий. В 2014 г. среди местных новостных сайтов, которые опрошенные читали или просматривали в течение последней недели, они отметили «Провинциальную Сибирь» (Барабинский район) — 13,8 %, «Чаны.инфо» — 5,7 % (в 2017 г. у них было 4,7 %, в 2018 г. — 3,9 %), «8+1» (ориентируется на Куйбышевский и Барабинский районы) — 4,7 % (в 2017 г. — 6 %, в 2018 г. — 6,2 % в Барабинском и 2,4 % в Куйбышевском районах). «Околицу» (Татарский район) в 2018 г. среди читаемых сайтов назвали 5,7 %. В другие годы, кроме указанных выше, этот вопрос не задавался.

Заключение

Подводя итоги анализа развития новосибирских районных газет в 2010-х гг., надо отметить сокращение читательской аудитории в 1,5–2 раза: если десять лет назад районные газеты читал примерно каждый четвертый житель муниципальных районов области, а аудитория некоторых газет доходила до 37 % жителей района, то в начале 2020-х в печатном виде их читает только каждый седьмой-восьмой житель. Причем сильнее всего аудитория уменьшилась у газет, которые имели наибольшую долю аудитории в своих районах. Если сравнивать с ситуацией в среднем по стране, то опрос ВЦИОМ в начале 2022 г. показал, что 20 % жителей села и 16 % жителей небольших городов регулярно читают печатную прессу, из них 39–40 % отдает предпочтение местной (районной газете) [Пресса, которую мы...].

«Именно благодаря, например, местной прессе в стране сохраняется единое информационное пространство, к тому же в лучших своих образцах она выполняет социальную функцию (вот почему от районной газеты не следует требовать рентабельности или прибыльности, особенно в сегодняшних экономических условиях)» [Тулупов, 2013а, с. 81]. В принципе мысль о бесперспективности требований прибыльности была понятна учредителям и редакциям давно, в конце 2010-х это распространилось и на районные интернет-СМИ. Сайт стал восприниматься как способ компенсации оттока аудитории печатных номеров и работы с поколением тридцати-, сорокалетних, привыкших к медиапотреблению посредством интернета. Поэтому параллельно с сокращением «печатной» аудитории в последнее десятилетие активно шли процессы освоения нового информационного пространства, не только создания сайтов (созданы они были раньше, напомним, что период активного создания сайтов пришелся на 2012–2014 гг.), но и их развития, систематического обновления на них материалов. Учредители изданий стремятся сделать сайты визуально привлекательными, используют модный сейчас лаконизм в дизайне и единые стилевые решения. Сайты перестают быть «версиями», а сами редакции районных газет становятся гибридными СМИ, хотя их посещаемость по-прежнему невелика: несколько десятков человек в день.

Арғылов Н. А. Медиаобщество Республики Саха (Якутия) и власть: идеи свободы, тенденции отрасли, формы взаимодействия (социологический аспект) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 77–81.

Аудитория и рейтинг средств массовой информации в Новосибирской области : отчет по результатам социол. исслед. / Информ.-аналит. упр. администрации губернатора Новосибир. обл. и правительства Новосиб. обл. Новосибирск, 2014. 37 с. URL: https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/news/2014/12/otchet_smi_dek2014_dlya_publicacii.pdf (дата обращения: 18.10.2020).

Аудитория и рейтинг средств массовой информации в Новосибирской области : отчет по результатам социол. исслед. / Информ.-аналит. упр. администрации губернатора Новосибир. обл. и правительства Новосиб. обл. Новосибирск, 2015. 34 с. URL: https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/news/2015/12/otchet_smi_noyabr_2015_p_0.pdf (дата обращения: 18.10.2020).

Аудитория и рейтинг средств массовой информации в Новосибирской области : отчет по результатам социол. исслед. / Информ.-аналит. упр. администрации губернатора Новосибир. обл. и правительства Новосиб. обл. Новосибирск, 2016. 33 с. URL: https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/news/2016/11/otchet_smi_noyabr_2016_p.pdf (дата обращения: 18.10.2020).

Аудитория и рейтинг средств массовой информации в Новосибирской области : отчет по результатам социол. исслед. / Информ.-аналит. упр. администрации губернатора Новосиб. обл. и правительства Новосиб. обл. Новосибирск, 2017. 40 с. URL: https://uip.nso.ru/sites/uip.nso.ru/wodby_files/files/document/2021/10/documents/2017.pdf (дата обращения: 23.10.2021).

Аудитория и рейтинг средств массовой информации в Новосибирской области : отчет по результатам социол. исслед. / Информ.-аналит. упр. администрации губернатора Новосиб.

обл. и правительства Новосиб. обл. Новосибирск, 2018. 33 с. URL: https://uip.nso.ru/sites/uip.nso.ru/wodby_files/files/document/2021/10/documents/2018.pdf (дата обращения: 23.10.2021).

Аудитория и рейтинг средств массовой информации в Новосибирской области : отчет по результатам социол. исслед. / Департамент информ. политики администрации губернатора Новосиб. обл. и правительства Новосиб. обл. ; Управление информ. проектов Новосиб. обл. Новосибирск, 2019. 32 с. URL: https://uip.nso.ru/sites/uip.nso.ru/wodby_files/files/news/2019/11/otchet_auditoriya_smi_nso_noyabr2019.pdf (дата обращения: 23.10.2021).

Аудитория и рейтинг средств массовой информации в Новосибирской области : отчет по результатам социол. исслед. / Департамент информ. политики администрации губернатора Новосиб. обл. и правительства Новосиб. обл. ; Управление информ. проектов Новосиб. обл. Новосибирск, 2020. 33 с. URL: https://uip.nso.ru/sites/uip.nso.ru/wodby_files/files/news/2020/10/otchet_po_rezultatam_sociologicheskogo_issledovaniya.pdf (дата обращения: 23.10.2021).

Аудитория и рейтинг средств массовой информации в Новосибирской области : отчет по результатам социол. исслед. / Департамент информ. политики администрации губернатора Новосиб. обл. и правительства Новосиб. обл. ; Управление информ. проектов Новосиб. обл. Новосибирск, 2021. 33 с. URL: https://uip.nso.ru/sites/uip.nso.ru/wodby_files/files/document/2021/10/documents/2021.pdf (дата обращения: 23.10.2021).

Аудитория и рейтинг средств массовой информации в Новосибирской области : отчет по результатам социол. исслед. / Департамент информ. политики администрации губернатора Новосиб. обл. и правительства Новосиб. обл. ; Управление информ. проектов Новосиб. обл. Новосибирск, 2022. 34 с. https://uip.nso.ru/sites/uip.nso.ru/wodby_files/files/document/2022/09/documents/otchet_auditoriya_smi_nso_sentyabr2022_2.pdf (дата обращения: 23.10.2021).

Бабина К. А. Трансформации районных газет в условиях новой экономической и медийной среды (на примере Оренбургской области) // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2014. № 3 (16). С. 159–166.

Белов Ю. Газеты выписываются из холдинга // Коммерсантъ. 2014. 17 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2454003> (дата обращения: 09.01.2023).

Дементьева К. В. Стагнация печатных СМИ региона и перспективы их развития // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Филология. Журналистика. 2022. № 4, окт. — дек. С. 94–97.

Добровольский А. В. Опыт создания медиахолдинга печатных СМИ в Новосибирской области: к истории вопроса // Вестн. Сиб. гос. ун-та путей сообщения. 2015. № 1 (32). С. 74–77.

Кудий Г. Н. Российская пресса: федеральные и региональные аспекты // Журналист. Социальные коммуникации. 2014. № 2. С. 5–12.

Неэффективной признали работу районных газет, которые финансирует бюджет Новосибирской области // VestiIskitim. 2014. 18 сент. URL: <https://clck.ru/33Mmf> (дата обращения: 30.11.2022).

Олешко В. Ф. Региональная журналистика: современные тенденции и вызовы // СМИ и общество. 2012. № 1. С. 55–67.

Олешко Е. В. Местная пресса как актор межкультурных коммуникаций (Жизнь газет после «смерти», или Как им конкурировать с интернетом?) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 3 (129). С. 36–44.

Олешко В. Ф., Сафронова А. И., Смирнова А. П. Сквозные технологии как инструмент медиатизации контента // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 4. С. 5–14.

Пугачев В. И. Динамика типологии нижегородской прессы (1991–2013 гг.) : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2014.

Пресса, которую мы (не) потеряли // ВЦИОМ. 2023. 12 янв. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pressa-kotoruju-my-ne-poterjali> (дата обращения: 18.01.2023).

Радионцева Е. С. Электронная версия районной газеты: типологические особенности // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012а. № 2 (10). С. 235–239.

Радионцева Е. С. Электронная версия и ее бумажная «сестра»: к вопросу о феномене издательского «канныализма» // Вестн. Омск. ун-та. 2012б. № 3 (65). С. 208–212.

Радионцева Е. С. Интеграция районных газет в интернет // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 4 (22). С. 56–61.

Российская периодическая печать: состояние, тенденции и перспективы развития : отраслевой докл. / под ред. В. В. Григорьева ; Департамент гос. поддержки период. печати и кн. индустрии Минцифры России. М., 2021. 130 с.

Селяночка // Усть-Тарка.ру : район. интернет-газета. 2010. 22 июля. URL: <https://ust-tarka.ru/news/255-selyanochka.html> (дата обращения: 20.12.2022).

Тулунов В. В. Региональная журналистика: сегодня и завтра // Вопр. теории и практики журналистики. 2013а. № 2. С. 78–92.

Тулунов В. В. Российская региональная журналистика на современном этапе // Вопр. теории и практики журналистики. 2013б. № 1. С. 111–120.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2022 г. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 02.01.2023).

Статья поступила в редакцию 27.02.2023 г.

Научная статья

УДК 070.23:004.77 + 316.774:070 + 316.776.2 + 174.7 + 316.77

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.029

**СИСТЕМА КОММУНИКАТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ КОРПОРАТИВНЫХ СМИ
(на примере газет «Диалог УЭХК» и «Знамя»)**

Ульяна Дмитриевна Бороздина

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
skrygina.uljyana@gmail.com*

А н н о т а ц и я. В статье поднимается вопрос профессиональной этики, исследуются коммуникативные элементы в заводских СМИ на примере газет «Диалог УЭХК» акционерного общества Уральский электрохимический комбинат г. Новоуральска и «Знамя» Уральского турбинного завода г. Екатеринбурга. Цель исследования — разработать систему коммуникативных элементов, направленных на формирование корпоративной культуры предприятий. Теоретическая база исследования представлена научными трудами о корпоративных СМИ, охватывающими исторические периоды появления корпоративной прессы, ее виды, функции, этапы развития. Автором статьи разработаны и представлены шесть групп смысловых концептов, которые способствуют сплочению коллективов заводских СМИ, направлены на повышение престижности рабочих профессий, формирование имиджа предприятий. Для каждого концепта подобраны конкретные примеры из заводских СМИ, иллюстрирующие функции концептов в действии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: корпоративная пресса; профессиональная этика; СМИ; смысловые концепты; система; коммуникация

**THE SYSTEM OF COMMUNICATIVE ELEMENTS
AS THE BASIS OF MODERN CORPORATE MEDIA
(on the Newspaper «Dialog UEKHK» and «Znamya»)**

Ulyana D. Borozdina

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
skrygina.uljyana@gmail.com*

A b s t r a c t. The article raises an issue of professional ethics, highlights the communicative elements in the factory media on the example of the newspaper *Dialogue UEIP* of the joint stock company of the Ural Electrochemical Plant in Novouralsk and *Znamya* of the Ural

© Бороздина У. Д., 2023

Turbine Plant in Yekaterinburg. The purpose of the study was to develop a system of communicative elements aimed at shaping the corporate culture of enterprises. The theoretical basis for the study of the manifestation of labor relations of corporate media, covering the historical periods of the appearance of the corporate press, its types, functions, stages of development. The author of the article organized and presented six group of semantic concepts that support the rallying of the factory media teams aimed at increasing the prestige of working professions and shaping the image of enterprises. For each concept, cases are found in the factory media, illustrating the functions of the concepts in action.

Key words: corporate press; professional ethics; mass media; semantic concepts; system; communication

Корпоративная пресса — тип СМИ, который в настоящее время интенсивно развивается в нашей стране. Это совпадает и с мировыми тенденциями. Ю. В. Чемякин в книге «Корпоративные СМИ: секреты эффективности» отмечает, что корпоративная пресса — это мощная издательская, бизнес- и рекламная индустрия, претендующая на первенство в системе периодических изданий [Чемякин, 2006].

Исследователь А. Ю. Горчева в статье «Корпоративные издания» излагает точку зрения, что корпоративные издания существуют столько, сколько функционируют средства массовой информации [Горчева]. Корпоративная пресса за рубежом возникла около двухсот лет назад, а в нашей стране первые многотиражные издания появились в первой половине XX в. Многотиражки были органами партийных, комсомольских и профсоюзных комитетов.

В наши дни в России корпоративная пресса — важнейшее звено, помогающее укрепить позиции корпораций на российском и международном рынках.

В условиях высокой конкурентности перед каждой корпорацией стоит задача повышать лояльность клиентов и сотрудников для того, чтобы поддерживать высокие позиции на рынке. Кроме того, корпоративные СМИ создают с целью укрепления коммуникации с партнерами и клиентами, сплочения коллектива и стимулирования стремления сотрудников двигаться в намеченном направлении. Именно поэтому корпоративная пресса продолжает развиваться.

Цель данного исследования — разработать систему коммуникативных элементов, направленных на формирование корпоративной культуры предприятий.

Для того чтобы проанализировать коммуникативные элементы, мы использовали корпоративные газеты предприятий Свердловской области: газету «Диалог УЭХК» акционерного общества «Уральский электрохимический комбинат» (г. Новоуральск) и газету «Знамя» акционерного общества «Уральский турбинный завод» (г. Екатеринбург). В статье проанализированы выпуски газет за период с 2017 по 2022 г.

Корпоративные СМИ создают положительную репутацию предприятий, корпораций, учреждений. Такие издания финансируются за счет бюджета компании, где выпуск газет и телепрограмм не относится к ключевым видам деятельности.

Приведем несколько определений корпоративной прессы.

В Законе РФ «О средствах массовой информации» обозначено такое понятие корпоративных СМИ: «Периодическое печатное издание, радио-, теле-, видео-программа, интернет-сайт, интернет-портал или иная форма периодического распространения информации, служащая интересам определенной корпорации, созданная по ее инициативе и предназначенная, как правило, для людей, имеющих определенное отношение к данной корпорации» [Федеральный закон...].

Б. Н. Лозовский в кратком словаре дает такое определение корпоративной прессы: «Корпоративная пресса — печать (телевидение, радиовещание) предприятий, промышленных холдингов и компаний, корпораций. Учредителями КП выступают, как правило, руководящие структуры предприятий и организаций» [Лозовский, с. 51].

Московский исследователь Д. А. Мурзин в статье «Новые коммуникативные стратегии коммуникаций в современной России» делает акцент на том, что корпоративная пресса отличается от других деловых СМИ своей принципиальной зависимостью от интересов конкретной корпорации, и называет ее «особым инструментальным видом деловой прессы» [Мурзин, 2005а, с. 56].

Как и когда появилась корпоративная пресса?

Ю. В. Чемякин в статье «Истоки и основные периоды развития российских корпоративных медиа» выделил четыре этапа развития российских корпоративных СМИ [Чемякин, 2013].

Первым этапом исследователь определил «дореволюционный период». Его хронологические рамки — последняя четверть XIX — начало XX в. (до 1917 г.). В этот временной промежуток было выпущено много коммерческих изданий, которые обладали качествами, характерными для корпоративных СМИ. В них размещались объявления и коммерческая реклама, которые могли занимать несколько страниц.

Второй этап — период советской многотиражной печати. Его хронологические рамки — начало 1920-х гг. — 1991 г.

Многотиражная печать становилась массовым явлением и оказывала сильное влияние на развитие промышленности, экономики и сознание народа. В годы Великой Отечественной войны многотиражки вдохновляли людей на трудовые подвиги, помогали не падать духом.

В послевоенный период в многотиражках становилось все больше зарисовок, в которых делался акцент на раскрытии внутреннего мира человека, при редакциях многотиражек часто появлялись литературные объединения.

Во второй половине 1980-х гг. многотиражки все чаще обращались к политическим проблемам. К концу 1980-х у многих предприятий начались финансовые трудности, которые повлияли и на заводскую прессу.

Третий этап — период реформ Ельцина. В первой половине 90-х гг. XX в. предприятия в основном едва держались на плаву и не думали о возобновлении выпуска собственных изданий. Но в это время в России появляются многочисленные филиалы западных фирм. Вместе с ними в страну пришла и пресса западного

образца, и по ее подобию стали возникать корпоративные издания в российских компаниях [Чемякин, 2013].

Четвертый этап — новейший период, который характеризуется серьезным количественным и качественным ростом медиа, повышением важности корпоративных медиа в системе СМИ, вниманием к корпоративной прессе власти и исследователей журналистики.

Другие ученые выделяют иные этапы развития корпоративной прессы в России. А. Д. Кривонос в своей книге «Корпоративная пресса на Западе: история и типология» выделяет в развитии корпоративной прессы три этапа [Кривонос, с. 71].

1-й этап, 1830–1900-е гг. Возникновение и развитие корпоративных изданий эпохи промышленного переворота, переход к машинному производству и сопутствующим процессам урбанизации.

2-й этап, 1900 — конец 1960-х гг. Корпоративные издания эпохи массового производства и глобальной индустриализации.

3-й этап, с конца 1960-х гг. по настоящее время. Корпоративные издания эпохи технологической и научно-технической революции, нового качества экономического роста и глобализации.

Активное развитие заводские газеты получили в 20–30-е гг. XX в., когда в стране строили комбинаты, заводы и фабрики. Часто газеты создавали еще в процессе строительства предприятий, и уже тогда они становились средством пропаганды, призывали к ударному труду.

В наши дни руководители компаний создали крупные объединения корпоративных СМИ на предприятиях.

К примеру, Уральская горно-металлургическая компания — холдинг, который объединил около 50 предприятий горнодобывающей отрасли, машиностроения, цветной и черной металлургии, строительства и т. д., — выпускает газету «УГМК-Вести». Периодичность — раз в неделю. Тираж — 30 тыс. экземпляров. Распространяется как вкладыш в газеты и имеется на каждом предприятии холдинга.

Уральский алюминиевый завод, расположенный в г. Каменске-Уральском (входит в объединенную компанию «РУСАЛ»), с 2010 г. выпускает корпоративный журнал «Алгоритм успеха». Тираж — 999 экземпляров. Журнал бесплатно распространяется на предприятиях компании РУСАЛ.

Корпоративные СМИ оказывают влияние на повышение капитализации компаний, поэтому важно продолжать постоянное информирование о деятельности предприятий, создавать имидж уральской промышленности.

Можно отметить, что за время существования газеты «За медь» (ОАО «Уралэлектромедь») ее пришлось перерегистрировать, так как теперь она распространяется по филиалам УГМК, которые расположены по всей области. Поскольку ОАО «Уралэлектромедь» имеет несколько филиалов, то газету читают в Верхней Пышме, Кировграде, Невьянске, Реже, пос. Верх-Нейвинский. В этом издании пишут не только о жизни предприятий, но и о проблемах городов, где расположены филиалы ОАО «Уралэлектромедь». Сейчас газета выходит на 8 полосах,

сегодня это одно из самых тиражных изданий среди корпоративных СМИ УТМК и г. Верхняя Пышма. Тираж — 5 600 экземпляров.

Проблемы типологии корпоративных СМИ носят практический характер. Разобравшись с ней, легче решить важную задачу — повышение эффективности корпоративных изданий.

В книге Д. А. Мурзина «Феномен корпоративной прессы» выделяются три основных вида корпоративных изданий:

- «— b2b (business-to-business) — издания для бизнес-партнеров;
- b2c (business-to-client) — издания для клиентов компаний;
- b2p (business-to-personnel) — издания для работников предприятий» [Мурзин, 2005б, с. 93].

Рассматривая российскую практику корпоративной прессы, исследователь выделяет четыре вида изданий по функциональным признакам:

- внутрикорпоративные издания;
- издания для внешней аудитории;
- смешанные издания (внутрикорпоративные издания внутри издания для внешней аудитории или наоборот);
- бывшие заводские многотиражки, к которым относятся заводские издания и заводские издания для города (характерны для градообразующих предприятий) [Там же, с. 78].

Анализируя труды практиков, Ю. В. Чемякин в книге «Корпоративные СМИ: секреты эффективности» выделяет несколько функций корпоративной прессы: идеологическая, информационно-коммуникативная, интеграционная, организационно-агитационная, имиджевая, образовательная (просветительская), развлекательная.

Идеологическая функция или функция формирования корпоративной культуры — призвана «внедрить» в сознание читателей определенные истины, ценности и модели поведения, необходимые для создания корпоративного духа.

Информационно-коммуникативная функция — необходима для ознакомления сотрудников с происходящим на производстве.

Интеграционная функция — существует для информационного обмена, поддерживает сплоченность на предприятии.

Организационно-агитационная функция — обеспечивает осведомленность работников о корпоративной жизни предприятия.

Имиджевая функция — формирует имидж предприятия, а также его руководителя. Задача — создать положительный имидж.

Образовательная (просветительская) функция — знакомит со способами и возможностями повышения квалификации сотрудников.

Развлекательная функция — информирование о возможностях провести досуг, отвлечься.

Исследователь Л. С. Агафонов в диссертации «Корпоративная пресса: особенности функционирования, типологические характеристики и методика оценки эффективности» предложил расширить список функций корпоративных СМИ,

добавив в перечень *функцию продвижения товаров и услуг*, необходимую для увеличения продаж [Агафонов].

Журналисты сегодня заботятся о том, чтобы заводская пресса, помимо выполнения информационной функции, формировала имидж предприятия, способствовала повышению узнаваемости бренда и вовлечению сотрудников в работу корпорации.

В современных корпоративных СМИ ключевую роль занимает вопрос профессиональной этики и коммуникации. Важнейшая задача — сплочение коллектива в единое целое. Для этого в заводских СМИ используются смысловые концепты. Их можно разделить на группы:

- 1) мы — семья;
- 2) мы — команда;
- 3) мы — патриоты предприятия;
- 4) мы делаем мир лучше;
- 5) мы верны традициям;
- 6) мы помогаем друг другу.

Группа концептов «Мы — семья» направлена на поддержку здорового психологического климата на работе, чтобы каждый сотрудник предприятия чувствовал, что его ценят и принимают как дома. Руководитель Отдела по мотивации и эффективности кадровых ресурсов АО «УЭХК» в своем интервью отмечает, что в работе использует аналогичные методы, что и в воспитании: *«Если сотрудник отдела достигает хороших результатов в труде, стараюсь обязательно похвалить»* (Диалог УЭХК. 2017. № 4). Срабатывает привычная всем с детства система: старшие в тебя верят и хвалят за успехи.

Еще один элемент «семейности» — обстановка, в которой сотрудник чувствует себя как дома. *«В уютной атмосфере, за разговорами о важном прошел торжественный ужин с генеральным директором для работников»* (Там же. № 12). Получается, что хоть встреча и носит официальный характер, но она проходит в спокойной атмосфере, а разговоры напоминают беседы о жизни за семейным ужином.

Как и в настоящей семье, знания передают из поколения в поколение, а к членам семьи прислушиваются. В конструкторском бюро Уральского турбинного завода следуют тем же истинам: *«В настоящее время коллектив нашего бюро переживает довольно благодатный период: мы передаем молодым свои знания, а они, в свою очередь, питают нас своими, присущими их поколению, благодаря такому тандему работать комфортно и интересно»* (Знамя. 2022. № 11).

Внимание к окружающим — еще одна «семейная» черта, относящаяся к группе смысловых концептов «Мы — семья». Мастер цеха Т-2 Сергей Симаков не только «на ходу решает серьезные вопросы», но и всегда заботливо относится к своим коллегам, всегда их приободряет. *«Это человек необычайной легкости. На ходу решит серьезный вопрос и тут же расскажет что-нибудь смешное. Для другого у него всегда найдутся теплые слова утешения или поддержки»* (Там же. 2021. № 9).

Группа концептов «Мы — команда» мотивирует сотрудников заводов работать вместе, быть частью общего большого дела. В своей речи к сотрудникам предприятий атомной промышленности генеральный директор Росатома Алексей Лихачев отметил, что «главная ценность атомной отрасли — это работающие в ней люди» (Диалог УЭХК. 2017. № 8). Без увлеченных идей людей, работающих в команде на общее благо, было бы невозможно строить мощнейшие предприятия, поэтому настолько важна ценность команды в корпоративных СМИ.

Осознание сопричастности к великому делу — это именно то, что прививают сотрудникам предприятий корпоративные СМИ в рамках концепта «Мы — команда». Когда работник чувствует себя частью сильной команды, то он хочет внести свой вклад в общее дело. Например, ветеран атомной энергетики и промышленности Сергей Мышев посвятил жизнь развитию и процветанию Уральского электрохимического комбината: *«Греет мысль, что мой добросовестный труд, опыт и энергия являются частью такого мирового бренда, как наш комбинат»* (Там же. № 8).

Командная работа приводит к успеху — историй с такой мыслью немало на страницах заводских СМИ. Эту идею подчеркивают самые преданные сотрудники, которые посвятили предприятию не один десяток лет своей жизни. Директор по персоналу Уральского турбинного завода Ольга Щеголева в интервью отмечает, что смогла достигнуть профессиональных высот именно благодаря слаженной работе коллектива: *«Я не приписываю успех себе. Считаю, что если что-то получается, то это результат действий многих людей, это командная работа»* (Знамя. 2020. № 11).

Группа концептов «Мы — патриоты предприятия» направлена на то, чтобы замотивировать сотрудников заводов не только эффективно трудиться, но и любить свое предприятие и иметь желание работать на нем как можно дольше. Это формирует у сотрудников мысль, что их трудовые подвиги будут помнить многие годы. В летописях заводов такие люди — живая история. К примеру, на Уральском электрохимическом комбинате выражают благодарность людям, стоящим у истоков завода. В 2017 г. на тот момент генеральный директор УЭХК Александр Белоусов обратился к почетным атомщикам: *«Вы совершили не только ратный подвиг, но и трудовой, построив наш замечательный комбинат»* (Диалог УЭХК. 2017. № 8). Их имена и славные дела будут помнить долго, а читатели захотят последовать их примеру и тоже стать первооткрывателями в своих областях знаний.

Работа, где тебе все знакомо, где тебя ценят и любят, дает силы жить. Как отмечает токарь-расточник 5-го разряда цеха Т-1 Уральского турбинного завода (УТЗ) Валерий Иванов, жить без работы не получается: *«Если хочешь, чтобы жизнь была полной и насыщенной — работай!»* (Знамя. 2021. № 4).

В родных стенах справишься с любыми трудностями — именно это является залогом корпоративного патриотизма. Ведущий бухгалтер отдела учета производственных операций УТЗ Снежана Нигматулина с теплотой отзывается о своей работе, где в любой ситуации всегда найдется выход: *«Несмотря на трудности,*

работу свою я люблю, как и завод, ставший родным за три с лишним десятка лет» (Знамя. 2020. № 12).

Группа концептов «Мы делаем мир лучше» содействует возникновению у сотрудников желания трудиться на благо страны и мира. Публикации показывают, что сотрудники предприятий идут в ногу со временем, стремятся создать новое, усовершенствовать механизмы. К примеру, в газете «Диалог УЭХК» представлен материал о продвижении новоуральского 3D-принтера: *«Рынок 3D-принтеров на металлических порошках начинает активно развиваться, именно в этом развивающемся секторе мы и пытаемся закрепиться»* (Диалог УЭХК. 2018. № 5).

Работа корпораций — это помощь не только своей стране, но и всему миру. К примеру, каждый пятый атомный киловатт электроэнергии в мире вырабатывается при участии Уральского электрохимического комбината. *«По оценкам специалистов, деятельность нашего комбината предотвращает на планете выброс около 460 миллионов тонн парниковых газов!»*

Вклад, который вносят заводы, заметен во многих отраслях. К примеру, 21 октября 2020 г. самый мощный в мире атомный ледокол «Арктика» официально вошел в состав российского атомного флота. *«Ледокол оснащен турбинами низкого давления и конденсаторами для двух паровых турбин, которые были разработаны и изготовлены на Уральском турбинном заводе»* (Знамя. 2020. № 10). А это значит, что УТЗ внес вклад в освоение Арктики.

Группа концептов «Мы верны традициям» показывает, что предприятия всегда сохраняли традиции, особенно во время Великой Отечественной войны. Это необходимо для того, чтобы в любой ситуации работники заводов не опускали руки, а продолжали трудиться и жить полной жизнью.

Традиция хранить и передавать знания. Даже в самые сложные периоды истории помнили о сохранении ценности знаний: *«В тяжелейшее для страны военное время завод сумел сохранить библиотеку, эвакуировав из Ленинграда вместе с заводским оборудованием наиболее ценные книги. У нас до сих пор хранятся экземпляры с печатями Кировского завода, изданные в 20–30-е годы прошлого столетия»* (Знамя. 2022. № 4).

Традиция трудиться во все времена. В годы Великой Отечественной войны УТЗ был единственным турбиностроительным заводом в стране, обеспечивающим действующие тепло- и электростанции запасными частями: *«От его работы напрямую зависела энергетическая безопасность страны, темпы выпуска военной продукции, укрепление военной мощи государства»* (Там же. 2020. № 9).

Традиция собираться вместе. В послевоенное время сотрудники турбомоторного завода помимо работы благоустроили стадион и парк. Это место служило танцплощадкой: *«Танцы были неотъемлемой частью жизни: именно здесь чаще всего знакомились, влюблялись, создавали семейные пары, дружили»* (Там же. 2022. № 8). Это пример того, что в любой ситуации нужно успевать жить — объединяться, строить семьи.

Группа концептов «Мы помогаем друг другу» напоминает о важности бескорыстной взаимопомощи. В корпоративной газете «Диалог УЭХК» множество таких примеров: «У нас с Сергеем особая связка, настоящая команда, — делится Денис. — Явношу какие-то изменения, а Сергей разумно “ограничат”, отсекая лишнее» (Диалог УЭХК. 2017. № 8). На предприятии к добровольной помощи относятся с особым трепетом: «Наставничество — это особое состояние человека — готовность помочь другому человеку, не требуя взамен ничего» (Там же. 2018. № 5).

Наставничество способствует непрерывному обучению сотрудников, приобретению новых компетенций без отрыва от производства. «Мало того, теперь тренеры пошли “в народ”, транслируя свой опыт на школьные и студенческие аудитории. А это уж точно подвижничество. И оно в крови у внутренних тренеров Уральского электрохимического» (Там же).

Грамотное наставничество — залог успеха молодого работника. Если в него вкладываются опытные коллеги, то он это ценит и перенимает эту модель поведения при работе с будущими поколениями: «Я уверен, что многое в производственной судьбе зависит от наставника, от того, кто закладывал в тебя первоначальные знания и делился своим опытом» (Знамя. 2022. № 8).

Все группы концептов образуют систему, которая работает на сплочение рабочего коллектива в единое целое, способствует формированию корпоративной культуры и повышению престижа рабочих профессий.

Агафонов Л. С. Корпоративная пресса: особенности функционирования, типологические характеристики и методика оценки эффективности // disserCat : электрон. библиотека диссертаций. URL: <https://www.dissercat.com/content/korporativnaya-pressa-osobennosti-funktsionirovaniya-tipologicheskie-kharakteristiki-i-metod> (дата обращения: 07.12.2022).

Горчева А. Ю. Корпоративные издания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2008. № 2. С. 72–86.

Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 05.12.2022) «О средствах массовой информации» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 06.12.2022).

Кривоносов А. Д. Корпоративная пресса на Западе: история и типология // PR-диалог. 2002. № 3. С. 71–72.

Лозовский Б. Н. Журналистика : краткий словарь. Екатеринбург, 2004. С. 51.

Мурзин Д. А. Новые корпоративные стратегии коммуникаций в современной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2005а. № 1. С. 55–67.

Мурзин Д. А. Феномен корпоративной прессы. М., 2005б. 88 с.

Чемякин Ю. В. Корпоративные СМИ: секреты эффективности. Екатеринбург, 2006. С. 6–12.

Чемякин Ю. В. Истоки и основные периоды развития российских корпоративных медиа // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1 (110). С. 78–86. // URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19346/1/11-110.pdf> (дата обращения: 04.12.2022).

Статья поступила в редакцию 22.03.2023 г.

Научная статья

УДК 654.197(09) + 070.1:004.032.6 + 070.1:654.022 + 654.197(437.1/2) + 771.3

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.030

**ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ НОВОСТИ В 1989–2021 гг.:
ХРОНОМЕТРАЖ, КАДР, ПЛАН, ДВИЖЕНИЕ КАМЕРЫ
(на материале чешского информационного вещания)**

Екатерина Вячеславовна Лапук

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова,

Москва, Россия,

lapukate@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-2231-3596>

А н н о т а ц и я. Одной из причин трансформации медиасистемы является увеличение информации, ставшее возможным благодаря развитию новых технологий и интернета. В связи с этим меняются привычки медиапотребления, меняется само журналистское содержание. Цель исследования — выявить особенности изменения формы телевизионных новостей за последние 30 лет. Методом контент-анализа исследовались 1608 телевизионных сюжетов за три периода — 1989, 2005, 2021 гг. Во-первых, с течением лет увеличился средний хронометраж сюжета и количество кадров в одном сюжете. Средняя продолжительность кадра, напротив, уменьшилась, что говорит об увеличении скорости смены телевизионной «картинки». Также с годами увеличивается количество подводок ведущих, что может свидетельствовать об усилении пиар-начала в информационной тележурналистике. Во-вторых, несмотря на усиливающиеся тенденции использования смартфона для потребления новостей, значительного увеличения использования крупных планов к 2021 г. отмечено не было. В-третьих, прослеживается увеличение не только количества кадров и хронометража сюжетов, но и использования такого способа съемки, как панорама, которая также создает движение в кадре и добавляет динамику.

К л ю ч е в ы е с л о в а: телевизионный сюжет; телевизионные новости; новостные программы; информационное вещание; чешские СМИ; телевидение Чехии; кадр; план; панорамирование; трансфокация

**TELEVISION NEWS FROM 1989 TO 2021:
TIMING, FILM FRAME, SHOT, CAMERA MOTION
(Based on Czech News Broadcast)**

Ekaterina V. Lapuk

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,*

lapukate@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-2231-3596>

A b s t r a c t. One of the reasons for the transformation of media systems is the increase in information made possible by the development of new technologies and the Internet. In this context, the habits of media consumption change, the journalistic content changes too. The main purpose of the article is to identify changes in the form of television news over the past 30 years. This paper applies the content analysis to study 1608 video news of the Czech TV in three periods – 1989, 2005, and 2021. Firstly, over the years the average time of the TV news and the number of film frames in one news story has increased. On the other hand, the average duration of the frame has decreased. Besides, over the years, the number of lead paragraphs increases, which to some extent indicates the increase in PR-component in broadcast news. Secondly, despite the increasing trend of using smartphones for news consumption, there was no significant increase in the use of close-up shots by 2021. Thirdly, there is an increase not only in the number of frames and the average duration of video news, but also in the use of such a method of shooting as a panorama, which also creates movement and adds dynamics.

К е y w o r d s: TV story; TV news; news programs; broadcast news; Czech media; Czech television; film frame; shot; panning; zooming

Количество информации в медиапространстве стремительно увеличивается, исследователи сегодня пишут о «журналистике заголовков» [Трансформация журналистской работы, с. 66], подразумевая, что аудитория массмедиа более поверхностно знакомится с журналистскими материалами. По данным опросов, только 4 % пользователей всегда досматривают видео в интернете до конца [Щепилова, Круглова, с. 348]. Люди проводят больше времени в медиасреде и потребляют больше информации, но делают это достаточно бегло. Логично предположить, что по сравнению с прошлым временем современный телевизионный сюжет, под которым понимается журналистский медиатекст как единица новостного выпуска, должен становиться короче. То же самое можно сказать и в отношении подвонок и отводок ведущих в информационных телепрограммах [Пименова]. До настоящего момента в интернет-пространство (как минимум на официальные сайты) телевизионные новости нередко загружались в том формате, в каком были выпущены в телеэфир, без какой-либо адаптации для онлайн [García-Avilés, p. 146–147]. Но редакции СМИ осознают происходящие в медиапространстве перемены [Трансформация журналистской работы, с. 55–56], вследствие чего представляется важным выяснить, как изменялась (и изменялась ли) форма телевизионной новости в последние тридцать лет.

Исследователи немало внимания уделяют жанровому своеобразию телевизионных новостей [Никольская; Телевизионная журналистика; Шестеркина, Николаева], разрабатывают подходы к анализу смысловых структур [Громова, Ершов], изучению моделирования [Сумская, Сумской] теленовостей, анализируют их содержательные трансформации [Быков]. Данная работа направлена на анализ формы телевизионной новости, причем особое внимание уделяется исследованию ее аудиовизуальной составляющей (нас интересует хронометраж новости, количество и продолжительность кадров, виды планов, особенности движения в кадре). Данное направление менее подробно представлено в публикациях специалистов по массовым коммуникациям.

К тому же в условиях медиаконвергенции чаще изменяется именно формальная сторона журналистских материалов [Баранова, с. 202]. Если раньше телевидение и кинематограф были единственными поставщиками аудиовизуального содержания, то сегодня с приходом интернета видеоконтент перестал быть их прерогативой. Медиaproстранство изменяется, пользователи Сети получают возможность самостоятельно снимать и публиковать видеоролики, которые теснят производимые профессиональными журналистами аудиовизуальные медиатексты. Данные изменения затрагивают почти все уровни производства журналистских материалов в целом и телевизионных сюжетов в частности, что не может не сказаться на их формальной стороне. А форма, как известно, неразрывно связана с содержанием. Поэтому представляется значимым рассмотреть то, как изменялась форма телевизионной новости с течением лет, что впоследствии может помочь исследователям, анализирующим содержательные трансформации телевизионных новостей.

Телевизионный сюжет, как и любое другое видео, состоит из кадров (одно из определений кадра в его пространственно-временной функции — отрезок видеозаписи от одной до другой монтажной склейки [Телевизионная журналистика, с. 188]). Поскольку количество доступной информации увеличивается, мы предполагаем, что количество кадров в одном сюжете также будет увеличиваться, а длительность кадра — т. е. его протяженность во времени, — наоборот, должна уменьшаться, сжиматься, так как количество видеoinформации, попадающей в руки телевизионного журналиста, растет, и он заинтересован в создании более динамичной и насыщенной «картинки».

Телевидение родственно такому искусству, как кинематограф, в первую очередь потому, что оно тоже передает объекты в движении. Это характерная черта любого аудиовизуального содержания. Движение играет важную роль в кадре (в его пространственной характеристике — как изображения, ограниченного рамками экрана [Нехорошев, с. 11]). Неслучайно блогеры, чувствующие и понимающие то, что от них хочет аудитория, прибегают к различным ухищрениям, для того чтобы оживить «говорящую голову» в кадре посредством различного рода движений (внутрикадрового, движения камеры, использования ускоренной или замедленной съемки, монтажа [McMullan]). Поскольку количество кадров, по нашему предположению, должно увеличиваться, движение будет создаваться

за счет более быстрой смены кадров. Так, согласно нашей второй гипотезе, телевизионщики в связи с увеличивающейся скоростью смены «картинки» в меньшей степени должны использовать такие средства создания внутрикадрового движения, как панорамирование [Вольнец, с. 63–64] и трансфокация [Борисов, с. 56].

С 1960-х гг., когда размер телевизионного экрана начал увеличиваться [Филиппов, с. 106], необходимость в крупных планах стала исчезать и использование крупных планов постепенно перестало быть отличительной чертой телевидения [Там же, с. 101] (под планом понимается степень приближенности камеры к снимаемому объекту [Нехорошев, с. 11]). В настоящий момент наблюдается тенденция более активного использования аудиторией дополнительных экранов — экрана персонального компьютера, планшета и мобильного телефона [Телевидение в России, с. 64; Desktop vs Mobile], тогда как еще в недавнем прошлом телевизионные новости можно было посмотреть только на экране телевизора. Экраны смартфона и планшета значительно меньше по размеру, чем телеэкран. Следовательно, сегодня налицо возвращение трансляции аудиовизуального новостного (и не только) содержания на относительно маленькие экраны. В связи с этим можно предположить, что на современном этапе создатели телевизионного новостного контента могут адаптировать «картинку» к меньшим по размеру экранам — в особенности к экрану смартфона. По этой причине с уменьшением экрана может наблюдаться укрупнение планов аудиовизуального содержания. Влияние мобильного телефона на телевизионные новости уже очевидно: вертикальные видео [Menotti], в большинстве своем представляющие собой пользовательский контент [Cleary, Bloom; Furqan, Muhtar, Arya], все чаще появляются в эфире, несмотря на свою неприглядность, неэстетичность с точки зрения профессионалов телевидения [Canella, p. 85]. Мы предполагаем вероятность того, что производители телевизионных новостей могут изменять свое аудиовизуальное содержание как невольно, просто существуя и функционируя в условиях нового медиапространства, так и намеренно, с целью угодить представителям аудитории.

Методология

В ходе исследования были проанализированы 1608 телевизионных сюжетов итоговой новостной программы телеканала Чешской Республики «Ческа телевизе 1» (*Česká televize 1*), который является «первой кнопкой». Был проведен контент-анализ журналистских новостных медиатекстов (телевизионных сюжетов) по таким категориям, как «Хронометраж», «Количество подвонок и отводок», «Среднее количество кадров», «Средняя длина кадра», «Крупность планов», «Движение камеры». Для работы были выбраны три периода — 1989, 2005 и 2021 гг. Между годами был установлен равный промежуток в 16 лет, в каждом году анализировалось по три недели (т. е. по 21 выпуску ежедневной вечерней новостной телепрограммы за год: по 7 выпусков за март, 7 — за июль, 7 — за ноябрь для каждого периода).

В категории «Крупность планов» был проведен покрупный анализ крупности планов всех 1608 телевизионных сюжетов (в случае если в кадре было несколько планов, в подсчет включались оба), было проанализировано 19700 кадров. Средний план [Нехорошев, с. 12] был поделен на два вида: под средним первым понимался средний поясной план, под средним вторым — средней коленный. «Движение камеры» анализировалось с точки зрения использования трансфокации (оптического увеличения) и панорамирования.

Стоит отметить, что анализ чешского телевидения как объекта исследования в данной статье носит скорее иллюстративный характер. В работе на основании количественного анализа подсчитываются данные о формальной стороне телевизионной новости, вследствие чего, по сути не исследуя содержание, мы пренебрегаем национальной спецификой телевидения Чехословакии (1989 г.) и Чешской Республики (2005 и 2021 гг.) — спецификой, которая в данном исследовании не играет существенной роли.

Результаты исследования

Проанализировав телевизионные сюжеты, мы пришли к выводу о том, что несмотря на запрос современной аудитории на меньшие форматы журналистских материалов средний хронометраж сюжетов с годами стабильно растет: так, в 1989 г. в среднем один сюжет длился 64 сек, в 2005 г. — 69 сек, а в 2021 г. на 20 % больше, чем в 1989 г., — 77 сек (табл. 1).

Таблица 1

**Хронометраж сюжетов, подводок и отводок
в новостях «Ческа телевизе 1» в 1989, 2005, 2021 гг., сек**

Средний хронометраж	1989				2005				2021			
	1	2	3	Ср.	1	2	3	Ср.	1	2	3	Ср.
Сюжет	57	62	73	64	66	71	69	69	76	74	80	77
Подводка	4	6	16	9	21	20	20	20	20	20	19	20
Отводка	1	2	17	6	11	8	10	10	23	14	17	18
Всего	61	65	77	68	80	86	83	83	85	84	89	86

Примечание. Здесь и в головке табл. 2–4: 1 — данные за третью неделю марта, 2 — июля, 3 — ноября; «Ср.» — «Среднее».

То же самое касается и таких структурных элементов телевизионного сюжета, как подводка и отводка ведущего: хронометраж подводки увеличился вдвое (9 сек в 1989 г. и 20 сек в 2005 и 2021 гг.), хронометраж отводки увеличился второе (6 сек в 1989 г. и 18 сек в 2021 г.). Необходимо пояснить, что в графе «Всего» указывался общий хронометраж сюжета вместе с подводкой и отводкой, однако, как видно

из табл. 1, данные показатели незначительно отличаются от «чистого» среднего хронометража (графа «Сюжет»). Это связано с тем, что использование подводок и отводок в выпуске новостей неоднородно и отличается по периодам (табл. 2).

Таблица 2

Подводки и отводки в новостях «Ческа телевизе 1» в 1989, 2005, 2021 гг.

Среднее количество на сюжет	1989				2005				2021			
	1	2	3	Ср.	1	2	3	Ср.	1	2	3	Ср.
Подводка	0,28	0,15	0,2	0,2	0,69	0,75	0,67	0,7	0,47	0,5	0,48	0,48
Отводка	0,04	0,03	0,08	0,05	0,04	0,07	0,1	0,07	0,008	0,004	0,004	0,005

В табл. 2 представлена средняя частота использования подводок и отводок в пересчете на один сюжет. Так, в современные периоды подводки встречаются чаще, чем в 1989 г. (в среднем 0,7 и 0,48 подводок на сюжет в 2005 и 2021 гг. против 0,2 — в 1989 г.). В использовании отводок наблюдаются некоторые изменения: если к 2005 г. их количество увеличилось на 30 %, с 0,05 до 0,07, то к 2021 г. подводки встречались в десять раз реже (0,005 против 0,05 в 1989 г.). Итак, к настоящему моменту подводка в среднем используется для каждого второго сюжета, тогда как отводки практически не используются.

Как было показано выше, с годами хронометраж одного сюжета увеличился, следовательно, в рамках одного выпуска новостей в настоящий момент передается больше информации, чем раньше (в 1989 г.). Теперь стоит рассмотреть, как изменялось количество кадров в телесюжете (рис. 1).

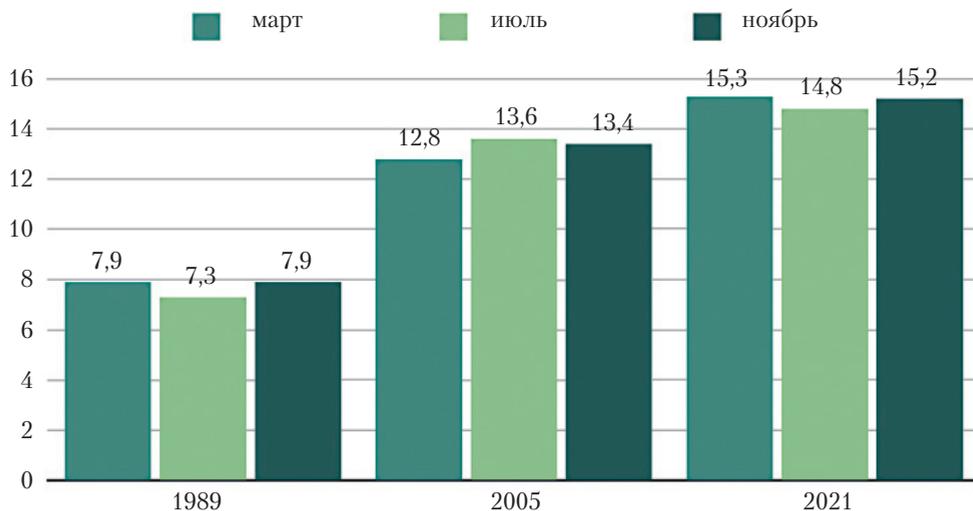

Рис. 1. Среднее количество кадров в одном сюжете «Ческа телевизе 1»

Как видим, количество кадров в сюжете с годами стабильно растет. Если в 1989 г. в среднем один сюжет состоит из 7,7 кадра, то в 2005 г. — из 13,3, а в 2021 г. их количество увеличивается до 15,1 кадра на сюжет. Получается, что хронометраж одного медиатекста увеличивается и количество кадров в нем также возрастает (причем довольно значительно: практически вдвое с 1989 г.).

Также стоит обратиться к такому показателю, как длительность одного кадра в сюжете, получаемому путем деления хронометража всех сюжетов за один период на общее количество кадров за этот период (рис. 2).

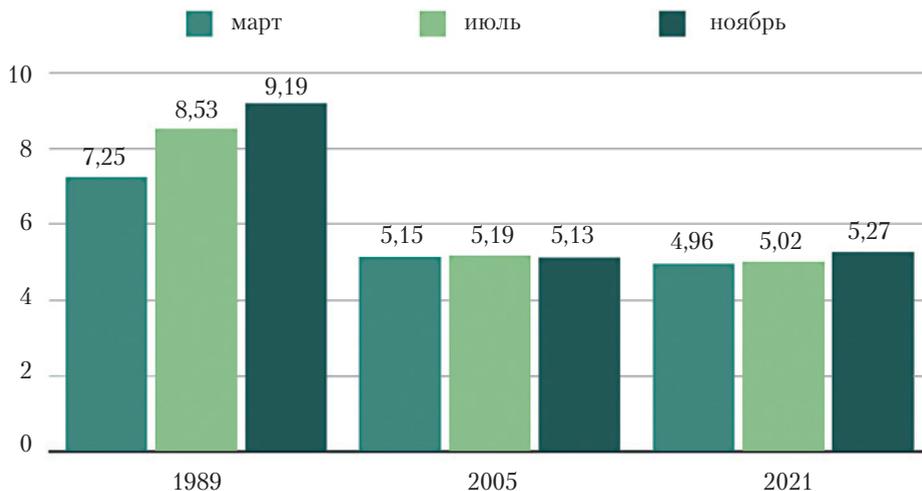

Рис. 2. Средняя длина кадра в новостях «Ческа телевизе 1», сек

Здесь представлена обратная картина: средняя продолжительность кадра сокращается с годами, но разница между 2005 и 2021 гг. практически отсутствует. В 1989 г. средняя длина кадра составляла 8,3 сек, в 2005 г. — 5,2 сек, в 2021 г. — 5 сек. Данные рис. 2 подтверждают показатели рис. 1: раз количество кадров в сюжете с годами увеличивается, закономерно, что средняя продолжительность одного кадра будет сокращаться. Однако несколько удивляет отсутствие разницы между 2005 и 2021 гг., поскольку заметные изменения в медиапространстве, связанные с распространением интернета и социальных медиа, развитием новых технологий, ростом числа проданных смартфонов, а также с увеличением количества доступного видеосодержания и информации в целом, относятся в значительной степени именно ко временному промежутку между 2005 и 2021 гг.

В результате анализа крупности планов мы пришли к выводу о том, что телевизионные новости с точки зрения использования планов представляют собой консервативный тип аудиовизуального журналистского медиатекста (табл. 3).

Как видно из табл. 3, четверть планов в 1989 и 2021 гг. были дальними, пятая часть — общими. Несколько выбивается 2005 г., где около трети планов были дальними, 18 % общими, однако отличия не слишком велики.

Таблица 3

Крупность планов в новостях «Ческа телевизе 1» в 1989, 2005, 2021 гг., %

План	1989				2005				2021			
	1	2	3	Ср.	1	2	3	Ср.	1	2	3	Ср.
Дальний	19,5	25	31	25	26	33	29	30	22	33	21	25
Общий	25	26	14,5	22	19	18	18	18	20	19	22	20
Средний второй	14	11	8	11	7	6	6	6	10	5	5	7
Средний первый	25	25	26,5	25,5	28	29	31	29	26	27	33	29
Крупный	16	13	19,5	16	20	14	16	17	21,5	16	19	19
Сверхкрупный	0,5	—	0,5	0,5	—	—	—	—	0,5	—	—	—

Наибольшие изменения с течением лет оказались характерны для второго среднего, или среднего коленного, плана. Так, в 1989 г. данный план использовался почти вдвое чаще, чем в 2005 г., и в полтора раза чаще, чем в 2021 г. На современных этапах телевизионщики отдавали предпочтение первому среднему (поясному) плану, который является более крупным, т. е. показывает фигуру человека ближе (по пояс, а не по колено).

Ожидаемые изменения в сторону укрупнения плана оказались несущественными. Так, в 1989 г. в среднем крупный план составлял 16 %, в 2005 г. — 17 %, в 2021 г. — 19 %. Действительно, тенденция в сторону укрупнения имеется, но она едва ощутима. К тому же использование сверхкрупного плана, напротив, снизилось в двух современных периодах по сравнению с 1989 г.

Наконец, в табл. 4 представлены результаты анализа по такому критерию, как «Движение в кадре».

Таблица 4

Панорама и трансфокация в новостях «Ческа телевизе 1» в 1989, 2005, 2021 гг., %

Вид движения	1989				2005				2021			
	1	2	3	Ср.	1	2	3	Ср.	1	2	3	Ср.
Панорама	0,6	0,5	1	0,7	1,3	1,2	1,5	1,3	1	1,3	1,4	1,3
Трансфокация	0,8	0,8	1,5	1	1,1	0,9	1,2	1	0,5	0,7	0,8	0,7

Панорама стала использоваться практически вдвое чаще в 2005 г. и в 2021 г., чем в 1989 г.: в среднем по 1,3 применения панорам на сюжет против 0,7. Гипотеза о снижении предпочтений к панорамированию с течением лет не подтвердилась. Трансфокация в 1989 и 2005 гг. встречалась одинаково: в среднем единожды на сюжет, тогда как к 2021 г. ее использование снизилось до 0,7 на один сюжет,

что отчасти подтверждает предположение о том, что увеличение быстроты смены «картинки» заменяет необходимость прибегать к зуммированию.

Выводы

Говорить о том, что современные массмедиа обречены работать в русле «журналистики заголовков», наверное, будет не совсем верно. Скорее имеет место двуправленный процесс: с одной стороны, известно, что аудитория действительно все чаще предпочитает короткие форматы [Трансформация журналистской работы, с. 59–60], с другой стороны, лонгриды, продолжительные программы-интервью на YouTube, иной занимающий много времени на потребление медиаконтент, в частности, аудиовизуальный [Щепилова, Круглова, с. 348], — также пользуются популярностью. Данное исследование демонстрирует, что с годами производители телевизионных новостей увеличивают продолжительность сюжетов, из которых формируется новостной выпуск, а не сокращают, как этого можно было ожидать. Так, средняя длительность одной телевизионной новости увеличивается с годами, в особенности это заметно при сравнении материалов 1989 и 2021 гг.: продолжительность одного медиатекста увеличилась в среднем на 20 %.

Тем не менее длительность одного кадра в сюжете, напротив, уменьшилась с годами и довольно значительно: средняя длина одного кадра сократилась на 40 % к 2021 г., что говорит об увеличении скорости смены кадров на экране при трансляции телевизионных новостей. Сегодня достаточно распространенными являются понятия клипового мышления, клипового сознания и даже клип-культуры [Советкина, с. 82]. Исследователи пишут о том, что к настоящему моменту телеканалы пришли к «учащенному ритму подачи визуальных сообщений, к нелогичному, фрагментарному построению изобразительного ряда» [Там же, с. 84]. Данный тезис вполне иллюстрируется результатами нашего анализа телевизионных новостей. Действительно, средняя продолжительность кадра в сюжете сократилась, а количество кадров, наоборот, увеличилось почти в два раза: так, если в 1989 г. одна телевизионная новость в среднем состояла из восьми кадров, то к 2021 г. их количество увеличилось в среднем до пятнадцати кадров в сюжете. Можно сделать вывод об увеличении количества аудиовизуальной информации и ее насыщенности в эфире информационного вещания в промежуток с 1989 по 2021 г.

По сравнению с 1989 г. в современных новостных выпусках подводки к телевизионным сюжетам стали использоваться чаще, отводки, напротив, в 2021 г. практически не используются. Это может говорить об усилении продвигающего начала в современных телевизионных выпусках (исследователи уже отмечали данную тенденцию в структуре и содержании анонсов новостных выпусков [Чобанян, с. 98]). Ключевая сущностная характеристика подводки заключается в наличии интриги [Пименова, с. 135], которая должна заманить зрителя, побудить его продолжить телесмотрение. Следовательно, выявленное нами увеличение количества подводок с течением лет говорит о том, что редакции телевизионных новостей стали чаще интриговать, завлекать зрителя, по сути, искусственно побуждать его

обращать внимание на ту или иную новость. Любопытно отметить, что наибольшее количество подводок было встречено в 2005 г., в этот период количество сюжетов на криминальную тематику и тематику происшествий значительно превышало количество подобных сюжетов в 1989 и 2021 гг. Данные темы также в наибольшей степени связаны с искусственным привлечением внимания, часто основанным не столько на значимости той или иной новости для общества, сколько на сенсационности и демонстрации подробностей, устрашающих и завораживающих телезрителя. Можно сделать предположение о том, что в 2005 г. новости главного универсального телеканала Чехии в большей степени были ориентированы на привлечение внимания, чем на непосредственное информирование, что нашло свое отражение в количестве подводок и выборе освещаемых тем.

Гипотеза об использовании телевизионщиками более крупных планов в настоящее время по сравнению с 1989 г. подтвердилась лишь отчасти: так, действительно на 3,5 % увеличилось использование среднего поясного плана и в полтора-два раза снизилось использование среднего коленного. Также было отмечено небольшое увеличение использования крупных планов в 2021 г. по сравнению с 1989 г. (19 % против 16 %). Тем не менее изменения малозначительны по сравнению с гораздо быстрее происходящим переходом на дополнительное, а для кого-то и основное, потребление телевизионных (и не только) новостей посредством экрана смартфона [It's a matter of age, p. 13–14; Ohme, p. 117]. Кроме того, отмечается значительный рост продаж мобильных телефонов по сравнению с замедляющимся спросом на персональные компьютеры [Desktop vs Mobile], а также факт предпочтения (с немалым отрывом) интернета и смартфона телевизору и персональному компьютеру как наиболее необходимых технических изобретений [Хищные вещи века]. Также стоит отметить, что использование достаточно выразительных сверхкрупных планов, напротив, с годами снизилось.

Итак, продолжающийся в последние годы переход части телевизионной аудитории на меньшие по размеру экраны (телефоны, планшеты), судя по полученным нами данным, не особо учитывается производителями телевизионных новостей. В этом отношении телевизионные новости можно считать достаточно консервативными, в своем естественном виде они плохо адаптируются к потреблению посредством новых небольших экранов. На основании уже имеющихся данных можно говорить о желании аудитории видеть телевизионные новости, например, в Тик-Токе, короткими, сопровождаемыми картинками и музыкой, закадровым голосом и титрами, а также с использованием «только вертикального видео» [Chobanyan, Nikolskaya, p. 83].

Отметим, что к 2021 г. почти вдвое увеличилось применение панорамирования в телевизионных новостях. Причем вместе с увеличившимся также почти в два раза количеством кадров в одной новости можно констатировать усиливающееся движение в кадре, увеличение скорости смены «картинки», побуждающее зрителя пристальнее следить за происходящим на экране, конечно, если он не смотрит передачи в фоновом режиме [Полуэхтова, с. 135]. Таким образом, на основании анализа медиатекстов чешского телевидения по такому критерию, как «Движение

в кадре», можно сделать вывод об увеличившемся в последние годы движении на экране во время трансляции теленовостей: движения стало больше, «картинка» стала сменяться быстрее, фрагментарность и «клип-культура» становятся при-
сущи телевизионным новостям.

Баранова Е. А. Медиаконвергенция как системообразующий фактор трансформации института СМИ : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018.

Борисов С. И. Технология создания документального фильма : учеб.-метод. пособие. М., 2019.

Быков Д. В. Телевизионные новости: от информации к развлечению // *Вопр. теории и практики журналистики.* 2022. № 3. С. 528–544.

Вартанова Е. Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // *Меди@льманах.* 2022. № 2 (109). С. 8–14. DOI: 10.30547/medialmanah.2.2022.814

Вольнец М. М. Профессия: оператор : учеб. пособие. М., 2008.

Громова Е. Б., Ершов Ю. М. Смысловые структуры телевизионных новостей // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология.* 2020. № 68. С. 280–297. DOI: 10.17223/19986645/68/14

Колесниченко А. В., Вырковский А. В., Галкина М. Ю. и др. Трансформация журналистской работы под влиянием новых технологий: поиск информации, жанры медиатекстов, редакционная культура // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика.* 2017. № 5. С. 51–71.

Нехорошев Л. Н. Драматургия фильма : учебник. М., 2009.

Никольская Э. С. Место ЛТТ в жанровой палитре телевизионных новостей // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика.* 2019. № 5. С. 72–88. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2019.7288

Пименова М. В. Типология подводок в информационных программах на российских федеральных телеканалах // *Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Филология. Журналистика.* 2020. № 2. С. 135–139.

Полуэхтова И. А. Телевидение и его аудитория в эпоху интернета. М., 2018.

Советкина Э. В. Экранная клип-культура: взгляд в историю // *Вестн. МГУКИ.* 2012. № 3 (47). С. 82–86.

Сумская А. С., Сумской П. Ф. Моделирование теленовостей в контексте информационной политики телеканала // *Вопр. теории и практики журналистики.* 2018. № 4. С. 581–598. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).581-598

Телевидение в России: состояние, тенденции и перспективы развития : отраслевой докл. М., 2022. URL: <https://nat.ru/upload/medialibrary/5e7/5e7878faca6abc9bafaeade060cca25ad.pdf?ysclid=ld8of53n87304112341> (дата обращения: 14.02.2023).

Телевизионная журналистика : учеб. пособие / под ред. Ю. И. Долговой, Г. В. Перипечинной. М., 2022.

Филиппов С. А. В чем разница между телевидением и кино? // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика.* 2016. № 6. С. 87–108.

Хищные вещи века : аналит. обзор ВЦИОМ. 8.02.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khishchnye-veshchi-veka> (дата обращения: 14.02.2023).

Чобанян К. В. Языковые средства и приемы привлечения внимания зрителей телевизионных новостей (на материале шапок и шпигелей телеканала Си-эн-эн) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика.* 2015. № 3. С. 80–99.

Шестеркина Л. П., Николаева Т. Д. Методика телевизионной журналистики : учеб. пособие. М., 2012.

Щетилова Г. Г., Круглова Л. А. Видеоконтент в интернете: особенности аудиторного потребления // Вопр. теории и практики журналистики. 2019. № 2. С. 342–354.

Canella G. Video goes vertical: Local news videographers discuss the problems and potential of vertical video // Electronic News. 2018. № 12 (2). P. 75–93. DOI:10.1177/1931243117705417

Chobanyan K., Nikolskaya E. Testing the waters: TikTok's potential for television news // World of Media : Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2021. № 3 (3). P. 62–88. DOI: <http://dx.doi.org/10.30547/worldofmedia.3.2021.3>

Cleary J., Bloom T. Gatekeeping at the portal: An analysis of local television websites' user-generated content // Electronic News. 2011. № 5 (2). P. 93–111. DOI:10.1177/1931243111408389

Desktop vs Mobile vs Tablet Market Share Worldwide. Jan 2009 – Jan 2023. URL: <https://gs.statcounter.com/platform-market-share/desktop-mobile-tablet/worldwide/#monthly-200901-202301> (date of access: 14.02.2023).

Furqan R., Muhtar S. M., Arya N. Application of User Generated Content by Television News' during Pandemic // Journal ASPIKOM. 2022. № 7 (1). P. 71–83. DOI: <http://dx.doi.org/10.24329/aspikom.v7i1.1069>

García-Avilés J. A. Reinventing television news: Innovative formats in a social media environment // Journalistic Metamorphosis. Springer, Cham. 2020. № 70. P. 143–155. DOI:10.1007/978-3-030-36315-4_11

Klopfenstein Frei N., Wyss V., Gnach A., Weber W. “It’s a matter of age”: Four dimensions of youths' news consumption // Journalism. 2022. P. 1–22. DOI:10.1177/14648849221123385

McMullan J. The great jump cut (r) evolution: A case for studying the evolution of vlogging production techniques. DOI:10.5210/fm.v26i2.10547 // First Monday. 2021. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/10547/10070> (date of access: 14.02.2023).

Menotti G. Discourses around vertical videos: an archaeology of “wrong” aspect ratios // ARS (São Paulo). 2019. № 17. P. 147–165. DOI:10.11606/issn.2178-0447.ars.2019.140526

Ohme J. Mobile but not mobilized? Differential gains from mobile news consumption for citizens' political knowledge and campaign participation // Digital Journalism. 2020. № 8 (1). P. 103–125. DOI:10.1080/21670811.2019.1697625

Статья поступила в редакцию 15.02.2023 г.

Научная статья

УДК 025.173:271.2 + 070.1:271.2 + 325.2(470) + 94(82)“19” + 327.54

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.031

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В АРГЕНТИНЕ В ЭПОХУ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Алексей Валерьевич Антошин¹

Валерий Алексеевич Антошин²

*¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
alex_antoshin@mail.ru*

*²Уральский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия,
alex_antoshin@mail.ru*

А н н о т а ц и я. Статья посвящена феномену православной прессы русского зарубежья эпохи холодной войны. В центре внимания авторов статьи — журналы, выпускавшиеся в столице Аргентины Буэнос-Айресе, которая после Второй мировой войны становится одним из важнейших центров русской эмиграции. Доказано, что православные периодические издания являются ценным источником по истории общественного сознания русского зарубежья.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Русская православная церковь; русская эмиграция; Аргентина; периодическая печать; холодная война

Б л а г о д а р н о с т и. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01705, проект «Интернационализация проблемы беженцев, “перемещенных лиц” и малых народов в условиях холодной войны».

THE ORTHODOX PERIODICALS OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN ARGENTINA DURING THE COLD WAR

Alexey V. Antoshin¹

Valery A. Antoshin²

¹*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
alex_antoshin@mail.ru*

²*Ural Institute of Management of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Ekaterinburg, Russia,
alex_antoshin@mail.ru*

Abstract. The article is dedicated to the phenomenon of the Orthodox press of the Russian abroad of the Cold War. The focus of the authors of the article is the magazines published in the capital of Argentina Buenos Aires, which after the Second World War became one of the most important centers of Russian emigration. It is proven that Orthodox periodicals are a valuable source on the history of the public consciousness of the Russian abroad.

Key words: Russian Orthodox Church; Russian emigration; Argentina; Periodicals; Cold War

Acknowledgements. The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-01705, the project “Internationalization of the problem of refugees, ‘displaced persons’ and small peoples in the conditions of the Cold War”.

Феномен периодической печати русской эмиграции уже не раз привлекал внимание исследователей. На наш взгляд, особое место здесь занимают труды П. Н. Базанова, основанные на широком круге источников [Базанов]. Внимание российской научной общественности к периодическим изданиям, которые выпускались различными «ветвями» русского зарубежного православия в XX в., привлек А. В. Попов. В его работах были кратко охарактеризованы «Православная Русь» (Ладомирово – Джорданвилль), «Вестник Западно-Европейской епархии Русской православной церкви за рубежом» (Женева), «Вестник Русского Западно-Европейского патриаршего экзархата» (Париж) и другие церковные журналы [Попов, с. 17–38]. Однако основное внимание А. В. Попов сосредоточил на наиболее значимых изданиях, выходивших в Европе и США. Между тем после Второй мировой войны важным центром русского зарубежного «рассеяния» становится Аргентина, где оказалось немало перемещенных лиц (*displaced persons*, ди-пи), а также «старых» эмигрантов, перебравшихся туда из Европы. Именно в этот период на аргентинской земле начинает издаваться целый ряд церковных журналов. Данный феномен пока еще не стал объектом специального изучения в исторической литературе.

Как справедливо указывает известный историк русского зарубежья М. И. Раев, для многих эмигрантов «возрождение веры явилось источником утешения и внутренней силы, необходимой для того, чтобы пережить тяготы изгнания и заполнить пустоту, возникшую после утраты прежних идеалов» [Раев, с. 153]. Эти тенденции фиксировали и русские эмигранты, проживавшие в Аргентине. Один из них, Г. Семенов, пожалуй, сформулировал это наиболее ярко: «Жизнь в рассеянии явилась школой церковности для русской послереволюционной эмиграции». «Это не означает, разумеется, — признавал он, — что все наши эмигранты приобрели последовательно православно-русское мировоззрение: для многих церковь — только один из атрибутов русской жизни и русской культуры; другие просто приходят в храм, чтобы встретиться с земляками. Но тем не менее, в той или иной форме, церковь занимает видное место в духовной жизни почти всякого русского эмигранта» [Семенов, с. 6].

В результате распространенным явлением стали православные издания, ориентированные не на богословов, а на рядовых представителей русской эмиграции, лишь недавно обратившихся к вере. Принципиальной позицией редакции таких изданий было стремление отстраниться от церковной «политики», негативные стороны которой могли дискредитировать православие в глазах эмигрантов. Таков был, например, журнал «Православный вестник», начавший выходить в Буэнос-Айресе под редакцией Е. Супруна в 1948 г. Инициаторы его издания видели свою миссию в том, чтобы знакомить с православием «американского читателя», одновременно предлагая всем православным христианам «без всяких идей политических серьезный богословский материал» [Редакция].

Одновременно, впрочем, инициаторы издания данного журнала ставили перед русской эмигрантской общественностью сложную проблему. Они призывали интеллигенцию заняться христианским просвещением эмигрантской массы. «Часок времени, употребленный каждым из нас, сообразно специальности, в пользу простолодина, — подчеркивала редакция «Православного вестника», — небольшой ущерб принесет нам материально, но зато в нравственном отношении несомненно принесет громадную пользу» [Что есть истина? С. 5]. При этом обращалось внимание на то, что многие представители эмигрантской интеллигенции сторонились общественной работы, замыкались в себе и занимались лишь поиском средств к существованию. Эта ситуация являлась решительным разрывом с традицией русской интеллигенции, поэтому редакция «Православного вестника» с болью писала о том, что «соль земли» — интеллигенты «ушли в свое “я”» и «ничего не видят и не слышат» [Там же, с. 6].

Следует учесть, что поставленная редакцией «Православного вестника» проблема тесно связана с более общим вопросом о роли православной церкви и ее прихожан в современном обществе. Часть эмигрантской интеллигенции, придя к вере, разделяла популярную в странах Запада концепцию о религии как личном деле каждого человека, связанную с идеей отделения церкви от государства. Некоторые церковные иерархи также полагали, что верующим не следует принимать активного участия в общественно-политической жизни, чтобы сохранить

нравственную чистоту и верность идеалам православия. Однако с такой точкой зрения решительно боролся известный религиозный мыслитель, историк Русской православной церкви А. В. Карташев, который полагал, что в современных условиях верующие должны «пронизать весь комплекс жизни политической, культурной, бытовой, всяческой». «Входя во все ее комбинации, наряду с лицами безрелигиозными и даже прямо христианству враждебными, — подчеркивал он, — мы не терялись бы в одиночестве, а проводили бы церковное влияние во все молекулы ткани жизни общественной, опираясь на свои союзы и братства» [Карташев, с. 212]. Поэтому, полагали православные мыслители, церкви необходимо было бороться против общественной пассивности части верующих, что проявлялось и в Аргентине.

Именно издательские проекты становились важными инструментами, которые использовали церковные иерархи для распространения своих идей среди верующих. Особое место среди них занимал орган религиозно-нравственной и церковно-общественной мысли «двухнедельный журнал» «Православное слово», который выпускался в Буэнос-Айресе. Подписку на это издание можно было оформить во всех приходах Аргентинской епархии Русской православной церкви за границей, печатным органом которой фактически было данное издание.

Главой Аргентинской епархии Русской православной церкви за границей в 1950-е гг. был архиепископ Иоасаф — уроженец Новгородской губернии, сын сельского священника. Выпускник Новгородской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, в дореволюционной России он был инспектором духовного училища в Яранске (Вятская губерния), затем в Полтаве. Именно там Иоасаф встречает революцию 1917 г. и Гражданскую войну. В результате крымской эвакуации 1920 г. он оказался в Югославии, в течение пяти лет был законоучителем в кадетском корпусе. С 1930 г. в сане епископа он занимался организацией Монреальской епархии в Канаде, а в 1951 г. стал Архиепископом Буэнос-Айресским и Аргентинским. На страницах журнала «Православное слово» деятельности архиепископа Иоасафа уделялось значительное внимание.

Характеризуя программу журнала «Православное слово», его редакция указывала: «Наш журнал хочет помочь среднему русскому эмигранту познать основы православия, в большинстве случаев ему мало известные. Еще меньше ему известно, что в православии он может найти ответы решительно на все волнующие его самого вопросы. Он ищет их в науке, в политике, в социологии и не знает того, что православная мысль уже содержит исчерпывающие ответы на все, что его волнует» [Передовая статья]. При этом подчеркивалось, что данное издание не ограничивалось освещением чисто религиозных и даже мировоззренческих вопросов. Оно освещало и политические, государственные проблемы, в том числе различные аспекты международных отношений. Отражая точку зрения православной церкви, редакция журнала указывала: «Православное сознание охватывает все стороны человеческих отношений, и думается нам, что жизнь была бы лучше и легче, если бы сами православные (хотя бы только они) всякую свою деятельность подчиняли своему христианскому пониманию жизни» [Там же].

При этом совершенно очевидна и антикоммунистическая направленность данного издания. Ставя в центр своего внимания ценностные, мировоззренческие проблемы, редакция «Православного слова» составляла оппозицию существовавшему в Советском Союзе режиму. «В мире разыгрывается теперь величайшая драма истории, — заявляло руководство журнала. — Организованное зло пытается захватить мир в свои руки... Есть люди, которые пытаются завуалировать трагизм борьбы, умолчать о жертвах зла, если не просто отрицать их существование. Всякий, кто это делает, сознательно или бессознательно содействует злу. Мы хотим быть с мучениками, а не с мучителями, и постараемся с предельной решительностью проводить нужное разграничение» [Передовая статья].

Идейно-политические установки руководства Аргентинской епархии Русской православной церкви за границей еще более четко выразил священник Г. Романов, подчеркивавший на страницах «Православного слова» необходимость помнить о новомучениках российских, прежде всего о семье Николая II. Как и многие русские монархисты, с падением российской монархии он связывал и отход от принципов международного права, господство силы в мировой политике. По заявлениям Г. Романова, «пока жив был Государь Император Николай Александрович, в международных отношениях не могла воцариться... открытая циничная безнравственность» [Романов, с. 4].

По мнению Г. Романова, можно было говорить о том, что тот процесс усиления роли православной церкви в общественной жизни, о котором писал А. В. Карташев, в Аргентине уже начался. По его мнению, происходило сближение общечеловеческой и православной церкви, причем движение навстречу было обоюдным. С одной стороны, духовенство «все более теряет характер замкнутой касты с ремесленным подходом к своему делу, все больше видно в его среде сознание величия пастырского служения». С другой стороны, церковь стала приобретать все большее значение в семейной, общественной и политической жизни: «...в церковной и прицерковной работе участвует наша интеллигенция, еще так недавно бывшая совсем далеко от церкви, если не прямо враждебная ей» [Там же].

Редакция «Православного слова» весьма критически относилась к духовной атмосфере в обществах стран Запада в середине XX в. Она оценивала ее как кризисную. Именно так — «Мировой кризис» — называлась передовица одного из номеров журнала «Православное слово» за 1952 г. В ней была представлена попытка общего анализа той ситуации, в которой оказалось человечество к середине XX в. Главной причиной кризиса современного мира руководство Аргентинской епархии Русской православной церкви за границей считало то, что «идеалы, которым служило человечество последние века, потерпели полный крах» [Мировой кризис, с. 1]. «Человечество восстало против обязательно нравственного закона, данного нам в Божественном откровении, — подчеркивали публицисты православного издания. — Мало того, человечество пыталось устранить Бога... Это никогда не удавалось со времен Вавилонской башни» [Там же, с. 2].

Важным центром общественной жизни русского зарубежья в Аргентине был храм Всех Святых, в Земле Русской Просиявших в Итусайнго. Богослужения

по случаю престольных праздников собирали большое количество прихожан, на них присутствовала августейшая покровительница существовавшего при храме «Православного русского очага» великая княгиня Мария Павловна. Эти мероприятия, как отмечалось в русской эмигрантской прессе, были «подлинными, хотя и скромными, церковными торжествами» [Престольный праздник в Итусаинго]. В целом следует отметить, что представители политической и культурной элиты диаспоры стремились сделать все возможное для обеспечения условий нормального функционирования православных приходов. Для большинства представителей русской белой иммиграции неотъемлемым элементом идентичности являлась православная вера.

Однако, как свидетельствуют источники, прихожанами Русской православной церкви становились и многие перемещенные лица, недавно приехавшие из атеистического Советского Союза. Вера нередко помогала этим людям преодолевать все испытания, которые обрушились на них, и они даже сами начинали возводить храмы. Так, в 1952 г. журнал «Православное слово» сообщал об освящении храма Святителя Гермогена, Патриарха Московского в городе Кильмесе (Большой Буэнос-Айрес). Храм был возведен за три месяца «русскими людьми, недавно бежавшими от безбожной коммунистической власти» [В Аргентинской епархии]. Среди подношений новому храму была и частица гроба святителя Гермогена, вывезенная протоиереем Николаем Колчевым из России. «Прихожане могут гордиться теперь своим храмом, — писало «Православное слово. — Что можно сделать при усердии за краткое время!» [Жизнь церкви].

В целом масштабы аргентинской столицы, конечно, создавали большие проблемы для тех россиян, которые хотели посещать православные храмы. Протоиерей Д. Константинов вспоминал: «Буэнос-Айрес — это колоссальный, а с пригородами необъятный город, второй Нью-Йорк в полном смысле. Но если в Нью-Йорке подавляющая часть населения передвигается на собственных автомобилях, то в Аргентине в те времена это было сделать невозможно. Личный, даже подержанный автомобиль доступен был только богатой и зажиточной части населения. Нашим эмигрантским уделом были автобусы, метро и поезда местного следования... Чтобы проехать при этих условиях из какого-нибудь северного пригорода в южный, надо было потратить не менее 2–3 часов. При этих условиях посещать храм, находящийся в другом, далеком от вас секторе города, было более чем нелегко. И тем не менее посещали, и часто я видел в храме людей, живущих весьма далеко от нашего места пребывания» [Константинов, с. 418].

Русские эмигранты в Аргентине жили не только в Буэнос-Айресе и его окрестностях, но и по всей стране. Многие из них не имели возможности общаться с русскими людьми, посещать церковные богослужения, что тяжело переживалось верующими. Руководство Аргентинской епархии Русской православной церкви за границей пыталось решать эту проблему, в том числе путем поездок по различным регионам страны. Так, например, в 1952 г. архиепископ Иоасаф посетил Барилоче, где проводил богослужения и освятил место для постройки храма-часовни, которое было куплено Е. Четвериковой. В свою очередь, настоятель

храма в Барилоче игумен Никодим ездил для совершения богослужений в Чубут, где жило около 30 семей русских крестьян [В Аргентинской епархии]. Подобная практика фактически была регулярной: священнослужителям приходилось преодолевать большие расстояния, чтобы навещать живших в разных уголках Аргентины русских людей.

Следует учитывать, что православным изданиям Аргентины приходилось существовать в очень сложном информационном поле. Наряду с ними на русском языке выпускались и иные религиозные издания, редакции которых составляли представители других конфессий.

Так, в Аргентине действовал Союз славянских церквей евангельских христиан и баптистов евангельско-баптистской конвенции. С 1950 г. он издавал в Буэнос-Айресе журнал «Благовестник», редактором которого был А. Собичевский. Представители данного издания жили также в Бразилии, Канаде, Австралии, Бельгии, Франции.

Конечно, отличительной особенностью этой группы эмигрантов было их особое духовное состояние — напряженное ожидание прихода Спасителя. Об этом очень ярко писала, например, Е. Качинская в опубликованной в «Благовестнике» статье под характерным названием «Крик тревоги». Она отмечала: «Часто слышишь замечания: “Наш век передовой, мы живем в эпоху открытий, изобретений, все совершенствуется, а потому к чему все эти разговоры об опасности будущего?!” Перед последней мировой войной опытные, понимающие люди предупреждали о грядущих военных событиях, но никто не обратил на это внимание, результатом чего явилась гибель миллиона молодых жизней, ибо вспыхнула война и обрушилась на неприготовленные народы, они не предпринимали надлежащих мер против надвигающейся опасности, предпочли закрыть уши, глаза и жить в полной беспечности, и сейчас, дорогие читатели, идет повторение той же истории» [Качинская]. Е. Качинская предостерегала тех русских эмигрантов, которые продолжали «отвергать Христа»: «Сегодня более, чем когда-либо, сатана работает среди человечества, стараясь ослепить и мужчин, и женщин» [Там же]. В этих условиях, указывала она, единственным путем спасения являлся приход ко Христу, под которым Е. Качинская имела в виду, конечно, вступление в ряды евангельских христиан-баптистов.

Русская эмиграция вынуждена была реагировать и на активность католических проповедников. Так, особую известность в Аргентине получил проект делегации иезуитов из «Руссикума» во главе с Филиппом де Режином по созданию еженедельника «За правду!» (органа общества «Русское Христианское Возрождение»), который начал выходить в Буэнос-Айресе с 1948 г. Главным редактором этого издания был А. В. Ставровский, ранее живший в Литве. Как отмечает И. Н. Андрушкевич, еженедельник печатался в небольшой типографии, которая принадлежала организации Ф. де Режица [Андрушкевич, с. 204]. Однако специальный анализ этого, как и ряда других издательских проектов, инициированных представителями различных христианских конфессий Аргентины, должен быть объектом самостоятельного исследования.

Таким образом, православные издания занимали важное место в системе периодической печати русской эмиграции в Аргентине. Данное обстоятельство было связано, прежде всего, с особой ролью, которую играло православие в жизни русского зарубежья. Православная пресса русской эмиграции выполняла различные функции. Она знакомила ту часть эмигрантов, которая только пришла к вере, с основами православия, рассказывала им об особенностях церковной службы, правилах соблюдения постов и т. д. Одновременно она нацеливала верующих на активную деятельность вне храма, надеясь на то, что как на Западе, так и в посткоммунистической России церковь будет занимать значимое место в общественной жизни и многие сферы (политика, культура, экономика и т. д.) будут базироваться на христианских ценностях.

Андрушкевич И. Н. Во вторичной послевоенной эмиграции // Зарубежная Россия XX век : Слепухинские чтения — 2016 : тр. междунар. науч. конф., 13–15 окт. 2016 г. СПб., 2018. С. 190–242.

Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд. СПб., 2008. 468 с.

В Аргентинской епархии // Православное слово (Буэнос-Айрес). 1952. № 14. С. 14.

Жизнь церкви // Православное слово. 1952. № 18. С. 16.

Карташев А. В. Воссоздание Святой Руси. Минск, 2011. 592 с.

Качинская Е. Крик Тревоги // Благовестник (Буэнос-Айрес). 1954. № 3. С. 2–3.

Константинов Д. В., прот. Через туннель XX столетия. М., 1997. 592 с.

Мировой кризис // Православное слово. 1952. № 16. С. 1–3.

Попов А. В. Российское православное зарубежье: история и источники. М., 2005. 619 с. [Передовая статья] // Православное слово. 1952. № 14.

Престольный праздник в Итусаинго // За правду! (Буэнос-Айрес). 1950. № 72. С. 4.

Раев М. И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. 296 с.

Редакция // Православный вестн. (Буэнос-Айрес). 1948. № 1. С. 3.

Романов Г., свящ. День всех Святых, в земле Российской просиявших // Православное слово. 1952. № 14. С. 2–5.

Семенов Г. Православие и наша молодежь // Православное слово. 1952. № 15. С. 6.

Что есть истина? // Православный вестн. 1948. № 1. С. 5–6.

Статья поступила в редакцию 25.03.2023 г.

Научная статья

УДК 821.161.1-3 Лухманова (571.1) + 82.092 + 279.99(571.1)

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.032

ГЕОПОЭТИКА СИБИРИ В ПОВЕСТИ Н. А. ЛУХМАНОВОЙ «БЕЛОКРИНИЦКИЙ АРХИЕРЕЙ АФАНАСИЙ»

Алена Игоревна Першина

Тюменский государственный университет,

Тюмень, Россия,

pershina.alena@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-6434-6364>

А н н о т а ц и я. В статье исследуются особенности геопоэтики раскольничьей Сибири последней трети XIX в., представленные в повести Надежды Александровны Лухмановой «Белокриницкий архиерей Афанасий» (1896). Исследуется взаимосвязь фактуального (история Белокриницкого священства, жизнь раскольников в Сибири) и мифологического (неведомое Беловодье, град Китеж) начал в повести. Впервые в качестве исторического источника привлекаются материалы губернской печати («Тобольские епархиальные ведомости», 1882–1890 гг.), что и позволяет проследить становление творческого замысла писательницы. Выявляется мифопоэтика сибирского города как города-спасения, земли обетованной, Подземного раскольничьего царства, территории инициации. Топос купеческой — раскольничьей — усадьбы репрезентируется через призму геопоэтики «культурного космоса», «тайного/заповедного места» и т. д. В статье рассматривается и «женский вопрос», сопряженный в повести с аксиологией семейных старообрядческих устоев Сибири. Для Лухмановой Сибирь — исток творческой субъективности, рефлексии, основанной на ее «опыте жизни здесь».

К л ю ч е в ы е с л о в а: геопоэтика; региональная литература; мифопоэтика; Н. А. Лухманова; раскольники в Западной Сибири; Белокриницкое священство

**GEOPOETICS OF SIBERIA IN THE STORY OF N. A. LUKHMANOVA
“BELOKRINITSKY ARCHPRIEST ATHANASIOUS”****Alyona I. Pershina***Tyumen State University, Tyumen, Russia,
pershina.alena@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6434-6364>*

Abstract. The article examines the features of the geopoetics of schismatic Siberia in the last third of the nineteenth century, presented in the story of Nadezhda Aleksandrovna Lukhmanova “Belokrinitzsky Archpriest Athanasius” (1896). The author investigates the interrelation of factual (history of Belokrinitzsky priesthood, life of dissenters in Siberia) and mythological principles (unknown Belovodie, hailstones of Kitezh) in the story. For the first time the materials provincial press are considered as a historical source (“Tobolsk diocesan Gazette” 1880–1890.), Which also allows to trace formation of the creative idea of the writer. The mythopoetics of the Siberian city as a city of salvation, the Promised Land, the Underground realm of dissenters, the territory of initiation is revealed. The topos of a merchant’s — schismatic — mansion is represented through the prism of geopoetics of “cultural space”, “secret / reserve place”, etc. The article also considers the “women’s question”, which in this story is connected in the story to the axiology of the old-believers’ family foundations of Siberia. For Lukhmanova, Siberia is the source of creative subjectivity, a reflection based on her “experience of living here”.

Key words: geopoetics; regional literature; mythopoetics; N. A. Lukhmanova; schismatics in Western Siberia; Belokrinitzsky priesthood

Надежда Александровна Лухманова — известная петербургская писательница рубежа XIX–XX вв., публицист (была редактором-издателем журнала «Возрождение»), отстаивающий в том числе права женщины (известна статья В. Розанова «Женщина перед великою задачей», обращенная к Лухмановой [Розанов]), военный корреспондент (отправилась сестрой милосердия на фронт во время Русско-японской войны). Опыт жизни в Сибири (писательница жила в Тюмени с 1880 по 1885 г., будучи женой тюменского инженера А. Ф. Колмогорова) стал основой «Очерков из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой, состоящих из нескольких произведений («В глухих местах», «Кержаки в тайге», «Белокриницкий архиерей Афанасий») [Беспалова, с. 142].

В повести Н. А. Лухмановой во всем своем своеобразии явлено пространство Сибири: тайная жизнь старообрядцев, поэтика бытового поведения купечества, перипетии судеб скрывающихся в сибирских лесах беглых каторжников, природа сибирского ландшафта.

Главный герой повести именуется Белокриницким по названию Белой Криницы, мирового центра русского старообрядчества, «страны “всеблагного” рая», где беглый солдат Афанасий обретает сан священника. Белая Криница в повести

отнюдь не вымышленный локус. Лухманова, следуя очерковым принципам изображения действительности, отражает подлинные факты истории старообрядческого движения.

Так, согласно трехчинной церковной иерархии посвящать новых священнослужителей в сан может лишь епископ, однако последний архиерей старообрядцев Павел умер в 1656 г., а найти епископов, готовых перейти в староверие, не удавалось. Тогда «...на московском соборе старообрядцев-поповцев было принято решение об организации епископской кафедры за границей. В 1846 г. в старообрядческую церковь был принят боснийский митрополит Амвросий и учреждена Австрийская, или Белокриницкая, иерархия» [Канатьева, с. 67–68].

Белая Криница как духовный центр русского старообрядчества имела большое значение и для сибирских староверов, о чем свидетельствует повесть Н. Лухмановой. Родившийся в семье старообрядцев герой повести Афанасий «вырос на стихах о Белой Кринице. Качая его в зыбке, мать, суровая староверка, пела: “Только есть одна надежда — / Моя вера во Христа. / Сия вера и надежда / Много грешников спасла, / В покаянье, во спасенье / В Белу Криницу свела. / Возвещает нам писанье, / Где прекрасные места, / Белой Криницы доброту / Всеблаженного рая”» [Лухманова, с. 212]. Обратим внимание на историческую подлинность приведенных строк. Н. А. Лухманова сопровождает их следующим замечанием: «Отрывок этот записан мной дословно из подлинного песнопения старообрядцев Иркутской губернии» [Там же]. Опыт жизни в Сибири обуславливает геопоэтику слова о ней.

В сознании староверов Белая Криница приобретает черты мифологической страны, несущей просветление и спасение; зная об этом, Афанасий, как показывает Лухманова, объявляет себя Белокриницким архиереем и становится желанным гостем в каждом старообрядческом доме. Так, основываясь на истории подлинно существующего Белокриницкого священства, Лухманова воплощает авторскую интенцию — создает свою историю о пребывании в Западной Сибири Белокриницкого лжеархиерея.

В этом ключе нам кажется важным отметить предпосланное «Очеркам из жизни в Сибири» замечание Лухмановой: «Из личных воспоминаний автора, пробывшего 5 лет в “глухих местах”». И действительно, основой сибирских текстов Лухмановой становятся ее личные наблюдения: события, свидетелем или участником которых была сама писательница, городские и семейные легенды, рассказанные ей сибиряками. Повесть «Белокриницкий архиерей Афанасий», на наш взгляд, создается по той же модели.

Будучи светским, образованным человеком, проявляющим интерес к журналистике (по возвращении в Санкт-Петербург Лухманова сама много работает как публицист), писательница во время своего пребывания в Тобольской губернии, как подчеркивает ее биограф Колмогоров, не могла не читать местную прессу. В этот период, помимо известных широкому кругу лиц «Тобольских губернских ведомостей» (1857–1918), выходили и «Тобольские епархиальные ведомости» (1882–1919). Данное издание «являлось своего рода литературно-исторической

летописью духовной жизни края» [Томилов, с. 145] и на протяжении почти 40 лет выступало ведущим печатным органом губернии. Инициатором создания «Ведомостей» был протоиерей П. Д. Головин, считавший издание газеты важным просветительским и научным делом. Редакция газеты объединяла образованных людей Тобольской губернии, трудами которых «Ведомости» наполнялись материалами, посвященными различным сферам жизни Западной Сибири. Как свидетельствует современный исследователь А. А. Валитов, «Тобольские епархиальные ведомости» (далее в ссылках — ТЕВ) представляют особую ценность как «богатый источник знаний: они не только отражают духовную жизнь губернии, но и содержат сведения по истории, культуре, этнографии края» [Валитов, с. 414].

Официальное издание Тобольской и Сибирской епархии выходило дважды в месяц и содержало два раздела: «Отдел официальный», где публиковались Определения Святейшего синода и известия местной епархии, и «Отдел неофициальный», большую часть которого занимали статьи на религиозную тематику.

Неофициальную часть выпуска № 14 от 16 июля 1882 г. открывает статья «Старообрядческая иерархия в Сибири». Автор материала — Иоанн Яковлевич Сырцов, преподаватель истории русского раскола в Тобольской духовной семинарии (с 1878 по 1882 г.), известный и за пределами губернии многочисленными историческими публикациями.

Так, И. Я. Сырцов является автором более ста работ, посвященных не только истории Церкви, но и изучению Соловецкого монастыря, побережья Белого моря, Костромского и Вятского края. Одной из наиболее выдающихся заслуг автора является предложенная им в работе «Современное состояние раскола в Тобольской епархии» классификация старообрядческих согласий и толков Тобольской губернии, принятая за основу современными учеными [Малахова, с. 137].

Статья И. Я. Сырцова «Старообрядческая иерархия в Сибири» посвящена истории становления Австрийской иерархии (она же — Белокриницкая, старообрядческая), истоком которой служит посвящение упомянутого ранее отставного греческого митрополита Амвросия в сан «Белокриницкого и всех православных христиан митрополита» (ТЕВ. 1882. № 14. С. 275). Утверждение новоиспеченной иерархии происходило за счет появления в России епископов того же австрийского поставления. Так, в 1862 г. московским епископом Антонием Шустовым была открыта Тобольская епархия. «Ведение сибирской церковью было поручено Савватию», крестьянину, ставшему после получения вольной купцом. Будучи рукоположенным саратовским старообрядческим епископом Афанасием в иеромонахи, Савватий разъезжал по Сибири, проповедуя старообрядцам. Как отмечает Сырцов, «в это время у него (Савватия) и зародилась честолюбивая мысль сделаться сибирским епископом» (Там же, с. 282).

Центральным эпизодом материала следующего номера газеты становится посещение Савватием дома тюменской купчихи Натальи Егоровны Проскуряковой. Об этом под величайшим секретом было сообщено всем тюменским старообрядцам, однако о приезде старообрядческого владыки австрийского поставления Савватия узнал тюменский городничий. В ночь богослужения «дом

Проскуряковой был окружен». Когда городничий вошел в дом, Савватий босой, в одной сорочке бросился из дома через окно и «скрылся неизвестно куда» (ТЕВ. 1882. № 15. С. 294).

Собранные воедино эпизоды опубликованных в «Тобольских епархиальных ведомостях» материалов соотносятся с сюжетом повести Н. А. Лухмановой «Белокриницкий архиерей Афанасий»: человек низкого социального статуса, но ловкий и находчивый становится сначала купцом, затем, осознав выгоду быть священнослужителем, — архиереем Белокриницким. Получив приглашение в дом сибирской купчихи с целью проведения богослужения, он оказывается почти пойманным властями, однако ему удается уйти от преследования. Добавим, что Савватию, как и герою повести, также ненадолго пришлось испытать тюремное заключение.

Так, фактуальное начало, художественно осмысленное Н. А. Лухмановой, находит свое воплощение в фикциональном мире повести. Писательница опирается на документальные сведения, домысливает их, «сплавляя» с личными впечатлениями и рассказами очевидцев, выстраивает новый сюжет, создает уникальный образ места.

Ключевым отличием истории литературного архиерея Афанасия от реального Савватия является то, что последний после побега продолжил священнослужение и удерживал свой титул до конца 1882 г. Сюжет повести, несомненно, отражает прежде всего авторскую концепцию духовного возрождения героя: «Отныне возьмет он посох в руки, пещур надвинет на рамена и как странник пойдет в широкий мир Божий <...> страстной проповедью слова Божьего смоем он грех свой» [Лухманова, с. 277]. Так завершается история лжеархиерея в художественном мире Лухмановой. Сибирь становится землей «слова Божьего». В конце повести динамику действия сменяет описание внутреннего состояния персонажа: в ходе происходящих с Афанасием событий изменяется не только положение героя, поскольку он обретает новый статус, отказываясь от сана архиерея, но и его вера, ценностные ориентиры. Герой проходит обряд инициации, и для Лухмановой важно, что процесс воскресения души Афанасия осуществляется в Сибири.

Сюжетная интенция Лухмановой опирается на устойчивую мифологию края. Завершающий 1882 г. выпуск «Ведомостей» (№ 23/24 от 1 и 16 декабря 1882 г.) содержит статью неизвестного автора (предположительно, редактора выпуска протоиерея Петра Головина) «300-летие Сибири», посвященную не только истории развития края, но и анализу его мифологической образности: «Можно было бы думать, что Сибирь, заселенная, по большей части, людьми, отверженными своей братией, есть вместе с тем страна, отверженная и от лица Божьего, — что если есть где в подземных местах ад, то непременно под территорией Сибири, готовой всегда быть поглощенной как место беззакония, греха и проклятия» (ТЕВ. 1882. № 23/24. С. 473). Вместе с тем в статье отражен и антагонистичный миф о Сибири: «Такие люди — ссыльные Сибири — не могли не благословлять ее как место второй родины, приютившей их и давшей возможность им — падшим, подняться, встать на ноги, видеть свет Божий... Значит, Сибирь была и есть для

них не столько место кары в строгом смысле, сколько место исправления, обновления и т. п.» (Там же, с. 471).

Как представляется, Н. А. Лухманова берет за основу не только исторические факты (сюжеты), но и акцентные, ключевые слова публикаций, они часто и становятся структурообразующими мотивами произведений писательницы: приведенные фрагменты во многом определяют геопоэтику пространства Сибири, создаваемую Лухмановой в повести «Белокриницкий архиерей Афанасий». С одной стороны, Сибирь в произведении предстает как ад, страна «мертвых»: «За лесом шла глухая тайга, и, когда сильный ветер бушевал в ней, она колотилась своими обледенелыми иглами и выла протяжно, долго, как стая голодных волков» [Лухманова, с. 54]. Сибирь как страна смерти не только метафора. Так, в романе Лухмановой «В глухих местах» Фелицата не находит сил избавиться от греховной любви и отдает Богу душу, засыпая и замерзая в сибирской тайге; поборник старой веры Самсон Силыч, нарушая традицию, выходит из скрыни и из ревности убивает свою невестку, за что вернувшийся домой сын заживо заколачивает отца-преступника в скрыне. Варнаки жестоко убивают еврейскую семью. Рождается мертвым ребенок Варвары (очерк «Кержаки в тайге»), вслед за ним из жизни уходит и она сама.

И в то же время при всей своей суровости земля Сибири чрезвычайно живописна, изобилует прекрасной растительностью и действительно благословляется живущими здесь как место второй родины, истинного приюта: «Там, в тайге, бегут ручьи студенья, а в них муксун да сазан полощутся, нырок кувыркается. Там мох, что твоя перина пуховая, а уж птичьих песен, звездных ночей, зорек розовых, гроз громовых — этого языком не передать сибирскому бродяге, а только все это лелеет его душу и неудержимо тянет к себе» [Там же, с. 28]. Обратим внимание на особое слово Лухмановой, геопоэтика сибирской земли создается писательницей на основе фольклорных элементов — устойчивых выражений, стилевых формул, напевности речитатива.

Данные наблюдения важны и в контексте закрепившейся в русской литературе мифологии Сибири — земли ссылки, с одной стороны, и «всеблаженного рая» — с другой, и с точки зрения воплощаемого в повести «Белокриницкий архиерей Афанасий» мотива инициации. Лухманова одной из первых в русской литературе воплощает конфликт двух мифов о Сибири.

Как отмечает В. И. Тюпа, «уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [Тюпа, 2002, с. 28]. Корневой мифологемой сибирского текста русской культуры, по мнению исследователя, является лиминальное пространство инициации [Тюпа, 2011, с. 122]. Эта сюжетная особенность, как видим, и разрабатывалась Н. А. Лухмановой в сибирской прозе 1890-х гг.

Так, мотив духовной инициации становится ключевым в формировании образа Афанасия: он «что клубень перекати-поле, что ком снежный, рос и богател»,

наживаясь на старообрядческой вере. Однако «побег из тюрьмы, страх задохнуться при спуске в ужасную яму, близость отвратительной смерти и захватывающая радость света, жизни и свободы повлияли на душу и ум Афанасия» [Лухманова, с. 229]. Спасаясь от преследования, Афанасий убегает через подполье: «Помещение освещалось рядом лампад, горели свечи, лежали священные книги, блестели ризы, строго и пристально глядели на него большие очи. Невольно он сделал шаг вперед и рассмотрел потемневший лик Богородицы на старинной иконе» [Там же, с. 270]. Взгляд Богородицы (старинная икона — заветный символ старообрядчества) заставляет героя задуматься о своем пути, осознание несправедливости жизни меняет Афанасия: «отпала от него гордыня, ложь, и страстно хотелось ему отстрадать и очиститься» [Там же, с. 277].

Другим примером проявления силы истинной веры служит сцена кончины скитской старицы Манефы: «Манефе перевалило за девяносто, и по ее расчету как бы и совсем выходило время помирать. Перед людьми зазорно стало, три раза она уж и под иконы ложилась, посмертную одежду одевала... ну совсем, совсем помирать Манефа стала, да заснула, лукавый сманил ее, так она смерть и прокараулила. Проснулась, глядит — жива, полежала, есть запросила. Срамота!» [Там же, с. 235]. Ироничный тон повествования в данном случае становится художественным средством узрения сакрального. Манефа не может уйти в мир иной и воспринимает это как грех, отпустить который смог только архиерей Афанасий: не успел он въехать во двор, как старица отошла в вечность. Староверы восприняли это событие как святое чудо: «Воистину он архиерей, поставленный самим Богом, коли власть имел разрешить ее душу. Пять лет ведь помирала и все отойти не могла, слышала? “Разрешил”, говорит, и померла» [Там же, с. 236]. Ирония заостряет вечное, подчеркивает ревностное служение старообрядцев вере отцов. В раскольничьем доме, в святом пространстве, происходит святая смерть, ознаменованная приездом архиерея, которого истинные раскольники почитают как чудотворца.

Вместе с тем Лухманова через «жизненные ситуации» и «размышления» героев решает важные, в том числе и для нее самой, духовно-нравственные вопросы. Так, Лухманова первой среди авторов сибирского текста соединяет мотивы, связанные с геомифологией Сибири, с лейтмотивом всего своего творчества — «женским вопросом».

Можно отметить, что история Натальи Балашовской, в девичестве Угрюмовой, девушки из старообрядческой семьи, обвенчанной по любви «в чужой церкви с чужанином» (исповедующим «новой веру»), раскрывает тему «неугодного», с точки зрения религиозного канона, брака и одновременно отсылает к биографии самой писательницы. Во время обучения в московском пансионе Наталья стала посещать православную церковь и обвенчалась с представителем новой веры вопреки воле отца. Заметим, что эта история раскрывает противостояние старой и новой веры, обычаев отцов и устоев официальной церкви. При этом автор наделяет героиню и фактом своей биографии — обучение в закрытом женском учебном заведении (Институте благородных девиц).

Личная история Надежды Александровны драматична: развод с А. Д. Лухмановым сопровождается судебным процессом, в результате которого брак расторгается по причине доказанной неверности Лухмановой. И решением епархиального управления 1872 г. писательнице навсегда запрещается вступать в законный брак [Колмогоров, с. 44]. С этих пор на семейной жизни Лухмановой (сначала с капитаном В. М. Адамовичем, затем — с инженером-сибиряком А. Ф. Колмогоровым) — клеймо греховности. Тем сложнее было Лухмановой влиться в набожную старообрядческую семью тюменского купца. Проблема «неправедного» брака и осмысливается писательницей на страницах повести «Белокриницкий архиерей Афанасий».

Геопоэтика сибирской усадьбы в творчестве Лухмановой восходит и к образу «усадебной девушки», но не дворянки, как в русском «усадебном мифе», а купеческой дочери-раскольницы. Конфликт «старой» и «новой» веры в этом случае оказывается особенно художественно продуктивным. Так, Наталья стремится обрести личное счастье вопреки старообрядческим заветам отцов (аналогичную сюжетную линию находим и в очерке Н. А. Лухмановой «Кержаки в тайге») и соглашается на православный брак: «Есть такая сила во мне, что не боится ни глада, ни хлада, ни темницы, ни мук, такая сила, что все мне в радость творит и до последнего издыхания надежду дает мне» [Лухманова, с. 223]. В Наталье, по Лухмановой, «говорит» сила сибирской земли. Этот посыл соотносится с идеями писательницы, которые она раскрывает во многих своих произведениях, как художественных («Непоправимое», «Жизненный кризис», «Правда» и др.), так и публицистических («Черты общественной жизни», «Спутник женщины», «Причины вечной распри между мужчиной и женщиной» и др.) [Левицкая, с. 212]. Лухмановой важно утвердить право женщины на свободу выбора, в том числе выбора своей судьбы, личного счастья.

В повести раскрываются два женских образа: антагонистом Натальи Балашовской выступает Устинья Евграфовна Ситникова, ярая приверженица духовно-нравственных устоев старообрядческой веры. Отметим, у каждой героини «своя» правда, и Лухманова не оказывает предпочтения какой-то одной из них. Противоречия Наталье, Устинья называет любовь «плотской пагубной страстью», совращением дьявола и потому придерживается принципа духовной и телесной чистоты: «Взгляни на меня, я сохранила девственность, ни один мужчина не прикасался ко мне, и девственность — сила моя» [Лухманова, с. 224]. Устинья — истинный образ «невесты Христовой», хранительницы веры отцов. Исследуя образ Устиньи, обратимся вновь к «Тобольским епархиальным ведомостям». В выпуске № 7 от 1 апреля 1882 г. была опубликована статья И. Я. Сырцова «Сибирские “квакеры” в XVIII в.» о старообрядческой секте, основанной на «вере в возможность для человека всецело соединиться с Божеством, даже во время земной жизни» (ТЕВ. 1882. № 7. С. 135). Наставники квакеров, Родион Сажин и Авдотья Васильева, требовали от единоверцев девственной жизни: «...состоявшим в супружестве советовали оставить сожитие, холостым парням не велели жениться, а девиц старались удержать от замужества» (Там же); брак и брачное ложе считали грехом.

Предположим, что истоки мировоззрения Устиньи Ситниковой, героини повести Лухмановой, кроются если не в «квакеровской», то в близкой ей старообрядческой идеологии.

В образе Устиньи мы также обнаруживаем черты, типологически сближающие ее с Белокрыницким Афанасием (и речь не только о предполагаемых прототипах). Подобно лжеархиерею, путь духовной инициации проходит и Устинья Ситникова. Разговор с Натальей Балашовской рождает смуту в душе героини: «...ее (Натальи) страстная защита прав женщины на любовь и материнство проникли в бесстрастную душу девушки», «впервой шибко билось сердце ее, и вместо определенных, раз установленных правил и взглядов, в уме ее рождались сомнения и вопросы» [Лухманова, с. 266].

Образы Устиньи и Афанасия связаны с важной для творчества Лухмановой темой русского раскола: именно в доме Ситниковой правит службу архиерей (как это делал и его прототип, епископ Савватий, в доме тюменской купчихи Проскуряковой). И хотя в «Очерках из жизни Сибири» представители старообрядческой веры неоднократно подвергаются преследованию, но только в повести «Белокрыницкий архиерей Афанасий» это происходит во время «общего сбора» прихожан. Раскольничий сбор был под запретом (староверы могли править службу в домашней молельне, но коллективные службы были недопустимы, как и приглашение архиерея), вероятно, по этой причине Лухманова прибегает в тексте к шифровке места действия. «В глухих местах» (роман Н. А. Лухмановой) сокращение «Т-нь» легко соотносится с городом Тюменью, а фамилия купца Круторогова ассоциативно связана с фамилией его прототипа Колмогорова (свекра писательницы). Тюмень — единственный город в Сибири, в котором была Лухманова. Тем не менее в «Очерках» местом действия становятся и другие территории Сибири: в очерке «Кержаки в тайге» события происходят в «Том-м округе» (Томск), в рассматриваемой повести — в «К-ске» (Красноярск). Лухманова таким образом словно присваивает Тюмени литературные псевдонимы, проецирует Тюмень как прообраз на прочие локусы, геопоэтически расширяет пределы Западной Сибири. Используемый Лухмановой топонимический шифр превращается не только в языковую игру, но в политическую тайнопись гонимых раскольников.

Раскольничий мир, воссозданный на страницах повести, и его центры — сибирские города — покрыты ореолом тайны, что и передает поэтика «тайного» места: скрытые молельни и часовни, закрытый характер жизни самих старообрядцев и тайная сеть подземных путей спасения, ведущих из раскольничьих домов. Лухманова создает мифопоэтический образ града Китежа, воплощенного в образе Подземного царства.

Данный мифологический пространственный образ, действительно, был особенно востребован приверженцами старой веры. Китеж-град, ушедший под воду, чудесно спасся таким образом от завоевателей во время татаро-монгольского нашествия, и потому воспринимался раскольниками как «сокровенное место», «благочестивое царство», где можно спастись от несправедливости, бесчестия

и гонения [Мелетинский, с. 287]. Именно Сибирь стала для староверов проекцией града-Китежа: сакральным местом, землей обетованной.

В связи с этим в «Очерках» Лухмановой реализуется мотив сокрытия в подземном мире. Убегает в город через «повалушу», проходящую под кухней крутоговерского дома, дьякон Савка; спускаются в скрину старообрядцы Глазовы; спасается через подземные коридоры ситниковской усадьбы архиерей Афанасий. Для раскольников Сибирь — это и Подземный рай. Есть предположение, что до сих пор под Тюменью — множество подземных ходов, особенно в исторической части города, где располагались дома купцов-старообрядцев.

Показателен в этом отношении дом купцов Ситниковых, напоминающий своим устройством тайный город: «Только сами хозяева хорошо знали свои горницы и уюты, всякий другой человек спутался бы там, как в лабиринте... из всякой комнаты, из каждого уголка был свой явный или тайный выход» [Лухманова, с. 237].

К невидимому граду Китежу восходит и другой геомифологический локус — Беловодье, легендарная страна свободы, где живут чистые душой праведники. Беловодье было местом притяжения старообрядцев, несущим просветление и спасение. Семантика Беловодья отсылает к реальному пространственному образу — Белой Кринице, ставшей для староверов центром сохранения веры. Как отмечает В. А. Савинцев, свое название село Белая Криница получило от родника, «вода которого, вследствие особенностей почвы, имела белый цвет» [Савинцев, с. 221]; религиозно-историческое место — Белая Криница — не только на уровне мифопоэтики, но и лексически представляет собой Беловодье, и тем показательнее выбор Н. Лухмановой в качестве отправной точки сюжета повести «Белокриницкий архиерей Афанасий» этого локуса. Отметим литературный потенциал мифологического Беловодья, образ которого раскрывается не только в народной культуре (преданиях), но и в отечественной прозе.

Легенда о Беловодье получает репрезентацию в русской литературе XIX в.: произведения И. П. Мельникова-Печерского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Г. Короленко, М. М. Пришвина. С описания этой легендарной страны начинаются «Алые сугробы» В. Я. Шишкова: «Есть на свете такая диковинная страна, называется она — Беловодье. И в песнях про нее поется, и в сказках сказывается. В Сибири она, за Сибирью ли или еще где-то. Сквозь надо пройти степи, горы, вековечную тайгу, все на восход, к солнцу, путь свой править, и, если счастье от рождения тебе дадено, увидишь Беловодье самолично» [Шишков, с. 447]. Отсутствие указания на точное местоположение Беловодья отражает поистине скрытый и тайный характер его геопоэтики, что подчеркивается и многочисленными интерпретациями его поисков.

В «Путешественнике Марка Топозерского» (рукописное повествование беспоповского инок Марка из Топозерского монастыря Архангельской губернии) путь в Беловодье пролегает «от Москвы на Казань, от Казани до Екатеринбурга и на Тюмень...» [Чистов, с. 135]. Конечный пункт, по разным источникам, находится на Алтае, Крайнем Севере, в Поморье, Китае. Так или иначе, путь в Беловодье

пролегал через Сибирь — и старообрядцы тянулись в эти «глухие места», чтобы если не найти, то хотя бы возвести здесь легендарный «рай на земле». Непроходимые сибирские леса становились убежищем, где скрывались хранители старой веры: «Сидит отец Афанасий, глядит кругом в лес и думает: сколько в этих самых лесных дебрях людей скрывается, сколько сходцев, сколько старцев под прикрытием здесь, в сокровенных лесах, доживает век свой, славословя Господа, ревниво оберегая себя от соблазна мирского. Одно солнце красное, один ветер разгульный видит и знает их...» [Лухманова, с. 203].

Геопоэтический образ Беловодья, града Китежа проецируется не только на тайгу, но и на купеческий дом — закрытую, обособленную территорию, доступ к которой открыт только посвященным. «Вся эта Ситниковская слободка окружалась со всех сторон высоким оплотом, с вечно запертыми на железный засов воротами, с калиткой, от которой денно и ночью не отходили сменные караульные из татар» [Там же, с. 205].

В описании усадьбы Ситниковых прослеживается конфликт традиционного обустройства сибирского купеческого дома и характерных для старообрядческих домов особенностей. Топика сибирской усадьбы («тяжелая мебель красного дерева», «дорогие персидские ковры», «золоченая аглицкая посуда») дополняется образом «усадьбы-оранжереи» («цветущие олеандры», «китайские розы», «огород, заросший кустами малины, красной смородины»), «гнезда» (здесь «останавливались старицы, уставщицы разных монастырей, а то и так, просто свои»), «молельни». Последняя характеристика становится в повести ведущей, что обусловлено основным событием — «служением преосвященного архиерея Афанасия». Лухманова неоднократно подчеркивает торжественное убранство дома, его сакральный ландшафт: «картины божественного содержания», «образа старинного письма», «лампады». Во время служения молельня приобретает праздничный вид: «иконы древнего письма в низанных жемчугом ризах», «большое паникадило», «аналой, покрытый белым атласом с нашитыми на каждой стороне осьмиконечными крестами алого шелка» [Там же, с. 252].

Праведное убранство усадьбы не всегда соотносится с благочестивостью мыслей и поступков некоторых героев. На самом служении брат Устиньи — Степан — «со своей напомаженной головой и опущенными глазами казался воплощением смиренства, а дума у Степочки была одна: удрать бы теперь да подкараулить Фенюшку» [Там же, с. 239]. Противоречит моральным нормам и удержание силой в ситниковской усадьбе Натальи Балашовской (раскольничья усадьба-крепость, тюрьма). Праведный образ жизни Ситниковых сопряжен и с изломом раскольничьей линии, темой отступничества. Взгляд «изнутри» на жизнь старообрядцев репрезентируется Н. Лухмановой на основе собственной жизни в раскольничьем доме Колмогоровых.

Таким образом, повесть «Белокриницкий архиерей Афанасий» Н. А. Лухмановой представляет собой особый геопоэтический нарратив: переплетение мифологических мотивов (Белая Криница, град Китеж), «опыта жизни» в Сибири писательницы и «правды факта» (местные предания, материалы «Тобольских

епархиальных ведомостей» и др.). В повести «Белокриницкий архиерей Афанасий» формируется особый геопоэтический локус раскольничьей Сибири, сопряженный с мотивами «сокрытия», «тайны», воплощенных в пространственном образе Подземного царства. Как сам город Тюмень, так и Сибирь в целом предстают в прозе Лухмановой «страной всеобщего рая», дарующей раскольникам возможность сохранить свою веру. Особенностью повести «Белокриницкий архиерей Афанасий» является обращение Лухмановой к важной для ее творчества «женской» теме через призму духовных исканий героинь повести: впервые вопрос женской судьбы раскрывается через образ девушки-раскольницы. Обращение к историческим источникам позволило определить особенности геопоэтики сибирской прозы Н. А. Лухмановой, заключающиеся в создании фикционального мира на основе фактуального материала и личного переживания места.

300-летие Сибири // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. Вып. 23/24, 1 дек., 16 дек. С. 467–475.

Беспалова Л. Г., Беспалова Ю. М. Тюменский край и писатели XVII–XIX веков. Екатеринбург, 1998. 464 с.

Валитов А. А. «Тобольские епархиальные ведомости» как источник по истории Западной Сибири // Вестн. Оренбург. духовной семинарии. 2015. № 2 (4). С. 407–416.

Канатьева Н. С. Маргинализация старообрядчества к середине XIX века: происхождение Белокриницкой иерархии // Наследие веков. 2019. № 4. С. 66–72.

Колмогоров А. Г. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой. М., 2013. 464 с.

Левицкая Т. В. Творческий путь Н. А. Лухмановой: 1841–1907 : дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 292 с.

Лухманова Н. А. Очерки из жизни в Сибири // Лухманова Н. А. Избр. произв. / сост. Ю. Л. Мандрики ; предисл. К. Я. Лагунова, примеч. Н. Ф. Швейбельман. Тюмень, 1997. 464 с.

Малахова И. В. Протоиерей Иоанн Сырцов — историк Соловецкого монастыря. Материалы к биографии // Румянцевские чтения — 2018 : Библиотеки и музеи как культурные и научные центры: историческая ретроспектива и взгляд в будущее. М., 2018. С. 134–139.

Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990. 672 с.

Розанов В. В. Женщина перед великою задачею // Религия и культура. М., 1990. 235 с.

Савиццев В. А. Митрополит Амвросий и складывание старообрядческой иерархии // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2017. С. 219–224.

Сибирские «квакеры» в XVIII веке // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. Вып. 15, 1 авг. С. 134–144.

Старообрядческая иерархия в Сибири // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. Вып. 14, 16 июля. С. 271–283.

Старообрядческая иерархия в Сибири // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. Вып. 15, 1 авг. С. 291–299.

Томилов И. С. Русская православная церковь и законодательная политика самодержавия на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» в конце XIX – начале XX в. // Вестн. Тюм. гос. ун-та. 2016. № 408. С. 145–152.

Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сиб. филол. журн. (Новосибирск). 2002. № 1. С. 27–35.

Тюпа В. И. Мифопоэтика сопряжения художника и жизни // Новый филол. вестн, 2011. № 3(18). С. 122–135.

Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Тр. Карел. филиала Акад. наук СССР (Петрозаводск). 1962. Вып. 35 : Вопр. литературы и народного творчества. С. 116–181.

Шшиков В. Я. Алые сугробы. Л., 1990. 510 с.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023

Научная статья

УДК 821.161.1-6 Герцен + 94(44)“1848” + 930.2 + 101.9

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.033

ИЮНЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1848 г. В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А. И. ГЕРЦЕНА

Эльвира Ингелевна Гарифуллина

*Московский государственный областной университет,
Мытищи, Россия,
elvira.i.12345@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0000-1605-6250>*

А н н о т а ц и я. Статья посвящена отражению событий 23–26 июня 1848 г. в десятом письме цикла «Письма из Франции и Италии» А. И. Герцена и двух его частных письмах. Целью исследования является установление ключевых черт эпистолярного стиля литератора, а также наблюдение трансформации его рассуждений при переходе от одной словесной формы к другой. С учетом поставленной цели наиболее обоснованным представляется сравнительно-сопоставительный метод в контексте хронологического подхода. Проводится компаративный анализ данных источников, выявляется их структурное и содержательное сходство, анализируются стилистические и композиционные особенности. Результатом проделанной работы стала экспликация относительно стабильной эпистолярной манеры Герцена, определение ее основных характеристик. Сделан вывод о вспомогательной роли частной корреспонденции писателя при создании открытого цикла «Письма из Франции и Италии».

К л ю ч е в ы е с л о в а: А. И. Герцен; эпистолярный; «Письма из Франции и Италии»; Июньское восстание 1848 г.; западник; письмо; 1848 год

THE JUNE DAYS UPRISING IN THE EPISTOLARY HERITAGE OF A. I. HERZEN

Elvira I. Garifullina

*Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia,
elvira.i.12345@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0000-1605-6250>*

Abstract. The article is devoted to the reflection of the events of June 23–26, 1848 in the 10th letter of the cycle “Letters from France and Italy” by A. I. Herzen and two of his private letters. The aim of the study is to establish the key features of the writer’s epistolary style, as well as to observe the transformation of his reasoning

© Гарифуллина Э. И., 2023

during the transition from one verbal form to another. Taking into account the goal, the author considered a comparative method to be the most reasonable in the context of the chronological approach. A comparative analysis of these sources has been carried out, their structural and content similarity has been revealed, stylistic and compositional features has been analyzed. The result of the work done was the explication of the relatively stable epistolary manner of Herzen, the definition of its main characteristics. In addition, a conclusion was made about the auxiliary role of the writer's private correspondence in the creation of the open cycle "Letters from Italy and France".

К e y w o r d s: A. I. Herzen; epistolary; "Letters from France and Italy"; June uprising 1848; Westerner; letter; 1848

Являясь одной из наиболее влиятельных фигур в русской общественной мысли XIX в., Александр Иванович Герцен в то же время отражал в своем мировоззрении наиболее распространенную на тот момент в среде русского дворянства тенденцию: как и вся современная ему русская интеллигенция, он желал преобразований для России — и корни, истоки, образцы их виделись литератору в европейских событиях середины XIX в. Данными аксиологическими установками, а также активной общественной позицией писателя объясняется его внимание к Французской революции 1848 года — одному из ключевых периодов обширного политического процесса, позже названного в исторической науке «Весной народов». Вызывает интерес преломление данной части реальности в сознании Герцена и ее отражение в его эпистолярном и литературном творчестве.

Наибольшее количество комментариев относительно происходящего в Париже в 1848 г. Герцен оставил в личной переписке, а также в открытом цикле «Письма из Франции и Италии». Основанием для сближения данного цикла с личными письмами Герцена служит факт создания «Писем из Франции и Италии» в ходе путешествия и хронологические особенности написания: каждое письмо имеет собственную дату и место написания. Благодаря такому принципу создания «Письма...» отличаются более искренним в сравнении с художественной литературой характером, непосредственностью отраженных в них впечатлений. Научную ценность представляет выявление сходств и различий двух данных форм изложения писателем его впечатлений и рефлексии по этому поводу, а также наблюдение трансформации мысли литератора при переходе от одной словесной формы к другой. Точкой наибольшего тематического сближения данных корпусов текстов является Июньское восстание 1848 г., мысли о котором содержатся в десятом письме цикла, датированном 1 сентября, и в двух частных письмах Герцена (от 2–8 августа и 6 сентября 1848 г.), адресованных московским друзьям. Следует отметить, что данное адресование в корреспонденции Герцена встречается нередко, и представляется правдоподобным, что это каждый раз один и тот же определенный круг московских знакомых писателя. Несмотря на отсутствие в собраниях сочинений и писем Герцена формальных уточнений о лицах, входящих в этот круг, по анализу текста писем они устанавливаются вполне определенно:

Е. Ф. и М. Ф. Корш, Т. Н. Грановский, Н. Х. Кетчер, К. Д. Кавелин и некоторые другие знакомые Герцена. Ориентированность таких писем на определенную аудиторию выступает в качестве добавочного основания для сближения их с открытым циклом «Письма из Франции и Италии». Таким образом, компаративный анализ данных источников на предмет развития рассуждений писателя и формирования его позиции представляет особый интерес. При рассмотрении текстов выглядит обоснованным хронологический подход. Кроме того, следует уделить внимание стилистическим, структурным и прочим особенностям эпистолярных текстов литератора.

Типично, что первичная сумбурная рефлексия относительно внешнего повода чаще всего высказывается писателями в частной переписке и лишь со временем, приобретая более четкие грани, помещается в художественные произведения — так произошло и в данном случае. Однако личное письмо было составлено не сразу после описываемых событий, а лишь через полтора месяца, что деактуализирует тезис о непосредственности изложенных в нем впечатлений и дает основания сблизить его с литературным источником. А написанное тремя неделями позже открытое десятое «Письмо...», в свою очередь, обладает некоторыми стилистическими особенностями, характерными для личного письма. Отмеченные детали являются дополнительным мотивом для соотнесения данных источников.

Факт отсутствия в корпусе частной корреспонденции Герцена за первую половину 1848 г. комментариев относительно парижских событий¹ сполна компенсируется письмом московским друзьям от 2–8 августа, где наиболее полно и выразительно отражено восприятие происходящего писателем.

Письмо сравнимо по объему с открытым письмом, адресовано группе лиц, не называемых в начале текста (однако легко устанавливаемых по обращению в множестве аналогичных писем других периодов), в нем использованы разнообразные средства художественной выразительности, что сближает его с открытым письмом. Текст состоит из трех фрагментов, датированных 2, 5 и 8 августа. В начальном абзаце первого фрагмента содержится пространное и достаточно эмоциональное размышление об итогах французских событий весны 1848 г. Оно не лишено подробностей, имен и дат, но они даны хаотично и не представляют собой хронологически последовательного повествования. В следующих абзацах Герцен переходит «к более личным делам», интересуется текущими литературными вопросами, спрашивает о российских знакомых и т. д. Однако он не использует типичных для других писем форм прощания, из чего следует, что способ написания письма в течение нескольких дней заложен автором сознательно.

¹ За первую половину 1848 г. известны: январское письмо московским друзьям о «Письмах из Avenue Magigny» и упадке европейской культуры в целом; 8 писем Герцена его московскому распорядителю Г. И. Ключареву, носящих исключительно практический характер; 4 письма Астраховым; 1 письмо Анненкову о событиях в Италии в начале марта. В этих текстах не содержится комментариев относительно событий 1848 г. в Париже, в связи с чем в данном исследовании они рассматриваться не будут.

Второй, наиболее внушительный по объему фрагмент от 5 августа почти полностью посвящен рефлексии относительно июньских дней, содержит немало впечатляющих подробностей, некоторые умозаключения. Последние его строки представляют — хотя и в весьма лаконичной форме — типичное для эпистолярной манеры литератора окончание письма, из чего следует, что последний фрагмент, возможно, не был предусмотрен и решение продолжить текст было принято позже.

Тематически значимые для данного исследования эпизоды текста имеют схожие характеристики: симпатизировавший повстанцам Герцен, очевидно, взволнован происходящим намного больше, чем событиями 15 мая, негодует из-за установления кровавой диктатуры Кавеньяка, сопровождаемой многочисленными расстрелами и ссылками, и осуждает действия Учредительного собрания: «Люди фразы, люди интриг — украли корону у народа, буржуа сели царями... черт ли в их благонамеренности, они сгубили республику» [Герцен, т. 23, с. 80], «каждый день после 15 мая приносил бедствие, глупый закон, притеснение» [Там же, с. 87]. Герцен выражает восхищение мужеством восставших, поддерживает их: «Геройство парижан превосходит всякое сказание, одни ядры и пушечная картечь, продолжавшаяся три дня, могла победить отчаянье обиженного работника» [Там же]. Не изменяя себе, он обращается к историческому и социальному фону событий, о которых он в дальнейшем будет рассуждать в открытом десятом письме, но делает это в меньших масштабах. В личном письме литератор высказывается лаконично и вместе с тем эмоционально. Экспрессивный тон письма, речевые обороты, противоречивые заключения — все это говорит о более искреннем характере данного письма в сравнении с открытым. Герцен в полной мере демонстрирует свою симпатию к идеям демократической социальной республики, упоминая героические действия восставших на баррикадах, выражает искреннее сожаление к потерпевшим неудачу и возмущается действиями Кавеньяка. В открытых письмах тон Герцена более сдержан.

Третий, самый краткий фрагмент от 8 августа касается разнообразных вопросов, не имеющих отношения к Июньскому восстанию, в связи с чем тематически не представляет интереса для данного исследования. Отметим лишь его структурную роль: это развернутая этикетная фигура со множеством характерных стилистических черт, делающая текст композиционно завершенным.

Тремя неделями позже письма московским друзьям появилось десятое письмо из открытого цикла «Письма из Франции и Италии», где Герцен вновь рассуждает на тему июньских дней, непосредственным свидетелем которых он оказался. При схожей тематике данный текст имеет и много отличий от личного письма.

Письмо имеет внушительный объем относительно других писем цикла, однако датировано лишь одним днем — 1 сентября 1848 г., что в целом нехарактерно для эпистолярной манеры Герцена: даже частные письма, намного меньшие по объему, он обычно пишет по несколько дней. Данный факт дает основания полагать, что Герцен воспринимал десятое письмо как литературное произведение, возможно, перерабатывал текст, вследствие чего момент непосредственного написания утратил значимость, а выставленная после заглавия дата — лишь стилистический

прием. У десятого письма и рассмотренных в данном исследовании личных писем есть общий адресат, мнимый в цикле и явный в частных письмах, — «Любезные друзья», — наличие которого является дополнительным аргументом для сближения этих текстов. Аналогична природа и первой строки, стилизующей письмо под частное: «Больше двух месяцев прошло после моего последнего письма» [Герцен, т. 5, с. 153]; несомненно, однако, что подобный оборот — лишь дополнительный инструмент, используемый автором для связи писем в цикле.

Тематика десятого письма в целом определяется однозначно, однако впечатляет его широкоаспектность: Герцен эмоционально сожалеет о поражении восставших, проводит исторические параллели с событиями 1793 г. («Никогда террор 93 года не доходил до того, до чего дошел террор теперь» [Там же, с. 154]), пространно рассуждает о причинах июньских событий, делает некоторые исторические справки, лирические отступления, анализирует личности руководителей восстания, находя причины поражения и в чертах их характеров.

В первых же строках Герцен выражает сожаления о бедственном положении народа после июньских дней: «Усталый народ примет всякого с рукоплесканием, ему хочется сколько-нибудь покоя, он все на жертву принес в июньские дни и все утратил, он хочет залечить раны, оплакать жертвы и заработать кусок хлеба» [Там же, с. 153]. Однако позиция Герцена амбивалентна: сокрушаясь о тяжелой судьбе простых людей, он одновременно обвиняет руководителей восстания в предательстве идеалов республики: «Чувства собственного достоинства, уважения к себе настолько, чтоб не отвечать на дерзкие вопросы, не нашлось у этих людей» [Там же, с. 157]. Внимание писателя к характерам ключевых фигур июньских дней не ускользнуло и от исследователя Л. Р. Ланского, более того, в метких эпитетах и точных выражениях им усматривается фундамент полноценности будущих обличительных портретов в журнале Герцена: «В сочинениях и письмах Герцена этого [речь о 1848 г. — Э. Г.] и позднейшего времени немало характеристик руководителей революционной и псевдореволюционной Франции. Некоторые из них своим накалом и сатирическими красками напоминают позднейшие герценовские обличения царских сатрапов и крепостников в “Колоколе”» [Ланский, с. 286].

Причину крушения начавшихся было изменений Герцен видит в неготовности Франции к новой форме существования, в недостаточной решительности восставших: «Республика была сюрпризом для всех, для тех, которые пламенно желали ее, для тех, которые еще пламеннее ее отталкивали» [Герцен, т. 5, с. 158]. По мнению литератора, руководители восстания занимались лишь формальными вопросами, не вникая в сущность существующих и желаемых социальных положений, не вырабатывая методы коренного изменения общества, — а без этого никаких преобразований случиться не могло и не случилось. Отметим, что к подобному выводу об оценке писателем поражения пролетариата в июньском противостоянии приходит и Л. Р. Ланский, обобщенно излагая герценовскую концепцию революции: «Для социальной республики Франция еще не была готова» [Ланский, с. 285].

Герцен обстоятельно проходится по всем ключевым вопросам современной ему Франции, таким как всеобщее избирательное право, введение нового налога, ситуация с национальной гвардией, организация национальных мастерских, что обнаруживает недюжинную политическую подкованность и высокую степень философского осмысления происходящего. Анализируя события с начала 1848 г., Герцен последовательно указывает на исторические моменты, в которых, по его мнению, сторонники республики принимали неверные решения, упуская возможность победить монархию. Завершается письмо абстрактными рассуждениями о народной природе истинного закона, исторической судьбе Франции и менталитете ее жителей: «Монархическое устройство у французов не выбьешь из головы; у них страсть к полиции и к власти; каждый француз в душе полицейский комиссар, он любит фронт и дисциплину; все независимое, индивидуальное его бесит, он равенство понимает только нивелировкой и покоряется произволу полиции <...> Французы любят террор, оттого они так легко переносят осадное положение» [Герцен, т. 5, с. 173] — вот ключевой фактор поражения восставших.

Заключительные абзацы письма касаются наиболее общего и абстрактного понятия — свободы, ее сущности и принципов воплощения. Герцен сетует, что французы не понимают истинной природы свободы и поэтому, даже приобретая ее на баррикадах, не могут ее сохранить: «Нет в мире народа, который сделал бы столько подвигов, который бы пролил столько крови за свободу, как французы, и нет народа, который бы менее понимал ее, менее искал бы осуществить ее на самом деле, на площади, в суде, в своем доме» [Там же, с. 175]. Отметим, что концепт свободы в сознании Герцена стал предметом научного изучения Линь Вэньсинь из Шанхайской академии глобального управления и региональных исследований при Шанхайском университете иностранных языков: в статье «Liberty vs Slavic identity in A. I. Herzen's political thoughts» («Свобода vs славянская идентичность в политической мысли А. И. Герцена» — перевод Э. Г.) эксплицируется «связь герценовского взгляда на личную свободу <...> с его политическими идеалами» [Lin Wenxin, с. 199]. Подобное умозаключение подтверждается и соображениями, высказываемыми Герценом в десятом письме: «... Свобода (политическая, как ясно из контекста письма. — Э. Г.) ничего не значит, пока не проникла в убеждение, пока не сделалась верой, мыслию, мнением» [Герцен, т. 5, с. 158].

При более поздних публикациях «Писем из Франции и Италии» 1854 и 1858 гг. Герцен всякий раз составлял предисловие к очередному изданию, обнаруживая связь — или отсутствие связи — описываемых событий с текущей политической ситуацией, а также излагая собственную оценку произошедшего и описанного сквозь призму времени. Примечательно, что в качестве характерной тенденции Герцен отмечает чувство разочарования от французской реальности, лишь усиливающееся со временем и раз за разом находящее подтверждения в происходящих событиях. Наиболее выразительно Герцен пишет об этом в предисловии к изданию 1858 г.: «Пестрые декорации конституционной Франции ненадолго могли скрыть внутреннюю болезнь, глубоко разъедавшую ее. Чем пристальнее я всматривался,

тем яснее видел, что Францию может воскресить только коренной экономической переворот — 93 год социализма» [Герцен, т. 5, с. 9].

Данное письмо московским друзьям было написано через 6 дней после открытого десятого письма и касается тех же вопросов: избирательное право, проблема регулярной армии, отсутствие гражданских свобод. Эмоциональные акценты также совпадают — сокрушение о несправедливых приговорах военно-судных комиссий и т. д. Письмо представляет своего рода подведение итогов соображениям, изложенным в десятом письме.

Текст имеет небольшой объем, адресован прежнему кругу лиц, сопровождается, как и прочие письма, некоторыми бытовыми подробностями, вопросами друзьям и ответами на их вопросы из более ранних писем. Но главная тема остается неизменной — Герцен сожалеет о провалившихся преобразованиях: «... Четыре первые месяца нынешнего года сгубили нас. Мы так откровенно были надуты Февральской революцией...» [Герцен, т. 23, с. 94]. Он во множестве деталей и подробностей рассуждает о мнимом характере французских реформ, о том, что при смене форм власти ее сущность остается прежней — верхи самодержавно управляют низами. Главная претензия его — отсутствие свободы. Свое разочарование писатель распространяет на весь Запад: «В остальной Европе не только в самом деле нет свободы, нет гуманного управления, но нет даже понимания, желанья, нет близкой надежды» [Там же, с. 95]. Поражение Французской революции стало фундаментом тенденции разочарования в Европе, отмеченной и другими исследователями художественного наследия Герцена. К примеру, историк и писатель И. А. Порошин в выпущенной в 1905 г. брошюре «А. И. Герцен, славянофилы и западники» указывает: «Разочарование Герцена в Зап[адной] Европе начинается с 1848 г.: благоговейно-восторженное отношение сменяется холодным скептицизмом, переходящим порой в полное отчаяние перед тем будущим, которое ожидает Европу. Франция была первой страной, обманувшей Герцена в его ожиданиях и надеждах» [Порошин, с. 68]. А современный исследователь А. С. Калугин в работе «Философская компаративистика: Герцен и Киреевский о проблеме выбора пути Россией» констатирует: «Европейские революции, которые потонули в крови, разрушили в Герцене романтизм и идеализм, а также веру в европейскую непререкаемость» [Калугин, с. 14] — речь идет именно о «Весне народов», получившей начало в Париже в 1848 г. Подобный тезис встречается и в статье Т. В. Евтеевой «Критика западной цивилизации в воззрениях А. И. Герцена»: «“Неудачные” революции 1848 г. по всей Европе разрушают его прежние мечты и надежды. А. И. Герцен испытывает глубокое разочарование в западной цивилизации и возможности развития России по ее стопам» [Евтеева, 2011а, с. 6]. В дальнейшей научной работе Евтеева делает более общий вывод об отношении Герцена к Европе: «происходит постепенный отказ от воззрения на Запад как на главного носителя общечеловеческого просвещения» [Евтеева, 2011б, с. 13].

Еще одним существенным недостатком европейского устройства Герцен считает регулярную армию: «... Второе зло, уничтожающее Европу и при

существовании которого можно отложить всякую мысль о прогрессе и разумном государстве, — это постоянные войска» [Герцен, т. 23, с. 96].

Совпадение тематики и эмоционального фона, а также небольшой объем и характер высказываний позволяют сделать вывод, что данный текст представляет своего рода подведение итогов соображениям, изложенным в десятом письме.

Проделанный анализ эксплицирует относительно стабильную эпистолярную манеру Герцена, рассуждающего как в личных, так и в открытых письмах об исторических, культурных, социальных и политических явлениях, их предпосылках, взаимосвязи и последствиях. Наблюдается также постоянство политических взглядов писателя: происходит лишь трансформация формы выражения позиции — от более эмоциональной в частной переписке к более рациональной в открытом письме. Помимо общей тематики, у рассмотренных текстов обнаруживаются единый вектор эмоционального фона, схожие стилистические особенности. Однако считать эти тексты эквивалентными никак нельзя.

Личные письма Герцена носят в некоторой степени публицистический характер, местами полемический, в них имеет место своего рода словесная игра, использование всякого рода аллюзий, устойчивых выражений и обращений к разного рода метатексту. С точки зрения построения рассуждений в них наблюдается большая спонтанность и легкость, меньше ретроспективной аналитики. Частной переписке свойственна большая эмоциональность и образность, более резкий и насмешливый тон в сравнении с открытым десятым письмом, которое, впрочем, тоже не лишено экспрессии.

Однако открытое письмо обладает жанровой спецификой: при общей искренности высказываний, присущей эпистолярным формам, позиция, формируемая в тексте, имеет в большей мере законченный характер, что характерно для форм литературных. В открытом письме комментируются события двухмесячной давности, что дает основание считать его все же художественным произведением — с немалой вероятностью, писатель перерабатывал материал, придавая ему желаемую форму. Рассмотренные стилистические особенности открытого письма сближают его с частной корреспонденцией, но лишь формально, поскольку носят характер художественного приема.

Таким образом, десятое письмо занимает в некотором роде промежуточное положение между личной корреспонденцией и художественной литературой: с первой его сближают хронологические особенности написания, стилистические особенности, а со второй — более высокая степень художественной переработки материала. Первое из рассмотренных личных писем выступает в качестве своего рода подготовительного этапа при написании рассмотренного фрагмента открытого цикла, второе — в качестве обобщения и философского заключения на базе десятого письма.

Типическими чертами эпистолярной манеры Герцена являются эмоциональность, склонность к ретроспективному анализу, множество аллюзий к разнообразным историческим событиям и художественным источникам, некоторый набор характерных стилистических фигур.

Следует также отметить высокую степень философского осмысления Герценом июньских дней, обнаружение исторической подоплеки, построение причинно-следственных связей. Комментарии писателя касаются самых разнообразных аспектов происходящего, начиная с личностей политических лидеров и заканчивая оценкой стихийных социальных процессов. Данные факты позволяют подтвердить тезис о высокой степени политической заинтересованности Герцена и оценить глубину его компетентности в данной сфере.

Герцен А. И. Письма из Франции и Италии // Собр. соч. : в 30 т. М., 1955. Т. 5. С. 5–226.

Герцен А. И. Письма 1847–1850 годов // Собр. соч. : в 30 т. М., 1961. Т. 23. 500 с.

Евтеева Т. В. Критика западной цивилизации в воззрениях А. И. Герцена // Аналитика культурологии. 2011а. № 3(21). С. 6–12.

Евтеева Т. В. «Россия» и «Запад» в цивилизационной концепции А. И. Герцена : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2011б. 22 с.

Калугин А. С., Терехова Г. Л. Философская компаративистика: Герцен и Киреевский о проблеме выбора пути Россией // Альманах современной науки и образования. 2011. № 7. С. 14–16.

Ланский Л. Р. Герцен и Франция // Лит. наследство. 1985. Т. 96. С. 254–306.

Порошин И. А. (Н. Белозерский). А. И. Герцен, славянофилы и западники // Исупов К. Г. А. И. Герцен: pro et contra. СПб., 2012. С. 56–80.

Lin Wenxin. Liberty vs Slavic identity in A.I. Herzen's political thoughts // Voprosy Istorii. 2022. № 9–2. P. 199–215. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi28.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023 г.

Научная статья

УДК 37.011.31-051:791.22 + 37.011.31-052:791.22 + 378.12 + 159.9

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.034

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА УЧИТЕЛЯ В СОВЕТСКОМ И РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: ВНУТРИКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

Ада Казимировна Бернатоните

Томский государственный педагогический университет,

Томск, Россия,

ada_bernaton@inbox.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8545-9598>

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается семантическая составляющая образа учителя и процесс его трансформации в зависимости от потребностей общества в советском и российском кинематографе. В 1930-е гг. образ учителя носил обобщающий характер, в 1940-е гг. учителя идеализировали, в период оттепели он предстает личностью со всем спектром человеческих чувств. В кинематографе показ специфики деятельности учителя и осознания им своего места в педагогическом процессе зависел от социальных установок. Таким образом, каждое десятилетие являло новый подход. Особой сложностью и многогранностью отличались взаимоотношения между учителем и учеником в кинематографе 1970–1980-х гг. В эпоху перестройки в связи с обесцениванием педагогического труда отношение к учителю изменилось. В большинстве фильмов он является либо причиной конфликта, либо объектом, на котором ученик вымещает свое недовольство миром.

К л ю ч е в ы е с л о в а: принцип идеализации; педагогический эксперимент; поведенческая модель; семантика образа; учитель; ученик

Б л а г о д а р н о с т и. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации, номер проекта: QZOY-2023-0007,

© Бернатоните А. К., 2023

тема «Использование образовательного потенциала артпедагогике для развития практик гражданско-патриотического воспитания школьников, включая цифровые форматы».

TRANSFORMATION OF THE TEACHER'S IMAGE IN SOVIET AND RUSSIAN CINEMATOGRAPHY: INTRACULTURAL DIALOGUE

Ada K. Bernatonite

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia,

ada_bernaton@inbox.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8545-9598>

A b s t r a c t. This article examines the structure of the teacher's image and its semantic content in Soviet and Russian cinema. In the 30s, it appeared to be of a generalizing nature; in the 40s, the teachers were idealized, in the cinema of the "Thaw" period a teacher appears as a person with the entire spectrum of human feelings. In cinematography, the specifics of the teacher's activity and the demonstration of his awareness of his place in the pedagogical process depended on social attitudes. Thus, each decade has demonstrated a new approach. The relationship between the teacher and the student in the cinema of the 70s–80s of the 20th century was especially complex and multifaceted. In the era of perestroika, in the context of the decline in universal human values, the attitude towards the teacher changed. In most films, a teacher is either the cause of the conflict, or the object on which the student takes out his dissatisfaction with the world.

К e y w o r d s: idealization principle; pedagogical experiment; behavioral model; image semantics; teacher; student

A c k n o w l e d g e m e n t s. The research was carried out within the state assignment of Ministry of Education of the Russian Federation (project QZOY-2023-0007).

В искусстве есть темы, являющиеся ключевыми. Они проходят определенные этапы трансформации, видоизменяясь в контексте социальных задач и внутренних потребностей времени. Тема учителя важна как для литературы, так и для кинематографа. Учитель олицетворяет собой «видимое слово» в самых широких аспектах этого понятия, следовательно, между кинематографом, который визуализирует слова, и учителем, занимающимся тем же самым, можно провести семантические параллели.

В советском кинематографе образ учителя занимал важное и достойное место. Фильмы на тему школы снимались, начиная с 1930-х гг. В каждом десятилетии происходило смещение смысловых акцентов, что влияло на поведенческие модели и аспекты взаимоотношения с внешним миром образа учителя. В статье Т. Митиной подчеркивается, что существовала определенная специфика формирования

образа учителя в советский период, она была связана с детским кинематографом, традиции которого в современной ситуации утрачены [Митина, с. 125]. Н. Шипулина, анализируя образ учителя в советском кинематографе 1930-х гг., считает, что он приравнялся к типу революционера, строителю нового общества, и такая тенденция прослеживается вплоть до 1960-х гг., хотя именно в этот период и появляется живой и лишенный мифологизации персонаж учителя [Шипулина, с. 7]. Нельзя не согласиться с автором, который утверждает, что тема школы и учителя является индикатором социальных изменений в целом, а потому очень важно проследить трансформацию эстетического идеала образа учителя в советском кинематографе [Шипулина, с. 10].

Выделение в статье Н. Шипулиной трех этапов в формировании образа учителя представляется слишком поверхностной трактовкой трансформации этой темы в советском кинематографе. Для первого этапа характерны два типа учителя — борец за коммунистические идеалы и интеллигент, занимающийся образованием и воспитанием. На втором этапе учитель превращается в друга ученика и в нем воплощаются узнаваемые черты реального человека. Третий этап представляет зрителю учителя как социально неуспешного типа, который не пользуется уважением учеников [Там же, с. 13]. Несмотря на перспективность предложенных автором этапов, необходимо уточнение и конкретизация, раскрывающая особенности создания образа учителя в каждый отдельный период. В контексте начала XXI в. уместно наблюдение, что учитель стал более близок к реальности, но вместе с тем практически лишен положительных качеств [Цветков, Тимакова, с. 218].

Тема трансформации образа педагога в кинематографе нашей страны на разных этапах ее развития постоянно поднимается в научных исследованиях. Она многогранна, и по отношению к ней можно использовать различные методы анализа: социокультурный, герменевтический и др. Данная статья представляет собой исследование, направленное на то, чтобы обозначить определенную тенденцию в советском и постсоветском кинематографическом пространстве, связанную с неоднозначным подходом к образу педагога.

Процесс от идеализации учителя до его демонизации (хотя в современном кинематографе он скорее «мелкий бес») наметился еще в советском кинематографе. От идеального персонажа к простому человеку, у которого есть право на достоинство и недостаток, а затем от простого человека к личности с набором негативных действий и реакций — такова специфика трансформации образа учителя в нашем кинематографе. Связующим звеном в этом процессе стал персонаж Вячеслава Тихонова из фильма «Доживем до понедельника». Учитель Мельников, которого идеализировало не одно поколение зрителей, стал причиной изменения ценностных координат по отношению к образу педагога в кино. Все учителя-мужчины в советском кино после выхода фильма «Доживем до понедельника» стали носителями тех или иных черт характера Мельникова.

В советской школе существовало множество авторских педагогических систем: А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, Ш. А. Амонашвили, С. Л. Соловейчика,

В. Ф. Шаталова и др., а потому естественно и закономерно обращение к образу учителя как в литературе, так и в кинематографе для детей. В детской советской литературе образ учителя был доминирующим, авторы подходили к нему с разных позиций: учитель был не только наставником, но и советчиком, и даже другом. В некоторых случаях образ учителя был неоднозначен (В. Крапивин «Мальчик со шпагой», В. Железников «Чучело» и др.). Учитывая тот факт, что советский кинематограф в основном опирался на литературный текст и часто сценарии писались на основе художественных произведений, образ учителя имел вербальную точность и психологическую неоднозначность. Личность учителя в советском кинематографе отражала определенные тенденции времени и трансформировалась в зависимости от потребностей общества: учитель организовывал школу в селе и боролся с неграмотностью; работал с беспризорниками и помогал их взрослению и социализации; реагировал на задачи и условия времени.

В советском кинематографе 1930–1940-х гг. образ учителя по многим параметрам был мифологизирован. Вспомним утверждение А. Ф. Лосева, что «...миф реален так же, как и само бытие. Миф самостоятелен, сам себя определяет, не нуждается ни в чем другом, чтобы существовать» [Лосев, с. 470]. Образ учителя и есть воплощенный миф времени: меняется время — меняется образ учителя. В кинематографе 1930–1940-х гг. учитель был абсолютизирован до идеализации, поскольку он нес свет знаний, добро души и очень правильную поведенческую модель.

Можно выявить определенную закономерность семантических моделей образа учителя в советском кинематографе 1930-х гг., которые оказали заметное влияние на последующее развитие и смысловую наполненность этого персонажа, но уж в годы оттепели. В советском кинематографе визуализация образа учителя начинается с представления о нем как о человеке, который борется с преступностью и детской беспризорностью, объединяет беспризорников в единый коллектив, т. е. выполняет не столько образовательные функции, сколько наставнические. Педагог Сергеев («Путевка в жизнь», 1931), А. С. Макаренко («Педагогическая поэма», 1955), Викниксор («Республика ШКИД», 1966) — эти киноперсонажи связаны с определенной тенденцией, заложенной советским кинематографом в контексте анализа образа педагога. У всех героев есть объединяющее начало: благодаря их деятельности дети становятся дружной командой, стремятся к лучшей жизни, отказываются от криминального прошлого.

В фильме «Путевка в жизнь» (режиссер Н. Экк) есть ряд эпизодов, смысловой контекст которых повторяется и в более поздних советских фильмах о школе. Педагог Сергеев, организатор коммуны, предлагая беспризорникам на добровольных началах поехать с ним и ожидая агрессию со стороны подростков, использует эффект неожиданности, тем самым сразу приобретая доверие. На кулаки, занесенные над ним, он отвечает пачкой сигарет, которую достает из кармана: замирают и персонажи, и зритель, полагая, что сейчас в кадре крупным планом будет показан револьвер. Этот прием «доверия-заигрывания» в советском кинематографе будет использоваться в тех случаях, когда героями фильма становятся подростки

со сложной судьбой («Республика Шкид», режиссер Г. Полока; «Пацаны», 1983, режиссер Д. Асанова).

Еще одна сюжетная коллизия, оказавшая влияние на развитие в кинематографе темы взаимоотношений педагога с учениками, связана с эпизодом, когда Мустафа приносит в вагон поезда ворованную еду, а педагог, понимая, что ребята голодны и любое неправильное движение вызовет у них неадекватную реакцию, не совершает никаких действий, только предупреждает «кормильца» о том, чтобы такого больше не повторялось. Отсутствие наказания и угроза-предупреждение словом — эта педагогическая модель взаимоотношения учитель — ученик использовалась во многих советских фильмах, например, в фильме «Мимо окон идут поезда», (1965, режиссеры Э. Гаврилов, В. Кремнев).

В кинематографе 1930-х гг. можно проследить еще одну очень важную тенденцию, связанную со спецификой образа педагога: молодой учитель, только что получивший образование, уезжал из города в сельскую местность для того, чтобы образовывать безграмотную деревню («Одна», 1931, режиссеры Г. Козинцев и Л. Трауберг; «Учитель», 1939, режиссер С. Герасимов).

В фильме «Учитель» герой Б. Чиркова следует определенным поведенческим моделям, которые будут использованы в кинематографе 1970-х. Он возвращается в село, отучившись в Москве, и хочет открыть школу, но сталкивается с непониманием окружающих: отцу кажется, что его сын неудачник, поскольку не пошел по военной линии, а односельчане полагают, что он просто не умеет работать на земле. Отсюда можно сделать вывод, что изначально в общественном мнении царил стереотип, что учителями становятся те, кто не сумел о себе заявить в каком-то другом, более ценном для общества или более престижном лично для себя деле.

Когда учитель на первом уроке читает разновозрастным детям рассказ А. П. Чехова «Ванька», он провоцирует своих будущих учеников на сильное проявление эмоций, заставив их плакать. В его интерпретации классического произведения появляется идеологический контекст времени. Письмо Ваньки дошло до товарища Ленина, который и изменил жизнь мальчика. Именно в этом фильме предложена модель, трансформированная потом в так называемый ключ без права передачи, т. е. создание доверительных отношений между учителем и учениками. Необходимо обозначить и факт общения учителя со взрослым и безграмотным населением села. Один из стариков говорит ему, что «каждый свой вопрос в жизни имеет», на что учитель отвечает очень достойно: «Тогда и нужно начинать отвечать, а то на все, пожалуй, и не ответишь».

В 1930-е гг. в ряде фильмов о школе были показаны педагоги, которые олицетворяли «темное» прошлое и следовали «преступным» моделям поведения. Они не только не понимали детей, но и пытались им навредить. Дети оказывали благотворное влияние на учителей, способствовали их переходу на более передовые позиции. В фильме «Конduit» (1935, режиссер Б. Шелонцев) высмеивается гимназическая программа со Словом Божьим и латынью и, соответственно, учителя, преподающие эти предметы.

В фильме «Рваные башмаки» (1933, режиссер М. Барская) ученики презрительно именуют учителя-пастора Господом Богом, а тот, в свою очередь, использует по отношению к детям совершенно неподобающие педагогические приемы: щелкает по макушкам, зажимает носы, заставляет стоять у доски, пока ученик не вызубрит материал.

Таким образом, в кинематографе 1930-х гг. были воссозданы негативные образы учителей ушедшей эпохи. Также в этот период сформировался образ педагога-наставника с характером подвижника, что в послевоенное время привело к идеализации учителя. Учителя новой эпохи умны и могут найти подход к любому ученику, они понимают ситуацию изнутри и придерживаются определенных границ в плане наказания, как физического, так и морального.

Идеализированный образ учителя наиболее активно создавался в советском кинематографе в 1940–1950-е гг. («Сельская учительница», 1947, режиссер М. Донской; «Педагогическая поэма», 1955, режиссеры М. Маевская, А. Маслюков). В фильме «Сельская учительница» режиссер «отправляет» свою героиню из Петербурга в Сибирь, куда ссылали за тяжкие преступления, но Варвара едет туда добровольно и с надеждой. Вчерашняя гимназистка приезжает в село и становится учительницей. Она не только занимается просвещением крестьян, но и наводит свои «человеческие порядки», например, не позволяет мужу издеваться над женой, пресекая его пьяные выходки на глазах у всей деревни. Учительница оставляет за собой право приказывать сельчанам. Они ее слушают, понимая, что делает она это не для личной выгоды. Именно в этом фильме появляется учитель, который любые дела творит во благо своих учеников, а те отвечают ему полным доверием.

В 1940-е гг. принцип идеализации, лежащий в основе создания образа учителя, достигает своего апогея. Учитель превращается в некое божество, которому подвластно любое чудо, а потому ему верят и за ним следуют. Залогом чуда является сильный характер, а также равнодушие, следование принципам жизни, которая проживается ради других. Подобная идеализация характерна для фильма «Первоклассница» (1948, режиссер И. Фрэнс), где учительница в исполнении Т. Макаровой — это идеальный пример для девочек, каждая из которых хочет быть похожа на нее. Она им объясняет, как себя вести, чтобы обрести внутренний стержень и легче адаптироваться к внешнему миру. Учительница предстает во внешней и внутренней статике, визуальная композиция кадра делает иконописным ее лицо, она — Мать всем этим девочкам, и в ее обязанности входит спасение их от несправедливостей мира.

Для кинематографа 1930–1940-х гг. при создании образа учителя была очень важна идеологическая составляющая. Учитель олицетворял собой моральное совершенство, нес в себе идеи светлого будущего, самим фактом своего существования приближая их. То есть учитель настоящего был идеализированным образом человека будущего. «Мировоззренческие установки персонажей в фильмах о школе рассматриваемого периода отличала твердость и непоколебимая вера в коммунистическую партию и правительство. Взгляды персонажей фильмов

школьной тематики укладывались в строгие рамки общепринятых норм и правил общественного поведения, полностью соответствующих идеологии тех лет» [Чельшева, с. 52].

В середине 1950-х гг. кинематограф ставит проблему столкновения школьного коллектива с уникальной личностью. Герой намерен жить вне правил и общественных стандартов, для него характерны модели поведения, где провокации перемежаются со странными вопросами, асоциальное поведение совмещается с уникальными способностями. Задача кино — выработать определенные нормы взаимоотношения такого ученика с педагогической средой. Именно с подобным персонажем в исполнении актера В. Ланового мы встречаемся в фильме «Аттестат зрелости» (1954, режиссер Т. Лукашевич). Его герой умен, красив, талантлив. Диалог с таким учеником для каждого учителя — своеобразная проверка на профессиональную компетентность.

В этом же фильме ставится вопрос о бережном отношении ученика к учителю. Неожиданная реакция на болезнь учителя одного из учеников заключается в том, что он не только предлагает его навестить, но и принести в подарок абрикосовое варенье. Ученик знает, что именно его и любит учитель. В этом эпизоде показана школа с человеческим лицом. Незначительная деталь помогает сконструировать концепт, убеждающий в том, что дистанция между учащимися и педагогом в советском кинематографе в большей степени кажущаяся.

Учитель — не только профессия, но и образ жизни, и особая структура мыслительного процесса. Это кредо, которое позволяет преодолеть болезнь духа. Фильм доказывает, что учитель не имеет права уходить из класса посреди урока, даже если его обидели, но имеет право остаться на уроке, даже если ему врачи запретили преподавать. Именно в фильме «Аттестат зрелости» представлены поведенческие стратегии учитель — ученик и сформулирован своеобразный нравственный кодекс учителя. Школа предстает как обязанность учителя, как его долг. Но вместе с тем зритель понимает, с каким душевным трепетом относится учитель к своим обязанностям.

Таким образом, чувство долга и призвание сливаются, а вызывающие модели поведения учеников не являются чем-то необычным. В более ранних фильмах ученики вели себя неправильно, потому что они были беспризорниками и бродягами; их положение было асоциальным, а потому они не знали поведенческих норм и принципов. Фильм «Аттестат зрелости» предложил другой вариант «неправильности», связанный с уникальными способностями ученика. Этот фильм определил тенденцию инаковости, взаимоотношение учителя с нестандартно мыслящими учениками.

Логика советских фильмов 1950-х гг. построена на абсолютизации идеи, связанной с мыслью о том, что педагог во всем является примером для своих учеников. Учитель дает детям не только знания, но и структуру моделей поведения — как правильно жить в Стране Советов. Вместе с тем именно в кинематографе этого периода появляется образ бунтующего ученика, который спустя два десятилетия будет спорить с учителями, противопоставлять себя одноклассникам

и мучительно искать истину. Пока же он чуть более талантлив, чем другие ученики, чуть более красив, а потому хочет быть успешнее, чем другие. Именно в этот период учитель начинает относиться к проявлению индивидуальности ученика с определенной долей понимания.

Но идеализация и показ учителя как примера для подражания исчезли из советского кинематографа с теплотой. Ключевым фильмом, который изменил взгляд на повседневность и обыденность человеческой жизни, становится «Весна на Заречной улице» (1956, режиссер М. Хуциев). Здесь учитель — обыкновенная женщина со своими заботами и чувствами. Ею движет не столько чувство долга, сколько любовь к литературе. Впервые на экране появляется персонаж, у которого помимо школы есть своя частная жизнь. По сути, именно этот фильм выстроил семантическую перспективу развития в советском кинематографе образа учителя. Учитель — тоже человек, он такой как все, а главное, он тоже имеет право на ошибку и на проявление собственных чувств.

Таким образом, кинематограф конца 1950-х гг. превращает учителя из идеализированного персонажа в обыкновенного человека.

Тенденция «очеловечивания» образа учителя оформилась в советском кинематографе с выходом на экран фильма «Весна на Заречной улице». В 1960-е гг. появилось много фильмов о школе, где учителя вступали в контакт с нестандартно мыслящими учениками: «А если это любовь?» (1961, режиссер Ю. Райзман), «Дикая собака Динго» (1962, режиссер Ю. Карасик), «Звонят, откройте дверь» (1965, режиссер А. Митта) и др. В фильме «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (1964, режиссер Э. Климов) предложено очень смелое решение, которое связано с принципом зеркала. Ситуация изгнанного из лагеря мальчишки и смещенного с поста начальника товарища Дынина отражаются одна в другой.

В фильме «Мимо окон идут поезда» (1965, режиссеры Э. Гаврилов, В. Кремнева) молодая учительница из столицы приезжает на практику в провинцию, преподавать в интернате. Ситуация педагогически сложная в принципе. Учитель противопоставляет себя директору школы, который пытается всем доказать, что в его заведении все идеально. Именно с этого фильма начинается тенденция показа бюрократов от школы, которые все делают напоказ. Лидия Сергеевна идет на эксперимент, проявляя доверие к детям. Он разрушает ее очень шаткое положение в этом учреждении. Ситуации, когда ребятам предлагалось решить самим сложную проблему, представлены были еще в фильмах о беспризорниках. В фильме «Республика ШКИД» (1966, режиссер Г. Полока) вновь возникнет эта тема, которая уже больше не будет иметь продолжение в советском кинематографе. Викниксор, в исполнении С. Юрского, уникальный образец педагога. Он из русских интеллигентов, слишком мягок и лишен категоричности — такими чертами ранее обладали отрицательные персонажи.

Вместе с тем душевная широта, умение находить общий язык со своими сложными подопечными выводят образ учителя на новый семантический уровень: «Обезоруживающее доверие педагогов научило ребят ответственности не только перед собой, но и перед обществом, помогло не раствориться в беге смутного

времени. Доверие послужило основой формирования собственного достоинства, помогло выбрать верный путь в жизни. В стенах республики ШКИД именно этими учителями из дореволюционного прошлого были созданы все условия для того, чтобы сформировать людей нового мира» [Митина, с. 155].

В советском кинематографе на школьную тематику закладывается новая тенденция — учитель и ученик находятся в ситуации игры, где нет победителей, но есть нравственные эксперименты. Данная модель используется и в фильме «Мимо окон идут поезда». Герой А. Кузнецова в фильме «Друг мой, Колька» (1961 г., режиссеры А. Митта, А. Салтыков), пионервожатый, выходец из рабочего класса и в общем-то случайный человек в школе, проводит со своими подопечными нравственный эксперимент. Он превращает тайное сообщество, организованное детьми, в общественно полезное дело. Это еще одна тенденция педагогической темы в кинематографе 60-х гг. — дети и учителя находятся в постоянном взаимодействии и вступают в конструктивный контакт с элементами творчества.

В конце 1960-х гг. на экраны страны выходит фильм, который представляет собой идеальный образец кинокартины о школе и учителях. Речь идет об известной даже современному кинозрителю картине «Доживем до понедельника» (1968, режиссер С. Ростоцкий). Главную роль в фильме исполнил В. Тихонов. Благодаря его персонажу Мельникову возникла новая тенденция взаимоотношений учителя с учениками и педагогическим коллективом.

В кинематографе оттепели воспроизводятся черты учителя-человека, иллюстрируются его принципы и внутренние качества в процессе противостояния коллегам, погрязшим в системе, которые утверждают, что «учитель всегда прав», даже ценой унижения учеников. Образ подобного педагога появился еще в кинематографе 1930-х гг. как элемент «проклятого царского прошлого», такой учитель не признает право учеников на собственное мнение, неуважительно относится к коллегам.

Советский кинематограф предлагает зрителю сквозь призму экранной временной проекции образа учителя решить сложную задачу — создать такого персонажа, который бы не только отражал тенденции определенного времени, но и был носителем идеальных профессиональных качеств.

Стоит отметить ситуации, когда дети и педагоги задают друг другу сложные смысложизненные вопросы, которые могут провоцировать конфликт, или когда учитель, задавая вопрос, сам не знает ответа («Доживем до понедельника», учитель литературы Светлана Михайловна в исполнении Н. Меньшиковой). В другом же варианте учитель генерирует бесконечные споры и противопоставляет себя коллегам, будучи уверен, что только он нашел общий язык с учениками («Ключ без права передачи», 1976, режиссер Д. Асанова, учитель литературы Марина Максимовна в исполнении Е. Прокловой). Таким образом, в советском кинематографе именно учителя литературы и истории формировали личность ученика, который бунтовал и спорил, выступал против общих правил, не боясь быть изгоем.

Но если объективно посмотреть на специфику поведения учителя истории Мельникова, то можно заметить, что он ушел от жизненных проблем, которые

оказались для него неразрешимы, в школу. Он не понимает, как построить семью, и до сих пор одинок; не знает, как вести себя с матерью, которая хочет общения, но выступает в роли того, кто обеспечивает его повседневный комфорт. С педагогами Мельников ведет себя несколько высокомерно, постоянно противопоставляя этой «серой массе» свою образованность. А когда молодая учительница английского приходит в школу, Мельников лихорадочно ищет пути к отступлению, в начале учебного года прося у директора отпуск.

Некогда Наталья Сергеевна была ученицей Ильи Семеновича и однажды плакала на коленях его мамы, признаваясь в любви к ее сыну. Именно появление в школе бывшей ученицы теперь в роли педагога все ломает в устоявшейся жизни Мельникова. Неизвестно, как прежде он относился к коллегам и ученикам. Думается, что с определенной степенью равнодушия. Если бы он был борцом с системой, то за столько лет пребывания в стенах школы сумел бы уже хоть что-то изменить, например, учителя стеснялись бы при нем использовать несуществующий глагол «ложить».

Но вместе с тем Мельников имеет однозначную позицию по отношению к школе и ученикам: «...продолжает оставаться педагогом, даже когда он заявляет о том, что больше не является учителем. Мы видим, что это скорее жест отчаяния, попытка выскочить из своей жизни» [Антипин, Дорничева, с. 23]. Он предельно внимателен к ученикам, всматривается в них, понимая, что его чувства и мысли находят отражения в душах учеников. «Как он смотрит на учеников: на поэта Генку Шестопала как в зеркало — узнавая себя, на циничного красавца Батищева — прозревая в школьнике вечного своего оппонента, на весь класс в финале фильма — предчувствуя судьбу каждого и зная, что ничего нельзя изменить» [Аркус].

Из разговора с директором зритель узнает очень важный факт. Мельников не защитил в свое время диссертацию (по каким причинам — неизвестно) и пришел в школу именно по этой причине. На Мельникова не действуют убеждения в том, что начатый труд необходимо доделать.

У этой сюжетной линии образа учителя тоже есть продолжение. Например, Нестор Петрович в исполнении М. Кононова, тоже учитель истории в фильме «Большая перемена» (1972, режиссер А. Коренев), пришел в вечернюю школу, потому что не поступил в аспирантуру. Но его пассивность и разочарование в себе связаны с тем, что учитель средней школы оказался более нужен науке, чем молодой и перспективный ученый. Полина, в исполнении Н. Гвоздиковой, будучи его невестой и по совместительству учителем истории, заняла место Нестора в науке. То есть практикующий учитель оказался более продуктивным в исследовательской деятельности, чем «книжный червь».

Подобную же ситуацию зритель видит в фильме «Это мы не проходили» (1975, режиссер И. Фрэнз). Один из отправившихся на практику молодых учителей говорит о том, что он пошел в педагогический, потому что не поступил в МГУ, но не жалеет о выборе.

Нужно отметить, что у Натальи Сергеевны (героини «Доживем до понедельника») тоже есть «продолжение» в других фильмах. По-своему «зеркальным

персонажем» можно назвать Татьяну Николаевну, в исполнении Е. Соловей, учителя литературы из фильма «Вам и не снилось» (1980, режиссер И. Фрэнз). Она душевная и ранимая, мучительно ищущая гармонии в повседневной жизни.

Пытаясь понять и принять учеников целиком и полностью, учитель соотносит их поведенческие модели с собственными представлениями о людях. В данном контексте выстраивает свою поведенческую модель с учениками и Джульетта Ашотовна в исполнении Л. Ахеджаковой, учительница английского из фильма «Когда я стану великаном» (1979, режиссер И. Туманян). Она наивная, несколько нелепая, нуждается в защите, вызывает жалость со стороны учеников, но они над ней не смеются, а всячески ее поддерживают.

Но главное достижение фильма С. Ростюцкого в том, что он создал особую породу бунтарей-учеников, под знаком которых шло развитие советского кино о школе вплоть до эпохи перестройки. Они бунтовали не в силу асоциального происхождения и поведения, а потому что были влюблены и много читали. Этой линии поведения придерживаются героини фильма «Сто дней после детства» (1975, режиссер С. Соловьев), «Точка, точка, запятая...» (1972, режиссер А. Митта), «Розыгрыш» (1976, режиссер В. Меньшов), «В моей смерти прошу винить Клаву К.» (1979, режиссеры Н. Лебедев, Э. Ясан) и др.

В кинематографе 1970-х важную роль в фильмах о школе играет концепция режиссера Динары Асановой. Именно выстроенный ею тип взаимоотношений учитель — ученик повлиял на развитие данной темы в советском кинематографе. Учитель вступает в диалог со своими воспитанниками, готов их слушать, понимает их проблемы, не боится быть не таким умным, не таким смелым, но всегда и во всем старается быть на стороне своих учеников («Не болит голова у дятла», 1974; «Ключ без права передачи», 1976). В 1983 г. на экраны страны выходит фильм Динары Асановой «Пацаны», который возвращает к теме подвижничества и наставничества, к образу педагога Сергеева из «Путевки в жизнь».

Очень важную роль в развитии образа педагога в советском кинематографе сыграл 1975 г., в это время выходят такие фильмы, как «Дневник директора школы» (режиссер Б. Фрумин), «Сто дней после детства» (режиссер С. Соловьев), «Что с тобой происходит?» (режиссер С. Саруханов), «Чужие письма» (режиссер И. Авербах), «Это мы не проходили» (режиссер И. Фрэнз). В этих фильмах учитель показан как человек ищущий, часто идущий против системы, но есть и другая сторона — ученик, нередко по вине самого учителя, а иногда и по причине попустительства со стороны старших идущий с ним на открытый конфликт. Вызревший внутри 1970-х гг., этот конфликт находит свое дальнейшее развитие в 1980–1990 гг. и с наибольшей силой разрастается в кинематографе 2000-х. Постепенно учитель и ученик перестают находить общий язык и понимать друг друга.

Сниженный образ учителя появился уже в кинематографе 1980-х гг. Учителя своей беспомощностью или «оголтелой» принципиальностью мысленно возвращали зрителя к педагогическому коллективу из фильма «Доживем до понедельника». Например, в фильме «Чучело» (1983, режиссер Р. Быков) — беспомощная и никчемная Маргарита Ивановна в исполнении Е. Санаевой; в фильме «Дорогая

Елена Сергеевна» (1988, режиссер Э. Рязанов) — растерянная перед жизнью и профессией, сдававшая Елена Сергеевна в исполнении М. Неёловой.

В фильме «Вам и не снилось» (1980, режиссер И. Фрэнз) учительница в исполнении Е. Соловей слабая и бесхарактерная. Все ее усилия ни к чему не приводят. Скорее ученики поддерживают ее, чем она их. Безликий учитель в исполнении А. Гуськова из фильма «Плюмбум, или Опасная игра» (1986, режиссер В. Абдрашитов) понимает, что ученик сильнее и самодостаточнее его. Ученица (М. Зудина) влюбляет в себя немолодого учителя (С. Любшин) в фильме «Забавы молодых» (1987, режиссер Е. Герасимов). Этот ряд примеров можно было бы продолжить, но именно семантическое начало конструирования образа учителя в кинематографе 80-х гг. нашло отражение в тенденциях кинематографа XXI в. в контексте развития педагогической темы.

В современном кинематографе учитель представлен как живой человек, лишенный власти над душами и умами детей. Чаще всего этот образ имеет ярко выраженную отрицательную оценку либо показывается в негативном ракурсе. В фильме «Все умрут, а я останусь» (2008, режиссер В. Гай Германика) учителя представлены как некая биомасса. Режиссер лишает их не только индивидуальности, но и личности как таковой. Единственный персонаж, на котором сделан акцент, — учитель математики. Этот образ структурирован так, что и внешне, и внутренне отталкивает и вызывает неприязнь: некрасивая и толстая «учителька», не любящая детей и совсем не владеющая материалом, но болезненно относящаяся ко всем замечаниям.

Такими будут представлены учителя и во всех сериях сериала «Школа» того же режиссера. Создается устойчивое впечатление, что В. Гай Германика не занимается анализом современной школьной ситуации. Режиссер даже не пытается показать примеры учителей-антиподов. Она просто транслирует в своих фильмах свое собственное представление об учителе, который и с человеческой, и с профессиональной точки зрения ей ненавистен.

Из современных сериалов о школьной жизни можно отметить «Простые истины» (1999–2003, режиссеры В. Шмелев, Е. Старков, А. Замятин, Ю. Беленький), «Кадетство» (2006–2007, режиссеры С. Арланов, В. Козловский, П. Игнатов), «Приколы на перемене» (2007–2008, режиссеры В. Рудниченко, И. Широков), «Закрытая школа» (2011–2012, режиссеры О. Ассадулин, К. Статский, А. Новосельцев, К. Максимов, М. Горобец, А. Записов, А. Зеленков, С. Пищиков) и др. Образ учителя в них неоднозначен и противоречив. Ученики испытывают к своим педагогам самый широкий спектр чувств: они могут их обманывать и не уважать, могут пытаться найти с ними общий язык и взаимопонимание.

Как отмечает Н. Б. Кириллова, «...современная экранная культура, проникая во все сферы человеческой жизни и формирующая массовое сознание, стала эффективным механизмом репрезентации мифа» [Кириллова, с. 64]. Кинематограф, наряду с другими информационными каналами (телевидение, интернет и др.), влияет на формирование системы ценностей, моделируя представление человека о мире. Именно таким образом и складывается миф, который

видоизменяется в зависимости от общественных тенденций. В данном контексте изменились общественные парадигмы — изменилось отношение носителей массового сознания к образу педагога и его роли в обществе.

Таким образом, в современном кинематографе каждый режиссер проецирует свой собственный опыт и творит миф, который предстает «внутренним Апокалипсисом» [Кириллова, с. 64] каждого зрителя, поскольку, теряя почву в реальности, он не обретает ее в экранном мифе.

Из всей бесконечной вереницы фильмов, где учителя откровенно высмеиваются, их унижают и они сами готовы унижить кого угодно, можно выделить два фильма, где при минимуме положительно сформулированных качеств учитель показан как живой человек, к которому возможно испытывать симпатию. Это фильмы «Географ глобус пропил» (2013, режиссер А. Велединский) и «Клинч» (2015, режиссер С. Пускепалис). Учитель литературы Федоров в исполнении А. Серебрякова и учитель географии Служкин в исполнении К. Хабенского представляют людей, у которых больше недостатков, чем достоинств. Оба глубоко пьющие, разочарованные в жизни, но в них есть какая-то готовность к подвигу. Им по определенным причинам доверяют ученики, и они способны пойти ради своих подопечных на жертву.

В случае с фильмом «Географ глобус пропил» Служкин-Хабенский представляет собой типаж «гнилого интеллигента». В какую эпоху ни жил бы подобный персонаж, у него всегда будет непонятное образование, множество рефлексий на тему несовершенства мира, нелюбящая жена, какая-то странная девочка, которая навяжет учителю эмоции своей первой любви. С профессиональной и человеческой точки зрения Служкин еще одна ипостась «бессмертного» учителя истории Мельникова («Доживем до понедельника»), т. е. один из вариантов сценария жизни человека с принципами, но непоследовательного труса, слова и поступки которого только заводят его в тупик. Служкин стал географом, будучи биологом, в школу попал случайно. Федоров («Клинч») и вовсе мечтал стать писателем, а в итоге преподает в школе литературу, не стесняясь выпивать прямо на уроке. Он попадает в абсурдную ситуацию. Загадочная девица, которая оказалась его бывшей ученицей, преследуя Федорова по непонятным причинам, выхватывает у него портфель со школьными тетрадками. Фильм наполнен абсурдными ситуациями, полон алогичных моделей поведения, но в нем есть определенная глубина. Основной подтекст — человек не умеет воспользоваться данным ему талантом, в том числе и талантом Учителя.

Ряд фильмов стал своеобразным посланием от советского кинематографа. Это «Розыгрыш» (2008, режиссер А. Кудиненко), который является прямым и практически дословным повторением одноименного фильма 1976 г., а также «Чучело 2» (2010, режиссер С. Кузнецов), поставленный по произведению В. Железникова, но по сути являющийся ремейком фильма «Игры мотыльков» (2003, режиссер А. Прошкин).

Самыми важными и знаковыми фильмами о взаимоотношениях учитель — ученик в современном кинематографе являются «Ученик» (2016, режиссер

К. Серебренников), «Училка» (2015, режиссер А. Петрухин), «Класс коррекции» (2014, режиссер Иван И. Твердовский). В них нет идеализации и намеренного компромата. Они пытаются проанализировать контекст взаимоотношений внутри конкретной ситуации, характерной именно для данного отрезка времени.

Если в советском кинематографе образ учителя видоизменялся на протяжении всей его истории, то в современных российских фильмах создается однозначный, с негативной оценкой, персонаж, который имеет индивидуальное начало, но абсолютно лишен развития: «...можно сказать, что образ преподавателя в российском кино, с одной стороны, стал более человечным, чем в том же советском кино, но в то же время его стали наделять отрицательными качествами, отмечая положительные. При этом в некоторых фильмах и сериалах прослеживается попытка показать все негативные стороны нашей жизни. Но проблема в том, что таких фильмов с каждым годом становится все больше и больше, тогда как фильмов с позитивным настроем, в которых образ преподавателя является скорее положительным, чем отрицательным, очень мало» [Цветков, Тимакова, с. 218–219].

Исходя из оценки образа учителя современными режиссерами, этот персонаж невозможно назвать Героем, поскольку он не совершает значительных поступков на благо общества, у него небогатый внутренний мир и сомнительные моральные ориентиры. Он лишен стремления к постижению истины и не умеет вступать в социальные контакты. В современном кинематографе учитель не является носителем ни отрицательных, ни положительных качеств, он тот феномен, который в литературе обозначен как «человек без свойств». По мысли М. А. Шараповой, «обозначение того или другого персонажа Героем возможно, если таковым его делают значительные поступки, признаваемые обществом. Вместе с тем сущность героя распознается не только в результате его действий, но и благодаря раскрытию его внутренней жизни, взглядов, нравственных ориентиров и духовных стремлений» [Шарапова, с. 34].

На протяжении всей истории советского кинематографа образ учителя претерпевал значительные изменения. В 1930-е гг. его задача была убедить учеников в неправильности их моделей поведения, а через убеждение изменить мир к лучшему. В 1940-х гг. учитель мифологизирован, он представляет собой идеального человека, близкого к совершенству. В 1950-е гг. учитель начинает сомневаться в правильности своих решений, все более очеловечиваясь. В 1960-е гг. после появления фильма С. Ростюцкого «Доживем до понедельника» возникает новая модель взаимоотношений учителя с миром и с учениками, что найдет свое отражение в других фильмах о школе. Многие черты персонажа из фильма Ростюцкого усматриваются и в современной интерпретации этого образа: семейная неустроенность, закрытость, ощущение внешнего мира как враждебного, невозможность полной самореализации. Учитель — человек, далекий от идеала, но он — живой, и это оправдывает его поступки, заставляет зрителя сострадать, сопереживать и прощать его несовершенство. Только необходимо отметить, что сам Мельников (герой из фильма «Доживем до понедельника») и персонажи, подобные ему, не хотят мириться с тем, что мир и окружающие люди далеки

от совершенства. Можно утверждать, что именно после выхода на экраны фильма «Доживем до понедельника» полностью изменился подход к образу учителя. Благодаря персонажу, которого играет В. Тихонова, кинематограф и зритель начинают понимать, что учитель может быть человеком, далеким от идеала. Но вместе с тем советский кинематограф «постпонедельниковской» эпохи был согласен прощать педагогу тот грех, что он живой и имеет недостатки, свойственные большинству людей.

В современном кинематографе учитель стал собирательным образом общественного зла, в нем переплелись все пороки, которые когда-либо и кому-либо были свойственны. Это новый уровень мифа. Выход из данной ситуации видится не в возвращении кинематографа к идеализированному образу учителя, а в тщательном и заинтересованном изучении лучших образцов советского кинематографа, что нужно и необходимо делать в рамках школьной программы.

Антитин А. С., Дорничева Е. Д. Сравнительный анализ образа педагога в советском и современном кинематографе // Актуальные проблемы социогуманитарного образования: сб. ст. / под науч. ред. Т. С. Дороховой, Е. В. Донгаузер. Екатеринбург, 2019. С. 20–25.

Аркус Л. Ю. Приключения белой вороны: эволюция школьного фильма в советском кино // Сеанс. 2010. 2 июня. URL: <https://seance.ru/articles/whitecrow/> (дата обращения: 15.01.2022).

Кириллова Н. Б. Миф и мифотворчество в экранной культуре как новой парадигме коммуникации // Вестн. культуры и искусства. 2019. № 3(59). С. 56–66.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2001. 558 с.

Митина Т. С. Образ учителя в советском кинематографе периода «оттепели» // Симбир. науч. вестн. 2015. № 4 (22). С. 150–156.

Федоров А. В. Советские и российские фильмы и сериалы о школе и вузе (фильмографии) // Кино-театр.ру. 25.05.2017. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/art/kino/4730/> (дата обращения: 10.01.2022).

Цветков Д. В., Тимакова А. Ю. Образ преподавателя в современном российском кинематографе // Молодежь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии. 2017. № 2. С. 215–219.

Чельшьева И. В. Герменевтический анализ отечественных игровых фильмов школьной проблематики. Москва ; Берлин, 2019. 139 с.

Шарапова М. А. О трансформации образа героя в отечественном кино // Вестн. ВГИК. 2012. № 11. С. 34–43.

Шипулина Н. Б. Образ учителя в советском и современном российском кинематографе // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2010. № 8 (52). С. 4–16.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023 г.

Научная статья

УДК 008:791.43 + 004.92:791 + 004.928 + 778.534.6

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.035

ВИЗУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК STOP-MOTION АНИМАЦИИ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ В СОЗДАНИИ ЭКРАННОГО ОБРАЗА

Наталья Борисовна Кириллова¹

Валерия Юрьевна Лебедева²

^{1,2}Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

¹n.b.kirillova@urfu.ru;

<https://orcid.org/0000-0002-9187-7080>

²v.s.lebedeva.s@mail.ru

А н н о т а ц и я. Объектом исследования в статье является сравнительный анализ визуального языка объемных видов stop-motion анимации и компьютерной 3D-графики, активно влияющего на создание образов экранной культуры. Авторы отмечают, что визуальные эффекты объемной stop-motion анимации являются своеобразной протоформой компьютерной 3D-графики, которая в последние десятилетия активно используется в создании спецэффектов в кино. Опираясь на методы культурно-исторического и семиотического анализа, авторы рассматривают эволюцию визуального языка анимации, прошедшей путь от традиций рисованной и кукольной мультипликации до полифункциональных техник компьютерной анимации, способствующих формированию многомерных образов современной экранной культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: stop-motion анимация; визуальный язык; компьютерная 3D-анимация; CGI-графика; экранная культура; экранный образ; экранные спецэффекты

VISUAL LANGUAGE OF STOP-MOTION ANIMATION AND COMPUTER GRAPHICS IN CREATING A SCREEN IMAGE

Natalia B. Kirillova¹
Valeria Yu. Lebedeva²

^{1,2}*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

¹n.b.kirillova@urfu.ru;

<https://orcid.org/0000-0002-9187-7080>

²v.s.lebedeva.s@mail.ru

A b s t r a c t. The object of the research in the article is a comparative analysis of the visual language of three-dimensional types of stop-motion and computer 3D animation, which actively influences the creation of images of screen culture. The authors note that the visual effects of volumetric stop-motion animation are a kind of proto-form of 3D computer animation, which has been actively used in the creation of special effects in cinema in recent decades. Relying on the methods of cultural-historical and semiotic analysis, the authors consider the evolution of the visual language of animation, which has gone its way from the traditions of hand-drawn and puppet animation to multifunctional computer animation techniques that contribute to the formation of multidimensional images of modern screen culture.

К e y w o r d s: stop-motion animation; visual language; 3D computer animation; CGI graphics; screen culture; screen image; screen special effects

Введение

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, тем, что анимация, как и кинематограф в целом, своим рождением и развитием обязана синтезу искусств и технологическому прогрессу. Особую популярность она приобретает благодаря своеобразному языку, который вследствие высокой степени условности удовлетворяет потребности зрителя в моделировании «другого мира» с помощью иносказательных и символических конструкций, воображения, абстрактного и ассоциативного мышления. Об этом писал известный теоретик кино И. В. Вайсфельд, отмечая, что «в искусстве мультипликации гораздо больше жанров и художественных возможностей, чем в игровом кинематографе» [Вайсфельд, с. 125]. Анимационное произведение эволюционировало от «аттракциона», развлекательной формы до образно-выразительного произведения аудиовизуального искусства, воздействующего на чувства зрителя благодаря структурно сложной драматургии, ярким персонажам и своеобразному языку. Язык анимационного фильма строится на визуализации метафор, на экспрессивно-чувственном и алогичном мышлении с помощью взаимодействия символов и абстрактных образов. «Язык — это упорядоченная коммуникативная (служащая для передачи информации) знаковая система», — писал во введении к «Семиотике кино» Ю. М. Лотман [Лотман, 1998, с. 288], предпринявший попытку определить специфику языка мультипликации.

Исследователь отметил, что его (языка) «исходное свойство состоит в том, что он оперирует знаками знаков: то, что проплывает перед зрителем на экране, представляет собой изображение изображения» [Лотман, 1993, с. 142]. Язык анимации складывается, прежде всего, из *движения, времени и пространства*. Время и движение анимационного фильма — рукотворное создание авторов. А пространство и время в анимации выражаются через движение. В динамике развития анимационного образа именно движение формирует характеристики времени и пространства. Следует отметить, что в основе языка анимации лежат те же принципы, что и в основе языка киноискусства в целом, которые отвечают за создание функционально-эстетических объектов и экранной образности: кадр, монтаж, темпоритм, цвет и свет, построение мизансцен и др. На язык анимации, несомненно, оказывает влияние техника и определенные художественные методы, с помощью которых создано анимационное произведение. Исходя из сказанного, данное исследование представляет собой сравнительный анализ эстетических особенностей и специфики визуального языка двух анимационных технологий — stop-motion и компьютерной 3D-анимации как основных форм современной аудиовизуальной культуры.

Результаты исследования

Мотивация к исследованию и сопоставлению эстетических особенностей и визуального языка объемных видов stop-motion анимации и компьютерной 3D-анимации обусловлена несколькими причинами. Прежде всего, это вызвано тем, что stop-motion анимация является одной из традиционных форм анимации, стоявших у истоков развития кинематографа, которая все еще не потеряла своей релевантности, в то время как компьютерная 3D-графика становится новым средством создания экранного образа. По словам одного из крупнейших российских исследователей анимации Н. Г. Кривули, она «из узкоспециального инструмента превратилась в новую область аудиовизуальной культуры, обладающую своими выразительными возможностями, которые формируют новую виртуальную, дигитальную экранную эстетику» [Кривуля, с. 262]. С другой стороны, теории и практики кино и анимации в своих работах, посвященных изучению трансформации специальных визуальных эффектов, нередко сопоставляют функционально-эстетические характеристики объемных видов stop-motion анимации и компьютерной 3D-анимации. Исследователи отмечают, что по мере того как специальные эффекты графики CGI становятся более визуально сложными, stop-motion анимация претерпевает перепрофилирование в качестве специального эффекта, который имеет свой собственный визуальный язык и собственный эмоциональный резонанс в качестве особого элемента в более широком словаре кинотехники [Purves].

Многие зарубежные исследователи (Е. С. Р. Сауза, Дж. Шэдболт, К. Васселеу, К. А. Приб, Б. Пурвс, Р. Гизен и др.) в своих научных публикациях при обсуждении выразительных возможностей stop-motion анимации часто включают

трехмерную компьютерную графику в качестве предмета для сравнения, в то время как в работах других ученых [Манович; Орлов, 1993, 1995; Manovich; Power] компьютерная 3D-анимация занимает независимое положение в пространстве аудиовизуальной культуры как новая форма развития визуального языка произведения. Положение stop-motion анимации, которая практически утратила свою автономность в XXI в., связано с тем, что зачастую она находит свое применение лишь в комбинации с новейшими цифровыми технологиями. Этот вопрос — в центре дискуссий международных научно-практических конференций 2012–2017 гг., посвященных анимации как феномену культуры. Как отмечала на одной из конференций художник-постановщик М. В. Курчевская, «использование компьютерных технологий значительно упростило процесс анимации, но это не всегда идет на пользу изобразительному решению фильма» [Анимация как феномен, с. 295]. По ее словам, компьютер, оставаясь лишь «умной» машиной, становится причиной массового выпуска красивых, но сделанных при этом по одному клише фильмов: «...компьютерный снег, дождь, сияние солнца, прочие спецэффекты, predeterminedенные машиной, упрощают не только создание, но и само художественное решение фильма» [Там же]. Таким образом, практики призывают к расширению использования разных техник и фактур, ссылаясь при этом на объемную анимацию с ее уникальным визуальным языком и значительным арсеналом выразительных средств и стилистических решений.

Рассматривая эстетические особенности и язык анимационного фильма, отметим, что stop-motion анимация когда-то была важной композиционной техникой для создания визуальных эффектов в нескольких фильмах, таких как «Затерянный мир» (1925) Г. О. Хойта, «Кинг-Конг» (1933) М. Купера, «Новый Гулливер» (1935) А. Птушко, «Тайна острова Бэк-Кап» К. Земана (1958) и др. Покадровая анимация как метод визуального эффекта в кино постепенно исчезала, поскольку ее заменяли созданные компьютером объемные изображения: к примеру, цифровые динозавры в «Парке юрского периода» (1993) С. Спилберга [Pribe]. Это изменение вернуло stop-motion анимацию в ее эстетическое ядро — тактильное ручное повествование, существовавшее в кино более века. Особенности «масштаба, перспективы, конструкции, материалов, декораций и характеристик персонажей», как отмечает Дж. Шэдболт, являются основой эстетики покадровой анимации, тем самым обеспечивая «уникальную форму фантазии, которую трудно анализировать, поскольку она создает атмосферу мира грез, а не фальшивой реальности» [Shadbolt]. Исследователь также считает, что сильными сторонами stop-motion анимации являются ее «потусторонность» и «инаковость» [Ibid.], что дает возможность использовать эти свойства в анимационных фильмах ужасов.

Эталонами эстетики компьютерной анимации 1980–1990-х гг., по мнению Л. Мановича, являются «плавность» и «сложность» [Manovich]. Более того, исследователь подчеркнул, что «при рассмотрении механизмов профессионального отличия в области компьютерной анимации эстетические стандарты функционируют так же, как и технические стандарты» [Ibid., p. 24]. Образец стандартных плавности и сложности можно увидеть в эффектах компьютерной

3D-анимации в фильме Б. Левинсона «Молодой Шерлок Холмс» (1985), где оживает рыцарь из витража. Л. Манович также отмечает, что на рубеже XX–XXI вв. технологическое развитие компьютерной 3D-анимации привело к созданию «виртуального реализма» [Манович, с. 248]. Таким образом, развитие компьютерной 3D-анимации было обусловлено стремлением к мимесису и реализму, в том числе через конструирование фотореалистичных изображений. В качестве примера можно привести фильм «Аватар» Дж. Кэмерона (2009), в котором осуществлен синтез реального и виртуального [Power].

Цифровые процессы графики CGI представляют собой формы моделирования каких-то физических свойств и связаны с мельчайшим воспроизведением эффектов реальной жизни, что приводит к эстетике, определяемой алгоритмами, отражающими сложность процесса цифровизации. «Виртуальный реализм» в трехмерной компьютерной графике постепенно смещается в сторону «виртуального натурализма», который направлен на то, чтобы повествование на экране стало «правдоподобным» для зрителя [Ibid., p. 37]. Таким образом, становится очевидным, что «правдоподобие» компьютерной 3D-графики контрастирует с «потусторонностью» и «инаковостью» — эстетическими особенностями stop-motion анимации.

Следует отметить, что для того, чтобы провести сравнительное исследование эстетических особенностей и визуального языка объемных видов stop-motion анимации и компьютерной 3D-графики, необходимо установить общие для этих двух типов анимации критерии. Прежде всего, и stop-motion анимация, и трехмерная компьютерная графика являются формой выразительного, эмоционального искусства. В связи с этим следует провести равноценный анализ каждой из исследуемых техник анимации, используя два блока характеристик: физические и тактильные качества, совершенства и несовершенства результатов каждой из анимаций.

Физические и тактильные качества stop-motion анимации и 3D-графики

Очарование покадровой анимации заключается в ее рукотворном воплощении, физическом прикосновении аниматора к декорациям и существам [Purves]. Свою выразительность объемные виды stop-motion анимации реализовали «посредством физических манипуляций в процессе своего воплощения» [Ibid., p. 232]. Б. Пурвс писал, что ключ к эмоциональной силе марионеток «содержится в физическом манипулировании частями их тела, а не в выразительности их черт» [Ibid.]. Выразительность stop-motion анимации зависит от ее визуальной тактильности — чувства телесности и осязания. Особенности тактильной визуализации трехмерной покадровой анимации рассматривались в ряде научных публикаций [Орлов, 1993; Giesen; Souza; Vasseleu]. Так, К. Васселеу считает, что тактильное ощущение может быть «метафорой проникновения внутрь субъекта, в частности, способности вызывать эмоции» [Vasseleu]. «Осязание», полученное от реального материала и текстуры, представляет собой выразительный язык покадровой анимации, который отличается от компьютерной 3D-анимации. Кроме

того, использование процесса ручной работы, как и физическое прикосновение художников к реальному объекту — это обращение к осязанию зрителей через зрение [Souza]. Несовершенство stop-motion анимации из-за «ощущения ручной работы» может соединить зрителя с материальной реальностью того мира, в котором он живет [Purves]. Физическое вмешательство человека, а также мастерство и деликатность в преобразовании декораций в кадре привносят ощущение ручной работы в покадровую анимацию и предлагают зрителям более богатую материальность и текстуры, которые «просятся потрогать» [Priebe]. Таким образом, материальность и текстура, как считает Е. С. Р. Сауза, являются ключом к «осязанию» — тактильному виду stop-motion анимации [Souza].

По мнению П. Пауэра, вопросы «реализма и натурализма», как и идеи мимесиса, и искусства «имитации реальности», считаются более важными в 3D-анимации и технологиях компьютерной графики, чем «эстетическая и художественная условность» [Power]. Эстетическая привлекательность работы обычно проявляется в «физических» кадрах художника, таких как отпечатки пальцев, штрихи других «воплощенных жестов» в анимационной конструкции, тогда как 3D-анимация, созданная компьютером, обычно «индексно дегуманизирована из-за отсутствия таких качеств». Вот почему термин «натурализм» более всего отражает «технологическое стремление к правдоподобию в 3D-анимации» [Ibid., p. 108]. Техника трехмерной компьютерной анимации строит свою «физичность» за счет этого, стремясь сделать объекты и сцены правдоподобными. Тогда как тактильность в компьютерной 3D-анимации также достигается за счет использования различных компьютерных материалов и текстур. Интересно, что некоторые анимационные студии, чтобы добиться естественности жестов, создают физические объекты, маркированные фигурки персонажей до того, как приступить к созданию анимации с помощью компьютерного программного обеспечения. Это подтверждает, что визуальная «физичность» считается важной характеристикой трехмерной компьютерной графики. Что касается поиска реализма, то фильм «Пиноккио» (1940) У. Диснея значительно опередил появление «виртуального реализма» как технологии трехмерной компьютерной графической анимации.

В отличие от stop-motion анимации задача трехмерной компьютерной графики состоит в том, чтобы создать «правдоподобный объект». А «отсутствие гравитации» является самой распространенной проблемой, возникающей в результате реализации компьютерной 3D-анимации.

Совершенство и несовершенство результатов анимации

При просмотре анимационных фильмов, выполненных в технике stop-motion, эмоции зрителей связаны с несовершенством физического объекта, разрывом между движением и неподвижностью. Это ощущение несовершенства сокращает дистанцию между экраном и зрителем. Более того, этот промежуток дает зрителям пространство для «общения» с анимацией. Таким образом, несовершенство рассматривается как «прелесть» покадровой анимации [Purves]. В случае с компьютерной 3D-графикой недостатки не ассоциируются с обаянием, а рассматриваются

как неудача. Эффект «зловещей долины» (понятие, заимствованное из исследований робототехники японским ученым Масахиро Мори в 1970 г.) точно определяет явление, когда, по мнению П. Пауэра, «анимация выглядит очень реалистично, но не совсем реально». Технический недостаток, пусть даже небольшой, заставляет мозг фиксировать едва уловимое несоответствие, приводящее к потере эмоциональной вовлеченности или даже к отталкиванию. Исследователь привел несколько примеров таких «зловещих долин» в фильмах «Последняя фантазия: Духи внутри» (2001) и «Полярный экспресс» (2004) [Power].

Однако несовершенство не всегда является достоинством в покадровой анимации, если оно связано с какой-либо технической проблемой. Об этом свидетельствует раннее развитие stop-motion анимации, которой было сложно удерживать аудиторию на «эмоциональном уровне» в течение длительного времени из-за низкого качества картинки/движения [Priebe]. Внедрение цифровых 3D-технологий оказывает все большее влияние на создание и эффект современной stop-motion анимации.

Выводы

Подводя итоги исследования, отметим, что не существует универсального алгоритма для проведения сравнительного анализа визуального языка объемных видов stop-motion анимации и компьютерной 3D-графики, тем более что развитие этих двух технологий преследует разные цели и задачи. Известное утверждение о том, что анимация является одной из самых выразительных форм аудиовизуального искусства, позволило нам сформулировать те характеристики, которые являются основой выразительности двух главных видов современной анимации. При этом совершенство или несовершенство их технологий помогает увидеть главное в самом поиске нового художественного языка произведения. Тем более если речь идет о роли визуального языка в создании разнообразных художественных образов анимационных фильмов как важной составляющей аудиовизуальной культуры и их конкурентной способности на гигантском рынке современной экранной продукции.

Анимация как феномен культуры : материалы междунар. науч.-практ. конф. 2012–2017 гг. / под общ. ред. д-ра филос. наук Т. П. Ванченко. М., 2018. 416 с.

Вайсфельд И. В. Искусство в движении. Современный процесс: исследования, размышления. М., 1981. URL: https://project.orenlib.ru/litmap/up/person/flash/vaisfeld/vaisfeld_iskusstvo_v_dvijanii/mobile/index.html#p=3 (дата обращения: 17.01.2023).

Кривуля Н. Г. Аниматология: Эволюция мировых аниматографий : в 2 ч. М., 2012. Ч. 2. 392 с.

Лотман Ю. М. О языке мультипликационных фильмов // Избр. ст. : в 3 т. Таллин, 1993. Т. 3. С. 323–325.

Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 288–372.

Манович Л. Язык новых медиа. М., 2018. 400 с.

Орлов А. М. Духи компьютерной анимации: (Мир электронных образов и уровни сознания). М., 1993. 105 с.

Орлов А. М. Аниматограф и его анима: Психогенные аспекты экранных технологий. М., 1995. 384 с.

Giesen R. Puppetry, Puppet Animation and the Digital Age. N. Y., 2019. 139 p.

Manovich L. “Real” Wars: Esthetics and Professionalism in Computer Animation. 1991. URL: http://manovich.net/content/04-projects/167-lev-manovich-all-articles-1991-2007/lev_manovich_all_articles_1992_2007.pdf (date of access: 02.03.2023).

Priebe A. K. The Advanced Art of Stop-Motion Animation. 2010. URL: https://vk.com/doc114556091_438375288?hash=ieJh5uUm1A2Zy88cNlpZ8Qh0ogpAJPkHdenqBLpS6vD (date of access: 04.03.2023).

Power P. Animated Expressions: Expressive Style in 3D Computer Graphic Narrative Animation // Animation. 2009. № 4(2), July. P. 107–129. DOI: 10.1177/1746847709104643

Purves B. Stop Motion: Passion, Process and Performance. Oxford, 2008. 370 p.

Shadbolt J. Parallel Synchronized Randomness: Stop-motion Animation in Live Action Feature Film // Animation Studies. 2013. 9 July. URL: <https://journal.animationstudies.org/jane-shadbolt-parallel-synchronized-randomness-stop-motion-animation-in-live-action-feature-films/> (date of access: 07.02.2023).

Souza E. C. R. Beyond Materiality in Animation: Sensuous Perception and Touch in the Tactile Existence of “Would a Heart Die?” : Research Paper / Southern Illinois University Carbondale. URL: https://opensiuc.lib.siu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1349&context=gs_rp (date of access: 07.02.2023).

Vasseleu C. Tactile Animation: Haptic Devices and the Svankmajer Touch // The Senses and Society. 2015. Vol. 4, iss. 2. P. 141–162. DOI:10.2752/174589309X425102

Статья поступила в редакцию 24.03.2023 г.

Научная статья

УДК 008:130.2 + 392.81 + 641/642 + 613.2

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.036

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

Мария Владимировна Капкан

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

m.v.kapkan@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8316-8145>

А н н о т а ц и я. В статье с опорой на методологию социального конструктивизма анализируется специфика пищи как объекта нематериального культурного наследия. Обобщая исследования европейских историков, автор дает характеристику основным факторам причисления тех или иных артефактов гастрономической культуры к объектам нематериального культурного наследия, уделяя особое внимание факторам терруара, традиции и сохранения идентичности. С точки зрения практики экспертизы, патримонизация артефактов выстраивается на пересечении эмпирических исторических данных и актуального идеологического запроса. Выявленные закономерности и проблемы уточняются на примере российской гастрономической культуры. Автор приходит к выводу, что одной из существенных проблем экспертной оценки гастрономической культуры в России оказывается отсутствие гастрономической рефлексии, т. е. устойчивой традиции ресторанной критики и авторитетных кулинарных книг. Также препятствием на пути развития экспертизы культурного наследия является сосуществование нескольких противоречивых образов прошлого в современной российской культуре.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гастрономическая культура; культурное наследие; культура повседневности; патримонизация; экспертиза; нематериальное культурное наследие; культура питания

GASTRONOMIC CULTURE AS AN OBJECT OF CULTURAL HERITAGE: PROBLEMS OF EXPERT ASSESSMENT

Maria V. Kapkan

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
m.v.kapkan@urfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8316-8145>*

Abstract. Based on the methodology of social constructivism, the paper analyzes the specifics of food as an object of intangible cultural heritage. Summarizing the studies of European historians, the author characterizes the main factors in classifying artifacts of gastronomic culture as objects of intangible cultural heritage, paying particular attention to the factors of terroir, tradition, and identity preservation. From the point of view of the practice of expertise, the patrimonization of artifacts is built on the intersection of empirical historical data and the current ideological demand. The revealed regularities and problems are specified on the case of the Russian gastronomic culture. The author concludes that one of the essential problems of expert evaluation of gastronomic culture in Russia is the lack of gastronomic reflection, that is, a stable tradition of restaurant criticism and authoritative cookbooks. Another obstacle to the development of cultural heritage expertise is the coexistence of several conflicting images of the past in contemporary Russian culture.

Key words: gastronomic culture; cultural heritage; everyday culture; heritagization; expertise; intangible cultural heritage; alimentary culture; foodways

Введение

В последнее десятилетие пища и связанные с ней практики часто становятся объектами нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Начало этому процессу было положено еще в 2010 г. включением в данный список французского обеда, традиционной мексиканской кухни и средиземноморской диеты. С тех пор к этому исходному набору регулярно добавляются новые элементы, последним из которых на данный момент стал французский багет. Даже этот краткий перечень примеров обнаруживает разнообразие гастрономических артефактов, потенциально подлежащих патrimonизации, и свидетельствует о том, что фактически результатом этого включения оказывается сохранение не просто вкусов, продуктов и блюд, но и целого комплекса культурных значений, сопряженных с определенной пищевой традицией. Иными словами, более корректно говорить о стремлении к сохранению не только и не столько практик приготовления и потребления пищи как таковой, сколько определенного типа повседневной культуры и соответствующих ей ценностей, репрезентируемых в том числе через еду.

Эти процессы подтверждают изменение статуса культуры повседневности как в академической, так и в прикладной сфере. Однако в силу специфики

данного типа культуры ее экспертная оценка вызывает определенные сложности, поскольку выработка надежных и устойчивых критериев включения тех или иных ее феноменов в корпус культурного наследия затруднена. Культура повседневности не может быть определена исключительно через набор объективных параметров, ведь, как отмечают классики исследований повседневности, даже отнесение того или иного явления, процесса, объекта к сфере повседневного или неповседневного — неизбежно субъективный акт, обусловленный как личным опытом индивида, так и актуальными социокультурными конвенциями их противопоставления [Вальденфельс].

В данной статье в качестве примера, обнаруживающего сложность и неоднозначность оценки артефактов культуры повседневности, выбрана гастрономическая культура. Под этим термином мы понимаем систему «правил, предписаний и образцов, определяющих: а) способы приготовления пищи (кулинарную культуру), б) набор принятых в данной культуре продуктов и их сочетания, в) практику потребления пищи (культуру принятия пищи), а также г) рефлексию над вышеперечисленными феноменами и процессами» [Капкан, Лихачева, с. 42]. Цель нашего исследования — выявить критерии и проблемы экспертной оценки гастрономической культуры как объекта нематериального культурного наследия. Несмотря на то что артефакты российской гастрономической культуры не входят в список культурного наследия ЮНЕСКО, само это отсутствие можно считать в определенной степени показательным, поскольку анализ его причин позволяет определить неявные закономерности патримонизации.

Проблематика культурного наследия регулярно оказывается в фокусе научных исследований. При этом специфика вопроса делает его предметом интереса со стороны как культурологов и философов [Баторов, Шлыкова; Мазенкова; Майорова], так и правоведов и юристов. Вместе с тем проблематика пищи как объекта нематериального культурного наследия остается слабо разработанной в отечественной науке. Редкими, а потому значимыми исключениями становятся статьи, посвященные специфике патримонизации той или иной гастрономической традиции [Turkenich, Vershinina]. Однако основное внимание исследователей сосредоточено на сущностных характеристиках культурного наследия и тех свойствах его объектов, которые трактуются как имманентные. Подобный подход может быть продуктивен при анализе эмпирических данных и конкретных примеров, но не позволяет критически оценить принципы и механизмы процесса причисления тех или иных артефактов к категории объектов культурного наследия.

Перечисленные методологические ограничения побуждают обратиться к опыту европейских историков, исследующих в различных аспектах проблему патримонизации пищи и подчеркивающих конструируемый характер культурного наследия. Особый интерес в данном контексте представляют работы Л. Бьенассиса, А. Гейзен и Л. Ди Фиоре. На пересечении их подходов и выстраивается исследовательская стратегия нашего исследования.

Культурное наследие как конструкт: механизмы и факторы формирования

Уже в 1980-е гг. Пьер Нора, говоря о всерасширяющемся значении памяти и наследия в культуре, отмечал: «От очень ограниченной концепции исторических памятников вместе с конвенцией об исторических местах 1972 г. совершается резкий переход к понятию, от которого теоретически ничто не должно ускользнуть» [Нора, с. 31]. Действительно, в эволюции категории наследия, и в частности культурного наследия, обнаруживаются постоянные попытки найти баланс между возможностью потенциально определить как объект наследия любой артефакт культуры и попытками выработать четкие критерии, кодифицирующие этот процесс, иными словами — между субъективными и объективными факторами патримонизации.

Официальное определение, предложенное ЮНЕСКО, трактует нематериальное культурное наследие как «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, — признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия» [Основные тексты Международной конвенции..., с. 5]. Уже в этом определении прослеживается двойственная природа данного типа наследия. С одной стороны, эти культурные формы наделены материальной оболочкой, которая может быть оценена в терминах техник, технологий, процедур, т. е. подлежит исторической верификации. С другой стороны, мотивировка включения тех или иных артефактов в число объектов культурного наследия предполагает обязательное объяснение актуальных функций и социальных и культурных значений объекта для сообщества [Aide-mémoire for completing a nomination..., с. 29], что неизбежно требует обращения к ценностным и символическим аспектам, которые не могут быть интерпретированы однозначно и, более того, связаны с переосмыслением прошлого с позиций современности [Bienassis].

Исходя из этого, было бы некорректно оценивать идентификацию тех или иных артефактов в качестве объектов культурного наследия как процесс объективного признания их ценности, обусловленного внутренними закономерностями. Не случайно исследователи все чаще подчеркивают «процессуальный характер перевода пищи в термины наследия», поскольку в целом наследие представляет собой «не естественную или во всяком случае онтологическую целостность, но, скорее, продукт механизмов апроприации, запущенных определенными группами, сообществами, обществами» [Di Fiore, с. 162]. Отталкиваясь от этой идеи, можно рассматривать включение пищи в список культурного наследия как политический процесс, обусловленный идеологическими причинами, и отражение социокультурной ценностной динамики. Предлагаемый конструктивистский подход весьма эвристичен при анализе логики причисления тех или иных артефактов к объектам культурного наследия.

Для выявления основных критериев признания пищи объектом нематериального культурного наследия обратимся к концепциям, объединенным бельгийской

исследовательницей Аннеке Гейзен общим понятием *heritage turn* по аналогии с другими поворотами в гуманитарной науке последнего столетия¹. Эта сравнительно новая исследовательская тенденция охватывает различные подходы к осмыслению пищи как материальной сущности, через которую выстраивается связь настоящего и прошлого и которая выступает способом присутствия прошлого в настоящем. Среди форм, которые может принимать этот процесс, выделяются как те, что имеют существенное значение лишь для определенных стран и регионов, так и те, которые в большей или меньшей степени применимы почти повсеместно. Соответственно, и конечная цель бытования этих форм варьирует от обыденного стремления сохранить традиционные практики, блюда, продукты и вкусы к созданию идеализированного образа прошлого [Geysen, p. 94–95]. Особое место в репертуаре этих форм занимает официальное признание тех или иных пищевых практик охраняемыми элементами наследия определенного общества или сообщества. Суммируя наблюдения А. Гейзен, можно выделить несколько наиболее универсальных критериев оценки артефактов гастрономической культуры как потенциальных объектов культурного наследия.

Одним из ключевых критериев патримонизации продуктов и блюд служит связь пищи и территории, которая воплощается в понятии «терруар». Как гласит первое и наиболее классическое определение терруара, данное французским институтом INAO, он представляет собой «ограниченное географическое пространство, на котором сообщество людей в ходе истории создало коллективное знание о производстве, основанное на системе взаимодействий между физико-биологической средой и совокупностью человеческих факторов» (цит. по: [Di Fiore, p. 163]). Однако уже здесь проявляется двойственный характер данного критерия, поскольку, как явствует из определения, терруар не ограничивается сугубо природными характеристиками местности, но включает также тип хозяйства, особенности производственного цикла, сложившиеся методы возделывания почвы, селекции сортов растений и пород животных и т. д. Таким образом, терруар охватывает гео-социальные и культурно-исторические аспекты территории, объединяя природные особенности с результатами специфической человеческой деятельности. Этот критерий проверяется данными географов, историков, в определенной степени этнографов, а потому можно считать его относительно объективным. Однако, как справедливо замечают исследователи, в современном мире терруар становится в большей степени частью маркетинговой стратегии, нежели подлинным элементом прошлого [Grandi], что не позволяет признать его критерием, базирующимся исключительно на объективных основаниях.

Следующий значимый критерий патримонизации пищи — это традиция. Именно сохранение кулинарных привычек, как семейных, так и коллективных, декларируется в качестве одной из основных целей признания артефакта объектом культурного наследия. Регулярно повторяющееся в различных контекстах обозначение определенных блюд как «бабушкиных рецептов» и «кухни предков»

¹ О концепте «поворотов» в гуманитарных науках см. подробнее: [Бахманн-Медик].

акцентирует как раз этот аспект. Однако за редкими исключениями кулинарная практика весьма изменчива и зависит от технологических, сырьевых и социокультурных факторов. Достаточно вспомнить, что у каждого классического блюда есть несколько «единственно правильных» версий приготовления. Это подтверждают и историки пищи, свидетельствуя, что любое «аутентичное» блюдо фактически представляет собой исторический и культурный конструкт, искусственную и произвольную фиксацию одного из многочисленных вариантов, бытовавших на протяжении столетий, и предпочтение того или иного рецепта или технологии фактически отражает не столько традицию как таковую, сколько соответствие того или иного образа традиции текущей социокультурной ситуации и идеологическим запросам [Sutton].

Это наблюдение заставляет обратиться к еще одному критерию, который непосредственно связан с культурными аспектами и заявлен в качестве важнейшего в уже процитированной «Конвенции...», — это сохранение идентичности. Идентификационная функция является одной из родовых функций гастрономической культуры, позволяя как на ритуальном, так и на повседневном уровне провести базовое культурное разграничение «мы — они» [Капкан]. В последние десятилетия идентификационная функция обретает все большую актуальность как способ противодействия глобализации и макдональдизации культуры [Fischler]. Сам по себе рост интереса к наследию возникает как следствие глобальных социальных трансформаций последнего столетия и ответ на новую социокультурную реальность, в которой привычные способы самоидентификации с общностью перестают работать. Однако какая идентичность формируется и поддерживается процессами патримонизации? Что выступает в качестве ее основания — историческое, географическое, конфессиональное, событийное единство? Будет ли это идентичность, восходящая к сравнительно недавнему историческому опыту или декларирующая «возвращение к истокам»? Само возникновение этих вопросов подтверждает, что критерий отбора объектов нематериального наследия оказывается переменной, отражающей культурный, политический, идеологический контекст и, в свою очередь, требующей оценки. В решении этих вопросов необходимо обращение к проблематике коллективной памяти и ее изменчивости.

Таким образом, совокупность объективных и субъективных критериев гастрономической культуры как особой сферы культурного наследия предполагает оценку как самой кулинарной практики в сугубо технологическом смысле, так и работу с ее семантическим ореолом.

Гастрономическая культура России: проблемы идентификации и идентичности

Сложность применения этих критериев на практике хорошо иллюстрирует пример российской гастрономической культуры. Несмотря на то что она не представлена в списке нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, данный вопрос актуален для России на общенациональном уровне. В российском списке

нематериального культурного наследия присутствует восемь объектов, непосредственно входящих в сферу гастрономической культуры. Это выпечка шанег на Мезени, технологии приготовления традиционной пищи у западных адыгов, приготовление каравая на «кукушкины именины» в селе Почаево Грайворонского района Белгородской области, технология изготовления традиционного блюда «катанка» в селе Россошь Репьевского района Воронежской области, традиционные технологии хлебопечения в селе Козинка Грайворонского района Белгородской области, традиционная праздничная трапеза духовоборов Ростовской области, а также весеннее и зимнее обрядовое печенье Гороховецкого района Владимирской области [Нематериальное культурное наследие...]. С одной стороны, этот список отражает актуальную конъюнктуру (2022 г. был объявлен в Российской Федерации Годом культурного наследия народов России) и сформирован преимущественно по этнографическим критериям. С другой стороны, возникает вопрос о признании значимости этих объектов для национальной идентичности. Безусловно, эти артефакты находятся под угрозой исчезновения в силу угасания традиционной сельской культуры, в определенной степени они существенны для территориальной/этнической идентичности, но они не обладают узнаваемостью на общенациональном уровне.

На наш взгляд, было бы неверно считать такой выбор объектов культурного наследия случайным или ситуативным. Этот пример вскрывает более глубинные проблемы, связанные с экспертной оценкой российской гастрономической культуры и со спецификой применения критериев патримонизации, которые были перечислены выше.

Первая из проблем — это отсутствие консенсуса, как общественного, так и академического, по вопросу о сущности русской (российской?) кухни. Закономерно, что спорной оказывается даже номинация: речь идет о кухне титульной нации или о гастрономических традициях территории? Это, в свою очередь, придает особую важность связи пищи и локуса ее производства и потребления. Исходя из этого факта, можно было бы предположить, что существенным, хотя и не единственным фактором патримонизации пищи в России служит именно терруар. Однако это лишь внешнее впечатление. Фактически внимание к территории не подкреплено никакими мероприятиями по сохранению оригинальных природных характеристик (так, очевидны изменения, связанные с заменой сортов и пород, изменением состава почвы под воздействием удобрений, загрязнением воды и пр.). Следовательно, связь пищи и территории оказывается в данном случае сугубо символической и не подтверждается объективно. С точки зрения практики экспертизы, такой уклон в сторону территориально-этнической идентичности обусловлен традиционной дисциплинарной принадлежностью российских исследований пищи преимущественно к сфере этнографии. С точки зрения символических значений культурного наследия, эта тенденция призвана, скорее, продемонстрировать разнообразие и изобилие страны через мозаику блюд и гастрономических практик, зачастую неведомых среднестатистическому россиянину.

Вторая проблема обусловлена многонациональным характером российской культуры и ее имперским прошлым, что проблематизирует традицию и ее оценку в качестве фактора патримонизации. Какие из традиций, технологий, блюд и ритуалов можно считать исконно русскими/российскими, а какие — результатом культурной апроприации? Наряду с конструированием царского, имперского и крестьянского российского прошлого (что на новом уровне актуализирует формулу графа Уварова «православие, самодержавие, народность») важную роль в построении идентичности играет и советский пласт истории. Именно с ним связывается чувство ностальгии (в том числе и воображаемой), которое служит одной из важнейших опор идентичности [Бойм]. Дополнительную сложность создают дискретный характер развития российской культуры и регулярные разрывы с предшествующими ценностными ориентирами и практическим опытом, в результате чего задача сохранения традиций превращается в их воссоздание, а фактически — конструирование. Разумеется, подобное ретроспективное «изобретение традиции», механизмы которого подробно проанализированы Э. Хобсбаумом [Hobsbawm], свойственно многим обществам, однако в российской культуре почти перманентный характер этого процесса приводит к сосуществованию конкурирующих образов прошлого и, как следствие, различных ценностных шкал, с которыми должно быть соотнесено культурное наследие.

Наконец, вернемся к структуре гастрономической культуры. Она конституируется триадой «кулинарная культура — культура принятия пищи — гастрономическая рефлексия». Применительно к вопросам экспертизы и патримонизации первые два элемента соотносятся соответственно с понятиями терруара и традиции. Что касается гастрономической рефлексии, то она может быть представлена в разных формах: это философия пищи, гастрономическая публицистика, ресторанный критика, кулинарные книги — иными словами, все те дискурсивные практики, которые не только отражают конкретные техники, рецепты и блюда, но и формулируют представления о сущности и назначении пищи, иерархии вкусов, национальной пище. Стоит заметить, что в целом отношение к пище в российской культуре всегда было уважительным, но чрезмерное внимание к ней оценивалось негативно. Такое восприятие пищи сохраняется до сих пор и служит одним из препятствий к символической валоризации гастрономической культуры. Ибо суждения, подобные распространенной поговорке «щи да каша — пища наша», не проблематизируются на уровне здравого смысла и фактически не являются существенным основанием идентичности (заметим, что идентичность в подобных случаях чаще формируется в негативном ключе — «не наша пища», — нежели в позитивном).

На наш взгляд, именно отсутствие сформированной гастрономической рефлексии становится существенным препятствием в экспертной оценке российской гастрономической культуры и ее артефактов. В данном случае речь идет даже не о ресторанной критике или других специализированных формах профессиональной деятельности, а о специфическом статусе поваренных книг. Фактически в российской культуре отсутствуют кулинарные книги, которые признавались

бы всеми как основа национальной кухни и сохранялись бы в качестве таковых на протяжении нескольких поколений, не принося «прошлое в жертву поискам своеобразия», как точно охарактеризовали подобную ситуацию итальянские историки пищи [Капатти, Монтанари, с. 56]. «Подарок молодым хозяйкам» Е. Молоховец воспринимается в современной России исключительно как историческое свидетельство эпохи, не связанной с настоящим временем. «Книга о вкусной и здоровой пище» является скорее фактом идеологии и эстетики (см.: [Юрлова]), нежели частью повседневного опыта, на котором выстраивается актуальная идентичность. Российские поваренные книги были и остаются главным образом источником прикладной, процедурной информации, а не каналом трансляции экспертного знания, формирующим представления о национальной кухне. Это также затрудняет поиск убедительных символических оснований для оценки тех или иных блюд как элементов культурного наследия, а не просто фактов истории повседневности.

Выводы

Анализ культурного наследия с позиций социального конструктивизма, подчеркивающего процессуальность и релятивность самого понятия «наследие» и его критериев, вскрывает значимость ценностно-идеологических параметров оценки его объектов. Патримонизация культурных артефактов неизбежно связана с конструированием определенного образа прошлого, соответствующего социокультурным запросам общества и актуальной политической повестке, и предполагает оценку не только и не столько объективных характеристик, но и их символического значения.

Применительно к гастрономической культуре конструируемый характер культурного наследия проявляется в фиксации определенного образа прошлого через выбор одного из исторических вариантов рецептов, технологий, вкусов и утверждения его в качестве единственно верного. Анализ теории и практики патримонизации позволяет выделить основные критерии и факторы, способствующие отнесению артефактов к категории нематериального культурного наследия, а именно терруар (связь пищи и территории), традицию и сохранение идентичности. Способность артефакта репрезентировать один или несколько из перечисленных факторов оказывается ключевой для его патримонизации.

Несмотря на отсутствие артефактов российской гастрономической культуры в списке объектов всемирного культурного наследия, сходные процессы патримонизации наблюдаются на национальном уровне. В этом отношении показателен внутривнутрироссийский список объектов нематериального культурного наследия, в который включены артефакты гастрономической культуры, отражающие этническое, территориальное и конфессиональное разнообразие России. Такой подход к отбору артефактов, с одной стороны, соотносится с идеей полиэтнического государства, история которого представлена как сохранение и развитие уникальности каждого этноса. С другой стороны, современная политическая и социокультурная

повестка все настойчивее утверждает имперский образ российского прошлого, и эта концепция также получает воплощение в предложенном списке, репрезентируя богатство государства через размеры и неоднородность его территории.

Помимо сосуществования противоречащих друг другу образов прошлого, сложность экспертной оценки элементов гастрономической культуры в России обусловлена отсутствием сформированного института кулинарной критики и общепризнанных авторитетных поваренных книг, а также неартикулированностью самой фигуры эксперта в данной области. Кроме того, развитию экспертного знания в сфере гастрономической культуры препятствует традиционная для российской культуры негативная оценка чрезмерного внимания к пище.

Гастрономическая культура как объект культурного наследия в очередной раз иллюстрирует небанальность обыденных вещей, которую акцентируют исследователи повседневности. Она представляет собой сложный комплексный феномен, оценка которого требует консолидированных усилий специалистов разного профиля и актуализирует ряд общекультурологических проблем — от изобретения традиции до этнической и национальной идентичности и политики памяти. Сложность ее экспертной оценки обусловлена сочетанием объективных и субъективных критериев. Если первые (реконструкция технологий, вкусов, ритуалов) могут быть верифицированы в ходе исторических и этнографических исследований (хотя степень объективности остается дискуссионной в силу постоянной изменчивости самих практик), выработка методики оценки вторых (ценностной привязки к идентичности) представляет собой задачу, на данном этапе не решенную, однако весьма актуальную и перспективную.

Баторов А. Р., Шлыкова О. В. Дигитализация культурного наследия Арктики // Вестн. АГИКИ. 2020. № 1. С. 178.

Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017.

Бойм С. Будущее ностальгии. М., 2019.

Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М., 1991. С. 39–50.

Капатти А., Монтанари М. Итальянская кухня. История одной культуры. М., 2006.

Капкан М. В. Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России XIX–XX веков) : дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2010.

Капкан М. В., Лихачева Л. С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2008. № 55. С. 34–43.

Мазенкова А. А. Культурное наследие как самоорганизующаяся система : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2009.

Майорова Н. В. Государственная политика по сохранению историко-культурного наследия: на примере культурного наследия Приморского края: 1945–2005 гг. : дис. ... канд. культурологии. Владивосток, 2006.

Нематериальное культурное наследие: традиционные технологии России // Культура. РФ : сайт. URL: <https://www.culture.ru/traditions/culture-heritage/technology/location-russia> (дата обращения: 11.10.2022).

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. Париж, 2018. URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-_2018_version-RU.pdf

Юрлова С. В. «Книга о вкусной и здоровой пище»: сравнительный анализ структурно-морфологических изменений // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2016. № 4. С. 184–190.

Aide-mémoire for completing a nomination to the representative list of the intangible cultural heritage of humanity for 2016 and later nominations. URL: https://ich.unesco.org/doc/src/ICH-02-2016_aide-mémoire-EN.doc (date of access: 10.10.2022).

Bienassis L. Les chemins du patrimoine: de Notre-Dame au camembert // Manger en Europe. Patrimoines, échanges, identités. Brussels, 2011. P. 45–91.

Di Fiore L. Cibo e patrimonio, una questione politica // Cucina politica. Bari, 2021. P. 162–174.

Fischler C. Food, self and identity // Social Science Information. 1988. № 2. P. 275–292.

Geyzen A. Food studies and the *heritage turn*: a conceptual repertoire // Food and History. 2014. Vol. 12, № 2. P. 67–96. <https://doi.org/10.1484/J.FOOD.5.108963>

Grandi A. Denominazione di origine inventata: Le bugie del marketing sui prodotti tipici italiani. Milano, 2003.

Hobsbawm E. Introduction: inventing traditions // The invention of tradition / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. N. Y., 2013. P. 1–14.

Sutton D. E. Remembrance of repasts. An anthropology of food and memory. Oxford ; New York, 2006.

Turkenich D. R., Vershinina A. R. Japanese cuisine as a world cultural heritage site // Учен. заметки ТОГУ. 2021. Т. 12, № 4. С. 100–103.

Статья поступила в редакцию 20.01.2023 г.

Научная статья

УДК 821.161.1.09(571) + 316.25:165.612 + 338.48:82

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.037

ЛИТЕРАТУРНО-ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «ОмскЛитераТур» КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Оксана Владимировна Автюхова¹

Юлия Ринатовна Солодовникова²

^{1,2} Омский государственный технический университет,
Омск, Россия

¹Makarova_ob@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6070-5817>

²Solodovnikova.yuli@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9842-3295>

А н н о т а ц и я. В статье прослежено соотношение тенденции сохранения устойчивой культурной традиции с процессом популяризации литературного наследия Омского региона посредством создания сайта, подготовки новых экскурсий, систематизации литературного контента. Проект «ОмскЛитераТур» позволил обратить внимание на проблему сохранения и продвижения культурного наследия. В ходе исследования было проведено входное тестирование на знание омского литературного наследия, был составлен реестр литературных экскурсионных объектов, разработаны сценарии литературных видеоэкскурсий, взяты интервью и т. д. Основное внимание в исследовании-проекте было уделено молодежи как перспективной аудитории для трансляции культурных традиций. На основе изучения литературного творчества Омского региона сделаны выводы о взаимосвязи трансляции и сохранения культурных ценностей как элементе сохранения культурного наследия в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литературное наследие; культурная традиция; литературный туризм; Омский регион; достопримечательности; литературные объекты; «ОмскЛитераТур»; экскурсия; поэт; писатель

Б л а г о д а р н о с т и. Проект «ОмскЛитераТур» получил грантовую поддержку Омского нефтеперерабатывающего завода в рамках программы социальных инвестиций «Родные города» компании «Газпром нефть» и был реализован на базе Омского государственного технического университета.

LITERARY AND TOURIST PROJECT “OmskLiteraTur” AS A WAY TO PRESERVE CULTURAL TRADITION

Oksana V. Avtyukhova¹

Yulia R. Solodovnikova²

^{1,2} Omsk State Technical University,
Omsk, Russia

¹ Makarova_ob@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6070-5817>

² Solodovnikova.yuli@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9842-3295>

Abstract. The article traces the tendency of correlation between the preservation of a stable cultural tradition and the process of popularization of the literary heritage of the Omsk region through creation of a website, creation of new excursions, and systematization of literary content. The analysis of the conducted research allowed us to make a conclusion about the importance of information promotion. The project “OmskLiteraTur” allowed to draw attention to the problem of preservation and promotion of cultural heritage. In the course of the study, an entrance test was conducted for knowledge of the Omsk literary heritage, a register of literary excursion objects was compiled, scenarios of literary video tours were developed, interviews were taken, etc. The main emphasis in the research project was placed on young people as participants of the project, as a promising audience for broadcasting cultural traditions of a literary nature. Based on the study of the literary creativity of the Omsk region, conclusions were drawn about the process of the relationship between translation and preservation.

Key words: literary heritage; cultural tradition; literary tourism; Omsk region; sights; literary objects; “OmskLiteraTur”; excursion; poet; writer

Acknowledgments. The OmskLiteraTur project received grant support from the Omsk Oil Refinery as part of the Gazprom Neft’s Hometowns social investment program, and was implemented on the basis of the Omsk State Technical University.

Введение

Литература играет важную роль в нашей жизни: с ее помощью мы погружаемся в яркие миры и пространства, стимулируем наше воображение и мыслительную деятельность, учимся чему-то новому, четко определяем для себя, что хорошо, а что — плохо. Литературные произведения воздействуют на общество, на формирование определенных традиций и устоев [Курьянова].

Литература — это то, что передается из поколения в поколение. Сохранение литературного наследия можно назвать устойчивой культурологической традицией [Веденин, Шульгин]. Важной задачей культуры, ее представителей является сохранение, культурная аккумуляция литературного наследия, а также популяризация историко-литературного богатства региона посредством литературного туризма.

В последнее время обозначился целый ряд исследований культурного наследия в самых различных направлениях и смыслах. Степень научной разработанности данной проблемы носит междисциплинарный характер. Отметим наиболее значимые подходы к изучению феномена культурного наследия: философский (Г. Гегель, Ф. Ницше, О. Шпенглер, А. Белый, Н. А. Бердяев, Ф. Ф. Зелинский и др.); культурологический (С. С. Аверинцев, В. С. Библер, Г. С. Кнабе, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман и др.); эстетико-искусствоведческий (М. В. Алпатов, М. С. Каган и др.). Общим для этих исследователей является выделение ценностно-смыслового характера культурного наследия.

По мнению А. Б. Гуловой и Н. В. Сидоровой, культурное наследие не только хранит, но и транслирует ценности от поколения к поколению, формируя специфическую ментальность народа [Гулова, Сидорова].

Е. Н. Селезнева определяет термин «наследие» как «разработку морфологии культурного наследия, его структуры и динамики, что покажет возможности использования объектов прошлого в современной культуре, позволяет удостоверить собственную культурную идентичность» [Селезнева].

Литературное наследие выступает составляющей культурного наследия. А. А. Корнеева в своей статье утверждает, что внедрение культурного наследия, в том числе литературного, в городскую среду является одним из средств обретения культурной идентичности, поднятия культурного уровня населения и создания положительных перемен в жизни горожан [Корнеева].

Взаимосвязь литературного туризма и литературного наследия региона

Вопросам развития литературного туризма посвящены немногочисленные теоретические и практические исследования. Анализом проблем и перспектив развития литературного туризма в регионах России, а также за рубежом занимались К. В. Асламова, Е. В. Винтайкина, А. Ш. Галустян, К. Е. Карасев, Т. А. Силаева, С. А. Гуров, Н. В. Страчкова, М. А. Алексеенко и другие ученые и практики туристской сферы [Гуров, Страчкова, Алексеенко].

В Великобритании, Франции, США такой вид культурно-познавательного туризма с каждым годом набирает обороты. Эти страны, богатые культурными достопримечательностями, все больше привлекают туристов — любителей литературы. Что касается России, то понятие «литературный туризм» еще не вошло в язык местных туроператоров, несмотря на то, что в Москве, и особенно в Санкт-Петербурге, постоянно проводятся экскурсии со скучными названиями «Петербург Достоевского», «Петербург Пушкина». Этим туроператоры и ограничиваются, хотя ареопаг российской словесности на этих писателях не заканчивается [Силаева].

Любая территория располагает в той или иной степени достаточными литературными ресурсами и объектами туристского показа (литературными

достопримечательностями), связанными с литературными произведениями, событиями в них происходящими, судьбами героев и памятными литературными местами.

Литературное наследие региона, являющееся уникальным богатством территории, может стать основой для литературного туризма. Вовлечение большого количества туристов в литературные туры будет способствовать популяризации литературного наследия. Региональный уровень трансляции такого материала поможет сформировать некую устойчивую культурологическую традицию.

Решение проблемы приобщения молодого поколения к литературному наследию Омского региона

С Омским регионом переплетены судьбы именитых деятелей литературы, которые известны не только в России, но и далеко за ее пределами. Среди них: Федор Михайлович Достоевский, Тимофей Белозеров, Павел Васильев, Леонид Мартынов, Роберт Рождественский, Сергей Залыгин, Петр Драверт, Антон Сорokin, Аркадий Кутилов, Егор Летов и многие другие [Фирсова].

В Омском регионе сохранилось много памятных мест, запечатлевших истории жизни поэтов и писателей, их творчества и литературных героев [Карасев, Мельникова].

С целью сохранения культурного и литературного наследия сотрудники и студенты кафедры «Туризм, гостиничный и ресторанный бизнес» Омского государственного технического университета реализовали проект «ОмскЛитераТур», который был поддержан грантом Омского нефтеперерабатывающего завода в рамках программы социальных инвестиций «Родные города» компании «Газпром нефть». Данный проект был направлен на решение проблемы приобщения молодого поколения к литературному достоянию региона на основе использования цифровых технологий, обеспечивающих сохранение литературного наследия и увеличение доступа к культурным ценностям.

Основными *целями* проекта являлись:

- повышение узнаваемости, популяризация и продвижение литературных брендов Омского региона;
- создание условий и инструментов для развития литературного туризма, повышение туристской посещаемости знаковых литературных мест Омского региона.

Для выполнения поставленных целей были сформулированы следующие *задачи*:

- консолидация литературного потенциала Омского региона;
- сбор максимально полной информации о тех писателях, чьи судьбы так или иначе были связаны с Омским Прииртышьем;
- разработка новых туристско-экскурсионных продуктов для разной целевой аудитории. На рис. 1 представлена блок-схема работы над проектом.

Рис. 1. Блок-схема работы над проектом «ОмскЛитераТур»

Ход реализации проекта

Первый этап работы был посвящен процессу сбора и обработки имеющейся информации о писателях и поэтах, оставивших след в литературной истории Омска. В результате был составлен реестр литературных экскурсионных объектов с привязкой к конкретному деятелю искусства. Реестр включал следующие данные: автобиографическую справку; период пребывания писателя в Омске; наименование и описание объектов или интересных фактов; название наиболее известных произведений и т. д. (выдержка из реестра представлена на рис. 2). В целом удалось собрать информацию по 9 писателям: А. Сорокину, Р. Рождественскому, Е. Летову, Ф. Достоевскому, А. Кутилову, П. Драверту, Т. Белозерову, Л. Мартынову, П. Ребрину. Полученные материалы стали основой для создания авторских экскурсий. Входное анкетирование, проведенное среди молодежи в интернет-пространстве, позволило понять, что вызывает интерес, и определить направление дальнейших исследований. Были организованы тандемные краеведческие интервью с родственниками писателей, встречи с современными писателями — литературные гостиные.

A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K
Литературный деятель	Автобиографическая справка в том числе ключевые произведения (500–700 знаков)	Пост 1 ((биография+чту+картина+фо+графия+видео))	Период пребывания в Омске	памятные места, объекты	Наименование и описание объекта (архитектор, дата строительства) интересные факты об объекте; (500–1000 знаков)	Связь с литературным деятелем, произведением, посвященные объекту или произведению, где упоминается объект (фрагмент текста, цитата)	Названия произведений и ТЕКСТЫ (фрагменты текстов) обязательная библиографическая ссылка / ссылка на электронный ресурс	сохранность, охрана (охраняется законом и пр.) – федеральное/региональное значение	фотоархив (исторические фотографии (с указанием авторства) + настоящее время – только своя фотография)	наличие папки/памятной доски в Омске (да/нет), в том числе – место захоронения
Сорокин Антон Саввичев	https://docs.google.com/https://drive.google.com/	1892–1928	https://docs.google.com/https://docs.google.com/	https://docs.google.com/https://docs.google.com/	https://docs.google.com/https://docs.google.com/	https://docs.google.com/https://docs.google.com/	1) Дом Сорокина – Лермонтова 28 А 2) Музей Врубеля (корпус Торговый городской) – Ленина 3 3) Здание военного собрания – Партзанского 12 4) Здание управления ЖД – Карла Маркса 35	– Мемориальная доска на доме Антона Сорокина (Лермонтова 28 А) – Момент Антону Сорокину (Красный путь 133/1) – Памятный камень на входе литераторов (бульвар Мартьянова)		

Рис. 2. Реестр данных о литературных объектах

Было любопытно узнать о том, какие писатели родились и выросли в Омске или Омской области, а какие провели в городе лишь какое-то время, однако оставили неизгладимый след в его истории и литературе.

Информационное пространство формировалось за счет популяризации собранного материала, его распространения посредством социальных сетей и интернет-ресурсов. С этой целью была создана страница в социальной сети «ВКонтакте», а также макет сайта «ОмскЛитераТур», который был наполнен необходимым контентом (скриншот одной из страниц представлен на рис. 3). Сайт «ОмскЛитераТур» сегодня функционирует, пополняется новым контентом, модернизируется.

Поскольку материала было собрано достаточно много, был составлен подробный медиаплан, согласно которому регулярно публиковались посты, посвященные биографиям, творчеству писателей и памятным объектам. Коллектив кафедры и студенты, обучающиеся на направлении подготовки 43.03.02 «Туризм», посещали памятные места, делали фотографии объектов литературного наследия Омского региона, искали необычные или ранее неизвестные факты о писателях и поэтах [Березовский]. На рис. 4 представлен скриншот поста, посвященного Роберту Рождественскому, в котором помещена биография писателя, указаны вехи его творчества и основные произведения.

Поскольку одной из подзадач проекта являлось продвижение литературного наследия, необходимо было определить исходную основу – то, с чем нужно было работать и в каком направлении. Основной акцент в исследовании-проекте был сделан на молодежь как перспективную аудиторию для трансляции культурных традиций.

В процессе исследования было проведено входное тестирование на знание омского литературного наследия. Тестирование было проведено при помощи гугл-анкеты

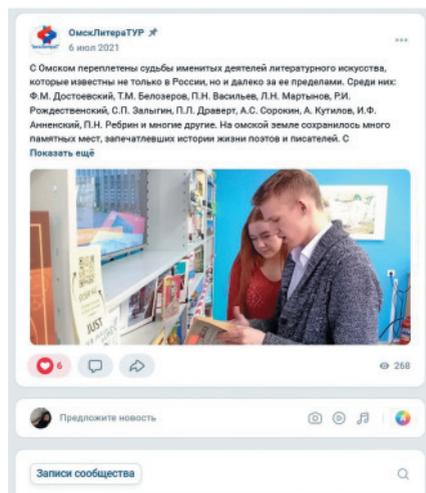

Рис. 3. Страница «ОмскЛитераТур» во «ВКонтакте»

Курсы доп. образования Литературный туризм Итоги конкурса «Иммерсивные туры, экскурсии, event-мероприятия»

Роберт родился 20 июня 1932 года в деревне Косиха Западно-Сибирского края (в настоящее время — Алтайский край). Вскоре его отца, Станислава Никодимовича Петкевича, кадрового офицера, перевели в село Новотроицкое Щербакульского района Омской области, и семья некоторое время жила там. А когда Роберту было около двух лет, они вместе с отцом, матерью Верой Павловной Федоровой и бабушкой Надеждой Алексеевной Федоровой переехали в город Омск.

Роберт жил в городе Омске с начала 1934 г. по июнь 1944 г. Впоследствии во многих своих поэтических произведениях поэт вспоминает детские годы, проведенные в Омске, делится впечатлениями военных лет.

Детские годы Роберта были сложными. В 1937 году родители Роберта развелись, а с началом войны ушли на фронт. Папа Роберта погиб в 1945 году. Роберт с начала войны остался с бабушкой. Бабушки не стало в 1943 году, и до 1944 года, пока его не забрала из Омска мама, Роберт жил здесь с тетей и двоюродной сестрой. Сначала мама повезла сына с собой на фронт, оформив как сына полка, однако по дороге, в Москве, она изменила своё решение, и Роберт попал в Даниловский детский дом. После окончания войны мама вышла замуж за однополчанина, Ивана Рождественского, который впоследствии усыновил ребенка и дал ему свою фамилию. Семья часто переезжала, жила в разных городах (Каунасе, Кенигсберге, Таганроге, Ленинграде и Петрозаводске).

Еще в детстве Роберт начал писать стихи и захотел стать поэтом. Его первое стихотворение «С винтовкой мой папа уходит в поход...» было опубликовано 8 июля 1941 года в газете «Омская правда». В конце 1940-х в петрозаводском журнале «На рубеже» стали выходить его стихотворения, посвященные природе. После окончания школы в 1950 году Роберт поехал в Москву поступать в Литературный институт, но поступил туда только со второго раза, успешно сдав экзамены в следующем году.

С 1952 года стихотворения Роберта стали печатать в газетах Москвы, а в 1955 году в Петрозаводске вышла первая книга поэта «Флаги весны». Роберт много публиковался в те годы и стал известным поэтом. Он стремился писать правдиво, не приукрашивая действительность. И в 1963 году на встрече с творческой интеллигенцией, где присутствовал Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев, стихотворение Роберта «Да, мальчишки», было расценено как

Рис. 4. Пост, посвященный Р. Рождественскому

и охватывало различные возрастные группы. Представим некоторые результаты анкетирования.

Так, на вопрос «Каких поэтов и/или писателей, связанных с Омским регионом, вы знаете («серьезных», детских, неформальных)?» значительное количество респондентов ответили, что знают Ф. М. Достоевского, который был осужден на четыре года каторги и отбывал наказание в Омске (доля упоминаний 13,9 %). Детский поэт Тимофей Белозеров, написавший более 60 книг, которые вышли общим тиражом около 16 млн экземпляров, упоминался 2,1 % респондентов (из 36 опрошенных человек); поэт-песенник, ведущий телепрограммы «Документальный экран», член жюри Каннского кинофестиваля Роберт Рождественский — 5,6 % респондентов; Леонид Мартынов — поэт, журналист, прозаик, публицист — 2,1 %; Е. А. Евтушенко — советский поэт, прозаик, публицист — 2,8 % и т. д.

Каторга изменила всю жизнь Ф. М. Достоевского, об этом впоследствии он напишет в своем произведении. Респондентам был задан вопрос, знают ли они, о каком произведении идет речь. Большинство (84,2 %) верно ответили на этот вопрос (результаты представлены на рис. 5).

Следующий вопрос был посвящен известным строкам: «Где-то есть город, тихий, как сон. Пылью тягучей по грудь занесен. В медленной речке вода, как стекло. Где-то есть город, в котором тепло...» [Рождественский], положенным в основу песни. У респондентов спросили, кто является автором этих стихов. Основная масса опрошенных назвала автора — Роберт Рождественский, однако не все знали, что автор провел свои детские годы в Омске (результаты ответов представлены на рис. 6).

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как называлось произведение Ф. М. Достоевского, созданное под впечатлением от пребывания в Омском остроге в 1850–1954 гг.?» (38 ответов)

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Кто является автором этих стихов, посвященных городу Омску: “Где-то есть город, тихий, как сон. Пылью тягучей по грудь занесен. В медленной речке вода, как стекло. Где-то есть город, в котором тепло. Наше далекое детство там прошло”? Детство этого известного поэта прошло в Омске, и своему городу детства он посвятил стихотворение, позже ставшее лирической песней» (39 ответов)

Ответы респондентов на вопрос о знаменитой фразе поэта Аркадия Кутилова представлены на рис. 7.

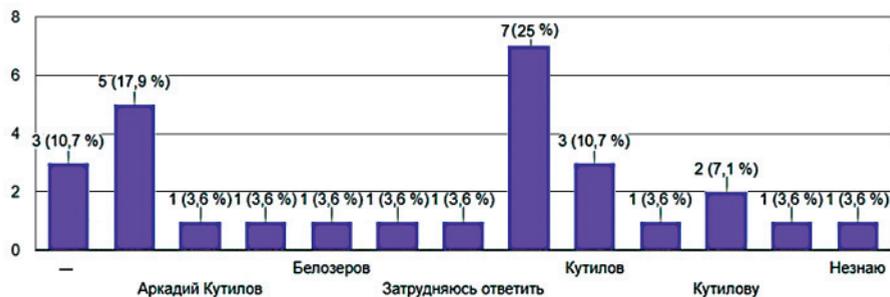

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какому поэту принадлежит знаменитая фраза: “Заря не зря, и я не зря, и зверь...”, воплощенная в виде арт-объекта, установленного в природном парке “Птичья гавань”? Музей этого поэта находится в школе № 95» (28 ответов)

Музыкальной легенде русского панк-рока, поэту Егору Летову, был посвящен следующий вопрос (рис. 8).

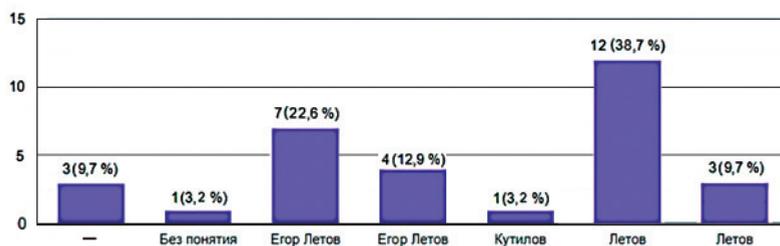

Рис. 8. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Назовите фамилию самого известного панк-рокера Омска, которого считают ключевой фигурой сибирского андеграунда» (31 ответ)

В целом результаты входного анкетирования показали необходимость популяризации литературного наследия региона, что было впоследствии реализовано.

Результаты исследования

Одной из основных и довольно трудоемких задач являлась разработка новых туристских продуктов для разной целевой аудитории. Для этого были спроектированы технологические карты и маршруты, а также апробированы и проведены пешие экскурсии. В качестве экскурсоводов выступали преподаватели и студенты кафедры.

К работе были привлечены студенты старших курсов направления подготовки «Туризм», которые занялись сбором дополнительного материала о литературных объектах и разработали интерактивные карты с проложенным маршрутом экскурсии по каждому писателю. На карты нанесены значимые объекты г. Омска, связанные с жизнью и творчеством писателей, показана схема маршрута (образец интерактивной карты, выполненный в программе Prezi, представлен на рис. 9). Изюминкой коллективной работы стали созданные студентами авторские видеоролики, которые были посвящены творчеству различных писателей и размещены на медиаплатформе ТикТок.

Затем началась активная работа над формированием экскурсионной группы и разработкой сценариев литературных видеоэкскурсий. Всего было организовано, снято и обработано 5 видеороликов, посвященных:

- творчеству Тимофея Белозерова и Роберта Рождественского;
- биографии и творчеству Егора Летова;
- биографии, творчеству Федора Михайловича Достоевского, памятным местам, связанным с ним;
- Леониду Мартынову и Антону Сорокину;
- памятным объектам литературного Омска (коллективная видеоэкскурсия, организованная студентами кафедры «Туризм, гостиничный и ресторанный бизнес»).

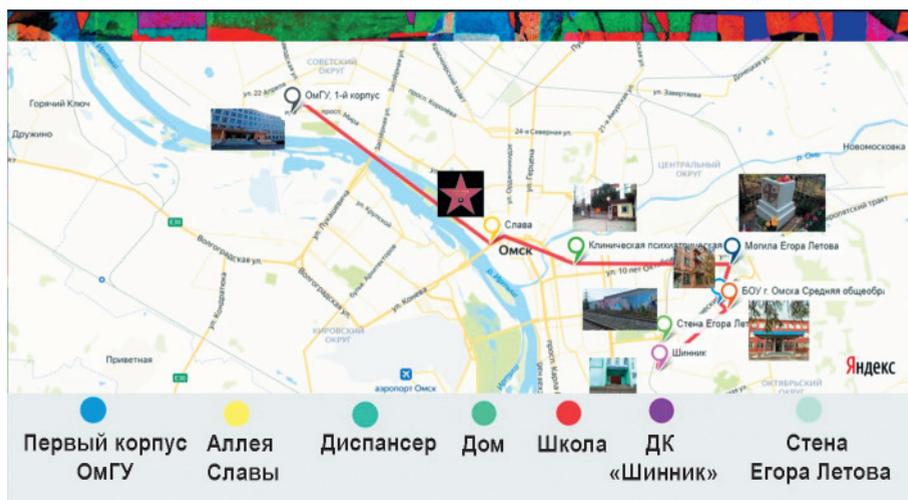

Рис. 9. Образец интерактивной карты

Также в рамках гранта были проведены интервью:

- со Светланой Юльевной Нейман, бабушка которой держала литературный салон, который посещал Леонид Мартынов;
- с преподавателем Виталием Николаевичем Демешко на тему литературного краеведения.

Организованы и проведены несколько литературных гостиных, посвященных жизни и творчеству писателей Омского региона. Объектами внимания стали такие известные авторы, как Роберт Рождественский, Антон Сорокин, Аркадий Кутилов. При анализе их творческого и жизненного пути внимание акцентировалось на омской топонимике в их поэзии, на их вкладе в русскую литературу и социально-политическую жизнь Омского региона.

Еще одним интересным мероприятием, осуществленным в рамках проекта «ОмскЛитераТур», была викторина, посвященная жизни и творчеству писателей, оставивших след в литературе Омска.

Заключение

В работе над проектом «ОмскЛитераТур» были достигнуты следующие результаты:

- учащиеся получили новую для себя информацию об историко-литературном туристском потенциале Омского региона;
- большое количество людей было вовлечено в изучение историко-литературного потенциала Омской области;
- расширилась информационная осведомленность целевой аудитории о жизни, творчестве омских писателей и о туристских объектах, связанных с их именами;

- активизировалось межотраслевое взаимодействие сферы культуры и туризма;
- появились авторские литературные маршруты, позволяющие проводить экскурсии;
- создан сайт «ОмскЛитераТур», популяризирующий литературный туризм в Омском регионе.

Изучение, накопление и систематизация материала по литературному наследию Омского региона, разработка новых творческих литературных экскурсий, использование литературных объектов и памятных мест в новой интерпретации, а также популяризация литературного наследия Омска будут способствовать выработке устойчивой традиции сохранения культурного наследия. Традиция приумножать и продвигать литературное наследие региона является одной из эффективных форм популяризации культурного наследия в целом.

Березовский Феохтист Алексеевич // Литературный Омск : сайт. URL: http://lib.omsk.ru/VIII_Resursy/8_4_bibl_prod/liter/avtors/avt2_8.htm (дата обращения: 10.02.2023).

Веденин Ю. А., Шульгин П. М. Основные положения современной концепции управления культурным наследием // Наследие и современность : информ. сб. М., 2002. Вып. 10. С. 7–18.

Гилова А. Б., Сидорова Н. В. Проблема актуализации культурного наследия // Огарев-online. 2016. № 11. URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/problema-aktualizacii-kulturnogo-naslediya> (дата обращения: 15.03.2023).

Гуров С. А., Страчкова Н. В., Алексеенко М. А. Литературный туризм: систематика и географические тенденции развития // Учен. зап. Крм. федер. ун-та имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2018. № 3. С. 3–16.

Карасев И. Е., Мельникова Е. В. Потенциал города Омска в контексте развития литературного туризма // Экономика сферы сервиса: проблемы и перспективы : материалы 5-й Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. С. Польшинского. Омск, 2019. С. 110–111.

Корнеева А. А. Выявление современного состояния региональных сетей литературных музеев в России и особенности работы над блоком статей о регионах для энциклопедии «Литературные музеи России» // Вопр. музеологии. 2022. Т. 13, № 1. С. 149–156.

Курьянова Т. С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 12–18.

Рождественский Р. Билет в детство : стих // РуСтих. URL: <https://rustih.ru/robert-rozhdestvenskij-bilet-v-detstvo/> (дата обращения: 08.02.2023).

Селезнева Е. Н. Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х гг. : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2004. 228 с.

Силаева Т. А. Литературный туризм как специализированный подвид культурно-познавательного туризма // Вестн. Рос. нового ун-та. Сер. : Человек и общество. 2013. № 2. С. 201–204.

Фирсова А. В. Литературный туризм как продукт культурного картирования // Вестн. Удмурт. ун-та. Биология. Науки о Земле. 2012. № 2. С. 142–148.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023 г.

Научная статья

УДК 616.89-008-055.1/.2 + 614.455 + 159.97 + 378.115.15

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.038

РАЗЛИЧИЯ СУИЦИДАЛЬНЫХ НАМЕРЕНИЙ СТУДЕНТОВ И СТУДЕНТОК

Михаил Владиславович Чумаков¹

Дарья Михайловна Чумакова²

¹ *Уральский федеральный университет,*

Екатеринбург, Россия,

mihail_chumakov@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4381-5133>

² *Курганский государственный университет,*

Курган, Россия,

ch-darya@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8763-0106>

А н н о т а ц и я. Проанализированы данные о половых различиях в суицидальных намерениях в связи с параметрами эмоционально-волевой сферы. К показателям эмоциональной сферы относятся стресс, настроение, оптимизм. Показателями суицидальных намерений являются суицидальные мысли и планы, а также суицидальные попытки (опросники М. Перре и др.). Выявлены статистически значимые различия в показателе суицидальных намерений между юношами и девушками. Уровень суицидальных намерений у девушек выше. Более высокий показатель суицидальных намерений у девушек может быть объяснен различиями в параметрах эмоционально-волевой сферы личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: половые различия; суицидальные намерения; стресс; настроение

DIFFERENCES IN SUICIDAL INTENTIONS AMONG FEMALE AND MALE STUDENTS

Mikhail V. Chumakov¹

Darya M. Chumakova²

¹*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,*

mihail_chumakov@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4381-5133>

²*Kurgan State University, Kurgan, Russia,*

ch-darya@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8763-0106>

Abstract. In the framework of the study data on gender differences in suicidal intentions in connection with the parameters of the emotional-volitional sphere are analyzed. The indicators of the emotional sphere include stress, mood, optimism. Indicators of suicidal intentions are suicidal thoughts and plans, as well as suicidal attempts. (questionnaires M. Perret and others). Statistically significant differences in the indicator of suicidal intentions between boys and girls were revealed. The level of suicidal intentions among girls is higher. A higher indicator of suicidal intentions among girls can be explained by differences in the parameters of the emotional-volitional sphere of the personality.

Key words: gender differences; suicidal intentions; stress; mood

В современной литературе по суицидологии много внимания уделяется проблеме суицидальных намерений и суицидальных попыток у учащихся. Интерес исследователей и общественности к проблеме вызван тревожными данными о росте числа суицидов среди школьников и студентов. Психологами системы образования предпринимаются значительные усилия по возможно более раннему выявлению суицидальных наклонностей и профилактике суицидов. Для выбора более обоснованных стратегий диагностики и профилактики требуется значительное число научных исследований, посвященных суицидальным факторам и взаимосвязям суицидальности с различными психологическими особенностями. Фактор пола является важным не только с научной, но и с практической точки зрения, так как позволяет дифференцировать стратегии профилактической работы. Особенно актуально выявление половых различий в суицидальных намерениях в студенческом возрасте, поскольку психологические службы университетов не так многочисленны, как школьные психологические службы, и нуждаются в эмпирических данных для выстраивания диагностической и коррекционной работы. По некоторым литературным данным, студенческие суициды имеют отличия. Например, крупные города, такие как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, характеризуются низкими индексами суицидов, если рассматривать население в целом, и самыми высокими индексами суицидов студентов [Розанов, Лаская, Шаболтас]. В нашем

исследовании рассматриваются студенты провинциальных университетов. Статистические данные свидетельствуют, что число суицидов в таких университетах ниже по сравнению с университетами в мегаполисах. Тем не менее профилактические меры необходимы. Не исключено, что неблагоприятные тенденции, проявляющиеся в крупных университетах в отношении суицидов, могут распространиться и на университеты меньшего размера. Высокий уровень суицидов в крупных университетах некоторые авторы объясняют трудностями адаптации к новым условиям жизни, финансовыми проблемами, характерными для приезжающих из других городов студентов [Хритинин, Паршин, Самохин]. В небольших университетах эти факторы также могут действовать в кризисные периоды развития социума. Кроме того, в небольшие университеты приезжают учиться студенты из сельской местности и им требуется адаптация. В университетах в целом наблюдается высокий уровень суицидальных переживаний и суицидальных попыток [Руженков, Руженкова; Смирнова, Алешкина, Кузьмина; Ivey-Stephenson, Demissie, Crosby]. Не менее существенно выявление взаимосвязей суицидальных намерений с другими характеристиками личности с целью объяснения половых различий в суицидальных намерениях. С нашей точки зрения, а также исходя из литературных данных, наиболее значимы параметры эмоционально-волевой сферы, такие как пониженный фон настроения, оптимизм, особенности переживания стресса и его копинг.

Негативное влияние стресса, в том числе академического стресса, на учащихся показано в ряде исследований [Турова, Каде, Величко]. Наше исследование направлено на подтверждение данных о взаимосвязи стресса и суицидальных намерений, а также на выявление половых различий в переживании стресса.

Ряд авторов отмечают взаимосвязь стресса, суицидальных мыслей и симптомов депрессии [Розанов, Рахимкулова, Уханова]. Связь суицидальных мыслей и переживаний с депрессией и стрессом выявляют ученые и других стран, например, Китая [Lew, Kölves, Osman et al.]. Наше исследование направлено на изучение параметров эмоционально-волевой сферы личности, которые в некоторой степени отражают симптомы депрессии, но не достигают степени выраженности, которая позволяла бы применять клинические термины. Речь идет о пониженном настроении, оптимизме, позитивном самонастроении, копинге стресса, длительности негативных эмоций, сопровождающих стресс, и т.д.

По некоторым данным, при сравнении мужских и женских суицидов наблюдается явное преобладание суицидов у мужчин [Уманский, Хохлов, Зотова и др.]. В нашей статье мы рассматриваем только завершённые суициды. В отношении суицидальных намерений картина может быть иной. С нашей точки зрения, вполне возможно, что суицидальные намерения у мужчин чаще переходят в действие, а суицидальные переживания более выражены у женщин.

Цель исследования: выявить половые различия в суицидальных намерениях у студентов университета в связи с половыми различиями параметров эмоционально-волевой сферы личности.

Гипотеза исследования: суицидальные намерения женщин студенческого возраста более выражены, чем суицидальные намерения мужчин.

Характеристика участников исследования: обследовано 1255 студентов университетов Курганской области в возрасте от 17 до 28 лет (средний возраст 20,1 года), из них 391 чел. мужского пола (31,2 %) и 864 чел. женского пола (68,8 %).

Процедура формирования выборки: в исследовании участвовали студенты различных направлений, уровень бакалавриата. Участие испытуемых в исследовании было добровольным и не финансировалось. Процедура формирования выборки состояла в привлечении большого количества участников для обеспечения репрезентативности. Выборка набиралась в течение 2016–2022 гг. Исследование проходило в анонимном формате.

Схема проведения исследования:

1. Заполнение анкеты со скрининговыми данными (пол, возраст, аффилированность к тому или иному вузу и направлению обучения).

2. Методики исследования: шкалы для диагностики суицидальных мыслей и действий и параметров эмоциональной сферы студентов (M. Perez, V. Plancherel, S. Seitz, A. Babounakis, A. Teuscher, N. Michlig; перевод и адаптация выполнены М. В. Чумаковым). Для коррекции и уточнения осуществлялся обратный перевод шкал.

3. Поскольку было установлено, что эмпирическое распределение данных не соответствует закону нормального распределения, обработка результатов проводилась по критерию Колмогорова – Смирнова.

Краткое описание параметров диагностики по шкалам

1. *Шкала суицидальных намерений*. Диагностирует представленность у испытуемых размышлений на тему суицида и наличие попыток совершения суицида. Балл по шкале состоит из суммы ответов на 4 вопроса, касающиеся наличия и частоты суицидальных мыслей и суицидальных попыток. Баллы начисляются в диапазоне от «никогда» до «очень часто», «много раз».

2. *Шкала самоанализа собственного настроения*. Диагностирует настроение в неделю, предшествующую тестированию. Высокий балл по тесту означает высокую выраженность эмоций страха, печали, подавленности, плохой сон, аппетит, трудности с концентрацией внимания, инициацией действий, низкую выраженность радости. Таким образом, высокий балл отражает негативные тенденции в эмоциональной сфере. Тест содержит 20 вопросов, каждый из которых имеет 4 градации ответов в диапазоне от «редко или вообще нет» до «чаще всего, все время». Градация ответов означает продолжительность настроения в течение недели. Например, ответ «иногда» на пункт «был печальным» означает, что испытуемый отмечал это переживание с частотой 1–2 дня в неделю.

3. *Шкала самоанализа собственного оптимизма*. Результаты по тесту, состоящему из 20 пунктов с двумя вариантами ответа, показывают выраженность у испытуемого оптимизма. Высокие баллы свидетельствуют о том, что испытуемый

позитивно смотрит на свое будущее, считает, что его жизнь в будущем будет лучше, чем сейчас.

4. *Шкала стресса в процессе учебы в университете.* Состоит из 5 вопросов, направленных на субъективную оценку стресса перед экзаменами и т. д., а также вопроса на общую субъективную оценку стресса в процессе учебы в университете. Интенсивность стресса оценивается в четырех градациях — от позиции «низкая» до «высокая».

5. *Шкала стрессогенных событий за год.* Состоит из перечня 25 стрессогенных ситуаций, таких как смерть близкого родственника, расставание с партнером, тяжелое заболевание или травма, сложности с однокурсниками, трудности приспособления к занятиям или преподавателям в университете и др. Испытуемый фиксирует стрессоры, которые имели место в течение прошедшего года, и стрессогенное воздействие каждого из них по 4-балльной системе — от «никакого влияния» до «крайне негативного влияния». Таким образом, выясняется стрессогенность прошедшего года, которая складывается как из объективного количества пережитых стрессовых событий, так и из их субъективной оценки.

6. *Шкала позитивного самонастроения.* Включает в себя 38 высказываний, обращенных к себе самому. Например, «я с этим справлюсь», «все хорошо, все так, как должно быть» и др. Испытуемый должен оценить, насколько часто он использует позитивный самонастрой, по 4-балльной шкале — от «никогда» до «часто». В высоком итоговом балле отражается позитивный самонастрой.

7. *Шкала реакций на стресс.* Шкала реакций на стресс диагностирует такие виды реакций, как «застывание» в стрессовой ситуации (например, утверждение «эта ситуация еще долго мучает меня»); реакция вины («я говорю себе, что это не моя вина»); реакция быстрого преодоления стресса («я справляюсь с этим быстрее, чем другие»); реакция выяснения причин стресса, планирования и контроля поведения и активных действий («я пытаюсь точно уяснить причины, повлекшие за собой эту ситуацию», «я активно пытаюсь изменить ситуацию»).

Процентное соотношение ответов на вопросы шкалы суицидальных намерений у мужчин и женщин

По данным самоотчета, суицидальные попытки никогда не предпринимались 94,1 % испытуемых мужского пола, предпринимались однажды 5,4 % и предпринимались неоднократно 0,5 %. Также по данным самоотчета, суицидальные попытки никогда не предпринимались 90,0 % испытуемых женского пола, предпринимались однажды 8,8 % и предпринимались неоднократно 1,2 %. Решение о самоубийстве с его планированием никогда не принималось 82,6 % испытуемых мужского пола, принималось однажды 15,1 %, принималось неоднократно 2,3 %. Решение о самоубийстве с его планированием никогда не принималось 74,5 % испытуемых женского пола, принималось однажды 22,6 %, принималось неоднократно 2,9 %. Никогда не размышляли на тему суицида 44,0 % испытуемых мужского пола, редко рассуждали на эту тему 29,7 %, иногда — 20,2 %, часто — 4,9 %, очень часто — 1,3 %.

Никогда не размышляли на тему суицида 28,8 % испытуемых женского пола, редко рассуждали на эту тему 36,2 %, иногда — 27,4 %, часто — 6,4 %, очень часто — 1,2 %. Лично никогда не задумывались о самоубийстве 60,9 % испытуемых мужского пола, однажды задумывались — 28,1 %, много раз задумывались — 11,0 %. Лично никогда не задумывались о самоубийстве 50,6 % испытуемых женского пола, однажды задумывались — 40,7 %, много раз задумывались — 8,6 %.

Результаты статистического сравнения и их обсуждение

В таблице показано, что различия между юношами и девушками по совокупности вопросов шкалы суицидальных намерений значимы на статистическом уровне.

Таким образом, можно констатировать наличие половых различий в суицидальных намерениях у студентов университета. Кроме того, в таблице отражены половые различия по некоторым параметрам эмоционально-волевой сферы личности студентов, которые, по результатам наших предыдущих исследований, оказались связанными с суицидальными намерениями [Chumakov, Chumakova].

Сравнение мужчин и женщин по суицидальным намерениям и показателям эмоционально-волевой сферы личности (критерий Колмогорова – Смирнова)

Показатель	Среднее арифметическое, мужчины (n = 391)	Среднее квадратическое отклонение, мужчины	Среднее арифметическое, женщины (n = 864)	Среднее квадратическое отклонение, женщины	Z	Уровень значимости p
СН	5,64	1,95	6,11	1,99	2,494	0,001
Стресс 1	10,42	3,24	11,36	2,84	2,559	0,001
Стресс 2	10,18	9,59	10,19	8,60	1,209	0,107
ПН	14,82	8,59	16,62	9,36	1,599	0,012
ОН	2,71	3,90	3,55	3,47	1,768	0,004
ПСН	17,86	15,72	19,79	14,65	1,236	0,094
МПС	11,61	5,67	14,15	5,46	3,518	0,001
БПС	38,24	10,13	35,99	8,93	2,361	0,001

Примечание. СН — суицидальные намерения; стресс 1 — стресс в университете; стресс 2 — стрессовые события за год; ПН — пониженное настроение; ОН — оптимистичное настроение; ПСН — позитивный самонастрой; МПС — медленное преодоление стресса; БПС — быстрое преодоление стресса.

Как показано в наших предыдущих исследованиях, имеют место значимые положительные корреляции между выраженностью суицидальных намерений

и стрессом в университете, стрессовыми событиями за год, пониженным настроением и медленным преодолением стресса. Значимые отрицательные связи обнаружены между выраженностью суицидальных намерений и оптимистичным настроением, позитивным самонастроением, быстрым преодолением стресса [Чумаков, Чумакова]. Таким образом, различия в этих параметрах эмоционально-волевой сферы личности могли бы объяснить половые различия в суицидальных намерениях.

Испытуемые женского пола статистически значимо больше подвержены учебному стрессу. То есть они испытывают более интенсивную стрессовую нагрузку перед экзаменами, в быту во время учебы в университете, а также более высоко оценивают в общем уровень стресса в процессе учебы в университете. Стрессовая нагрузка у девушек за прошедший год не отличается от таковой у юношей (шкала «Стресс 2»). Это согласуется с литературными данными о том, что разница в негативных жизненных событиях у мужчин и женщин невелика [Емашева, Розанов, Бирон]. Если проанализировать стрессогенные события за год, связанные с учебой, такие как провал на экзамене, сложности с однокурсниками, трудности приспособления к занятиям или преподавателям в университете, разочарование в изучаемом предмете, невидение смысла в учебе, то статистически значимые различия наблюдаются только по показателю провала на экзамене. Причем этот показатель выше у юношей. Можно предположить, что у девушек выше экзаменационная тревожность (показатель интенсивности стрессовых ситуаций перед экзаменами как один из индикаторов показателя «Стресс 1»), но меньше провалов на экзаменах и стресса, связанного с этим фактом. Высокая тревожность и стрессы перед экзаменами являются одним из факторов, снижающих количество провалов на экзаменах. Вместе с тем общая стрессогенность учебы — фактор, более значимый для девушек, что влечет за собой повышение суицидальных намерений. Предположение о более высокой экзаменационной тревожности девушек согласуется с некоторыми литературными данными. Так, в исследованиях А. М. Прихожан выявлено, что в раннем юношеском возрасте девушки более тревожны, чем юноши [Прихожан]. Наши данные подтверждают эту закономерность на более позднем возрастном этапе.

Следующим показателем, имеющим связь с суицидальными намерениями, является пониженное настроение, которое, по нашим данным, статистически значимо выше у девушек, чем у юношей. Данные о связи депрессии, учебного стресса и суицидального поведения отражены в литературе [Руженкова]. Нами установлено, что показатель пониженного настроения отражает депрессивные тенденции, хотя наше исследование находится в пространстве психологии, а не медицины и мы избегаем клинических терминов. Как показывают наши предыдущие исследования, показатель пониженного настроения положительно коррелирует с суицидальными намерениями и, следовательно, может объяснять половые различия в этих намерениях. Показатель по шкале оптимистического настроения, который также связан с суицидальными намерениями, статистически значимо выше у женщин. Этот показатель не может объяснять обнаруженные

половые различия, поскольку оптимистическое настроение отрицательно коррелирует с суицидальными намерениями. Показатели пониженного настроения и оптимистичного настроения по некоторым позициям сходны. В то же время показатели шкал различаются, и в строгом содержательном плане они не являются полюсами одного и того же конструкта. Шкала пониженного настроения определяет настроение на протяжении недели, предшествующей тестированию. Шкала оптимистичного настроения фиксирует более типичные проявления испытуемых. Шкала пониженного настроения, помимо собственно эмоциональных проявлений, отражает аппетит, сон и состояние межличностных связей (одиночество, дружелюбность окружения). Шкала оптимистичного настроения в основном диагностирует оптимизм в отношении будущего. Между собой шкалы пониженного настроения и оптимистичного настроения коррелируют отрицательно ($r = -0.48$, $p < 0.001$). Значение коэффициента корреляции подтверждает, что измеряемые конструкты имеют сходство, но не идентичны. Таким образом, результаты, полученные по шкалам пониженного настроения и оптимистичного настроения, будут неоднозначны. Показатель по шкале пониженного настроения объясняет половые различия, а показатель по шкале оптимистичного настроения — нет.

Наши эмпирические данные показывают, что женщины возлагают больше надежд на будущее, оно представляется им более определенным, успешным, счастливым и связанным с реализацией потребностей и желаний. В некоторой степени это может объясняться большей способностью женщин к позитивному самонастрою, показатель которого выше у женщин, хотя и не достигает статистически значимых величин. Под позитивным самонастроением в парадигме применяемой методики диагностики подразумеваются мысленные обращения к самому себе, повышающие уверенность, а также отсутствие деморализующих обращений. Возможно, такие особенности внутреннего диалога способствуют оптимистическому взгляду на будущее. Об этом же свидетельствует положительная корреляция показателей по шкалам оптимистичного настроения и позитивного самонастроения ($r = 0.67$, $p < 0.001$). Корреляция позитивного самонастроения и пониженного настроения ожидаемо отрицательная ($r = -0.59$, $p < 0.001$).

Таким образом, три рассмотренных показателя образуют взаимосвязанный комплекс, один из компонентов которого объясняет полученные в исследовании половые различия, другой — не объясняет, а третий, не имея статистически значимых различий, может быть привлечен к интерпретации только косвенно. Возможно, данные параметры опосредуют взаимосвязь стресса и суицидальных намерений.

В нашем исследовании обнаружены корреляции между такими показателями, как стресс в университете и пониженное настроение ($r = 0.50$, $p < 0.001$), стрессовые события за год и пониженное настроение ($r = 0.35$, $p < 0.001$), стресс в университете и оптимистичное настроение ($r = -0.32$, $p < 0.001$), стрессовые события за год и оптимистичное настроение ($r = -0.20$, $p < 0.001$). Все эти показатели также связаны и с суицидальными намерениями. Наши эмпирические данные согласуются с некоторыми предположениями в литературе о том, что депрессия

является посредником между стрессом и суицидальными мыслями [Ang, Huan]. Мы установили, что пониженное настроение и оптимистичное настроение являются посредниками между стрессом и суицидальными намерениями, но есть и прямые связи показателей стресса в университете и суицидальных намерений ($r = 0.37, p < 0.001$) и стрессовых событий за год и суицидальных намерений ($r = 0.25, p < 0.001$). Таким образом, связи данных параметров разнообразны, и роль настроения не сводится только к посреднической функции.

Шкала медленного преодоления стресса отражает тенденцию долгого переживания стресса, постоянного мысленного возвращения к стрессогенному событию и отрицательным эмоциям, которые это событие вызывает. Быстрое преодоление стресса означает использование копинговых стратегий, снижающих напряженность ситуации. Это, например, действия по устранению причины стресса, планирование путей устранения неприятностей, самоконтроль, активное изменение ситуации и т. д. Женщины статистически значимо уступают мужчинам в применении копинговых стратегий преодоления стресса. Возможное объяснение этого заключается в том, что, по некоторым литературным данным, мужчины демонстрируют более выраженные волевые качества, чем женщины. Копинговые стратегии, отражаемые шкалой быстрого преодоления стресса, предполагают высокий уровень активности и самоконтроля, что характерно для волевых испытуемых. Однако это не объясняет полученные эмпирические данные, поскольку не все копинговые стратегии связаны с развитием воли. Различие в использовании копинговых стратегий может быть одной из причин более высокого показателя суицидальных намерений у женщин. Женщины дольше переживают стрессовые события, разница по этому показателю у женщин статистически значима по сравнению с мужчинами. Данные различия также объясняют более высокий показатель суицидальных намерений у женщин.

По результатам исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Эмпирически подтверждены половые различия в суицидальных намерениях. У женщин суицидальные намерения более выражены.
2. Предпосылками этих различий являются более выраженные у женщин переживания стресса во время учебы, пониженный фон настроения, более высокая длительность воздействия стресса на их эмоциональную сферу, менее эффективное применение женщинами копинговых стратегий.

Емяшева Ж. В., Розанов В. А., Бирон Б. В. Оценка степени выраженности жизненного стресса в половозрастном аспекте и его связи с суицидальными тенденциями // Медицинская психология. 2009. Т. 4, № 1. С. 39–44.

Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. Москва ; Воронеж, 2000. 304 с.

Розанов В. А., Рахимкулова А. С., Уханова А. И. Ощущение бессмысленности существования у подростков — связь с суицидальными проявлениями и психическим здоровьем // Суицидология. 2014. Т. 5, № 3 (16). С. 33–40

Розанов В. А., Лаская Д. А., Шаболтас А. В. Самоубийства студентов — что мы знаем, и чего мы не знаем (результаты анализа сообщений сетевых СМИ) // Суицидология. 2021. № 12 (3). С. 39–57. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-12-03\(44\)-39-57](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-12-03(44)-39-57)

Руженков В. А., Руженкова В. В. Некоторые аспекты суицидального поведения учащейся молодежи и возможные пути предупреждения // Сиб. вестн. психиатрии и наркологии. 2011. № 4. С. 52–54.

Руженкова В. В. Клиническая структура психических расстройств и особенности реагирования на учебный стресс лиц юношеского возраста с суицидальным поведением в анамнезе // Суицидология. 2019. № 10(3). С. 74–86. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-03\(36\)-74-86](https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-03(36)-74-86)

Смирнова Е. Н., Алеикина М. В., Кузьмина К. Д. Частота суицидального поведения студентов младших курсов транспортного вуза // Нижегород. психол. альманах. 2018. № 2. С. 15–21.

Туровая А. Ю., Каде А. Х., Величко М. А., и др. Проявления психоэмоционального стресса у студентов-медиков в зависимости от успеваемости в период сессии // Междунар. журн. прикладных и фундаментальных исслед. 2014. № 5. С. 145–146.

Уманский М. С., Хохлов М. С., Зотова Е. П. и др. Завершенные суициды: соотношение мужчин и женщин // Акад. журн. Зап. Сибири. 2018. № 14 (3). С. 76–78.

Хритинин Д. Ф., Паршин А. Н., Самохин Д. В. Ведущие факторы формирования и основные пути профилактики суицидального поведения студентов // Сиб. вестн. психиатрии и наркологии. 2015. № 2 (87). С. 71–75.

Чумаков М. В., Чумакова Д. М. Религиозность личности и суицидальные намерения студентов университета // Пед. образование в России. 2020. № 4. С. 169–176.

Ang R. P., Huan V. S. Relationship between academic stress and suicidal ideation: testing for depression as a mediator using multiple regression // Child Psychiatry and Human Development. 2006. Vol. 37, № 2. P. 133–143.

Chumakov M., Chumakova D. Parents' Personality, Marriage Satisfaction, Stress, and Punishment of Children in the Family // Behavioral Sciences. 2019. № 9(12). P. 153.

Ivey-Stephenson A. Z., Demissie Z., Crosby A. E. et al. Suicidal Ideation and Behaviors Among High School Students — Youth Risk Behavior Survey, United States, 2019 // MMWR. 2020. № 69 (1). P. 47–55.

Lew B., Kölves K., Osman A. et al. Suicidality among Chinese college students: A cross-sectional study across seven provinces // PLoS ONE. 2020. Aug. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0237329>

Статья поступила в редакцию 26.01.2023 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Научная статья

УДК 378.1 + 159.9 + 378.046.4 + 349.2

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.039

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕСУРСНОСТЬ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Гарольд Ефимович Зборовский¹
Варвара Сергеевна Каташинских²

^{1,2} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹garoldzborovsky@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-8153-0561>

²varvarass@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9768-372X>

А н н о т а ц и я. Научно-педагогические работники (НПР) рассматриваются в статье, с одной стороны, как одна из базовых социальных общностей вуза, с другой — как научно-профессиональное сообщество и научно-образовательная общность. НПР характеризуются наличием ряда ресурсов, среди которых одним из малоисследованных является символический ресурс. В статье дается трактовка символической ресурсности НПР, показывается ее роль и значение в развитии всей ресурсности этой социальной общности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: научно-педагогические работники (НПР); ресурсность НПР; символические ресурсы НПР

Б л а г о д а р н о с т и. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>

SYMBOLIC RESOURCE OF THE RESEARCH AND PEDAGOGICAL COMMUNITY OF UNIVERSITIES

Garold E. Zborovsky¹
Varvara S. Katashinskikh²

^{1,2} *Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia*

¹garoldzborovsky@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-8153-0561>

²varvarass@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9768-372X>

Abstract. Scientific and pedagogical staff (SPS) are considered in the article as, on the one hand, one of the basic social communities of the university, on the other — as a scientific and professional community and scientific and educational community. SPS are characterized by the presence of a number of resources, of which one of the least studied is a symbolic resource. The article gives an interpretation of the symbolic resourcefulness of the SPS, shows its role and significance in the development of the entire resourcefulness of this social community. The purpose of the article is to analyze the symbolic resourcing of the SPS as a phenomenon of higher education. The symbolic resourcefulness of the SPS is the subject of scientific research in the proposed article.

Key words: research and pedagogical staff (SPS); SPS resource; symbolic resources of SPS

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>

Введение

Научно-педагогические работники высшей школы (далее — НПП) являются одной из трех основных социальных общностей вуза, наряду со студентами и управленческим персоналом. Главная особенность этой общности состоит в выполнении ею двух наиболее значимых функций университета — образовательно-педагогической и научно-образовательной. Не случайно в названии исследуемой нами социальной общности оказались связанными термины «наука» и «педагогика» (последняя выступает как ядро образования). Свои основные функции НПП выполняют благодаря наличию у них определенной ресурсности, которую мы рассматриваем как важнейшую составляющую жизнедеятельности этой общности, позволяющую ей успешно выполнять свои профессиональные цели и задачи.

Ресурсность применительно к проблеме нашего исследования выступает как совокупность, а в ряде случаев — и взаимосвязь, целого ряда конкретных ресурсов, определяющих основные виды деятельности НПП. Эти ресурсы могут рассматриваться, с одной стороны, как реальные характеристики деятельности НПП, когда они имеются в наличии и демонстрируют свою «работоспособность» (скажем, исследовательские или публикационные ресурсы), с другой — как потенциал,

имеющийся у вузовских специалистов (к примеру, ресурс наставничества). Вслед за Э. Гидденсом мы рассматриваем ресурсы как «средства и способы, посредством которых в процессе производства и воспроизводства социальных практик включаются отношения преобразования» [Гидденс, с. 60].

Конвертация ресурсов в конкретные результаты деятельности НПР и есть тот главный смысл, который приобретают эти ресурсы в своем теоретическом и практическом значении для высшего образования. В этом плане проблема изучения ресурсности НПР, оценки ее эффективности и механизмов реализации крайне актуальна и явно стоит того, чтобы ею заниматься и в рамках научно-теоретического исследования, и в процессе практического решения поставленной проблемы.

Проблема ресурсов НПР требует исследования вследствие их большого количества и широкого диапазона, охватывающего практически все сферы высшего образования и вузовской жизни. Назовем лишь некоторые проявления ресурсности НПР, чтобы лучше увидеть масштабность задачи ее исследования. Это социально-демографические, исследовательские, образовательно-педагогические, публикационные, коммуникативные, символические, темпоральные, морально-идеологические и многие иные ресурсы. Широкий охват университетской жизнедеятельности целой «сетью» ресурсов НПР обусловил выбор в качестве объекта нашего исследования конкретной их группы (конкретного, но крупного вида ресурсности), иначе неподъемность исследовательской задачи сразу стала бы очевидной.

В силу указанной причины мы решили сосредоточить внимание на одном из малоисследованных видов ресурсности. К числу таковых, как показывает литература, несомненно, относится символическая ресурсность. Она может быть описана и объяснена как взаимосвязь отдельных символических ресурсов НПР, связанных с их реальными и потенциальными достижениями (научными степенями, учеными званиями, профессиональными наградами, экспертными статусами, научным и педагогическим авторитетом, доверием, моральным престижем и авторитетом среди коллег, моральными заслугами, честностью и неподкупностью, готовностью отстаивать честь и достоинство коллег как неотъемлемые профессиональные качества и др.). Особенность символической ресурсности, актуализирующая необходимость ее научного исследования, состоит в том, что на первый взгляд ее практическое преломление просто незаметно, символы они и есть символы. Чтобы их увидеть, оценить, использовать, нужно применить определенные методы исследования и выявить те процессы и явления, которые сразу не бросаются в глаза, но реально играют значительную роль и в жизни университетского сообщества, и в деятельности конкретных НПР.

Об этом далее и пойдет речь в статье. Ее целью станет анализ символической ресурсности НПР в качестве феномена высшего образования. Основные задачи, конкретизирующие цель исследования, формулируются следующим образом: выявление специфики символической ресурсности, ее содержания и структуры; трактовка количественных и качественных, объективных и субъективных характеристик символических ресурсов НПР; раскрытие связи между символическими

ресурсами НПП и основными формами (видами) их внутренней и внешней деятельности; рассмотрение специфики символической ресурсности различных групп НПП как проблемы их отношений и взаимодействий; выявление ценности символической ресурсности НПП для развития университетов, высшего образования в целом и ее оценки научно-педагогическими работниками.

Объектом нашего исследования являются научно-педагогические работники вузов Уральского федерального округа, предметом исследования выступает символическая ресурсность НПП.

Методология, методы и эмпирическая база статьи

В качестве методологии исследования мы используем несколько подходов, в первую очередь ресурсный, общностный и коммуникативный.

Применение ресурсного подхода означает осуществление типологии и содержательной разработки различных видов ресурсов НПП, в числе которых мы предлагаем выделить: *исследовательский ресурс* (активность и/или готовность участия в грантовых и инициативных проектах, хозяйственных работах, способность получать значимые научные результаты и др.); *публикационный ресурс* (публикационная активность, ее качество, степень вовлеченности в нее различных групп НПП и др.); *ресурс научно-педагогической квалификации* (реальный уровень научно-педагогической квалификации, активность НПП в области академического развития); *символический ресурс* («продуктивность» званий, научных степеней, наград, экспертных статусов и др.); *«идеологический» ресурс* (уровень знания, понимания, принятия целей стратегии развития университетов, а также готовности НПП к участию в ее реализации в новых условиях общества травмы); *ресурс научных коллективов* (наличие научных коллективов, школ и групп, их традиции и социальный капитал); коммуникативный ресурс (качество и плотность научных коммуникаций и др.); *темпоральный ресурс* (ресурсы социального времени НПП, возраст и др.); *ресурс наставничества* (ресурсы НПП, необходимые для воспроизводства научно-педагогических кадров, в том числе мотивация, компетенции наставничества и др.); *образовательно-педагогический ресурс* (ресурсы НПП, необходимые для формирования кадров для новой экономики, включая профессиональную и академическую мобильность, взаимодействие с практиками, современное знание отрасли) и др.

Применение общностного подхода означает изучение НПП как ключевого социального субъекта, качество ресурсности и поведенческие стратегии которого обеспечивают развитие и трансформацию отечественных вузов в условиях общества травмы. Методология названного подхода позволяет выделять и трактовать общностные характеристики НПП (взаимосвязи, модели взаимодействия, образ жизни, общность целей, задач профессиональной деятельности, интересов, капитал социальных связей, солидарности, доверия, идентичность, социальное время и др.) в качестве ресурсов, востребованных и мобилизуемых университетским управлением.

Принципы общностного подхода позволяют сформировать новую повестку социолого-управленческого подхода в отечественных университетах, целью которого станут концентрация, опережающее формирование и бережливое использование социальных ресурсов НПП для сохранения устойчивого функционирования и развития университетов в российских регионах.

Обращение к *коммуникативному подходу* обусловлено постановкой исследовательских задач, реализация которых требует методологического арсенала коммуникативистики. Прежде всего, это необходимость изучения коммуникативного ресурса НПП, включающего как формальные, организационные, институционализованные коммуникативные структуры, так и неформальные, личностные и общностно-групповые коммуникативные связи, отношения, сети. Потенциал названного методологического подхода означает прежде всего выявление количественных и качественных параметров этого неформального коммуникативного ресурса НПП.

Достоинством коммуникативной методологии является ее способность «работать» на разных уровнях — индивидуально-личностном, общностно-групповом, организационном, институциональном. Это позволяет осуществить комплексный, уровневый анализ коммуникативного ресурса НПП и разработать управленческие подходы, интегрирующие различных субъектов коммуникативного процесса — отдельных научно-педагогических работников, коллективы, университетское сообщество, образовательные институты.

Указанные методологические подходы были конкретизированы сквозь призму методов эмпирического исследования ресурсности НПП. В первую очередь это метод полуструктурированных интервью, который позволяет осуществить комплексный анализ ресурсности НПП университетов УрФО через описание ее качественных характеристик в мнениях и оценках преподавателей, а также администрации вузов и экспертов в сфере высшего образования. При описании количественных элементов ресурсности необходим анализ вторичных статистических данных, который позволит конкретизировать характеристику каждого из названных ресурсов с целью описания их актуального состояния и определения основных проблем и рисков мобилизации ресурсности НПП в вузах УрФО.

Для реализации сформулированных выше цели и задач исследований вузов российских регионов мы обратились к изучению ресурсности НПП УрФО, обосновав выбор округа тем, что его высшее образование репрезентирует состояние, тенденции изменений, проблемы всей российской высшей школы. Всего в вузах УрФО сегодня работают 14 535 чел., представляющих научно-образовательную общность НПП, среди них 2 043 доктора и 8 262 кандидата наук. Конечно, в структуре населения округа НПП вузов составляют не очень заметную его часть. Однако среди групп, которые образуют авангард социума, присутствие этих работников весьма заметно и значимо, даже если мы примем во внимание его неравное распределение по субъектам Федерации в границах УрФО. Так, в вузах Курганской области работают 573 чел. (докторов — 51, кандидатов — 386), в ХМАО-Югре — 1 011 чел. (докторов — 119, кандидатов — 662), в ЯНАО — 12 чел.

(1 доктор и 11 кандидатов наук). Самыми ресурсными являются вузы Свердловской (6 154 чел., докторов — 884, кандидатов — 3324), Челябинской (4 447 чел., докторов — 634, кандидатов — 2594) и Тюменской (2 338 чел., докторов — 354, кандидатов — 1325) областей [Сведения о численности ППС образовательных организаций...].

Ресурсность НПР представляет собой интеллектуальный актив федерального округа, однако редко становится предметом глубокой научной и управленческой оценки, что очень важно для развития самих университетов региона, областей и городов, входящих в состав УрФО, экономической и социальной сфер его территорий.

Эмпирической базой послужили результаты исследований российского высшего образования, которые авторы проводят в УрФО с 2016 г. В анализе использованы материалы полуструктурированных интервью с преподавателями и руководителями вузов России по проблемам их развития (2016–2018 гг., $n = 80$; 2021 г., $n = 32$); а также по вопросам мобилизации ресурсности НПР (2023 г., $n = 40$). В декабре 2021 г. — январе 2022 г. был осуществлен анализ документов стратегического планирования развития высшего образования и науки УрФО с целью выделения приоритетов академического развития НПР и требований к ним в условиях реализации национальной стратегии повышения конкурентоспособности вузов (проект «5–100», программа «Приоритет-2030»). Также осуществлен вторичный анализ данных исследований и управленческой аналитики по научной деятельности Уральского федерального университета, представленный в публикациях и официальных отчетах.

Исследование базировалось на анализе массива статистических данных, отражающих основные показатели развития российского высшего образования и университетов УрФО в период 2014–2022 гг. В качестве источников статистических данных использовались базы мониторинга эффективности организаций высшего образования, статсборники «Индикаторы образования» и «Вузовская наука: барьеры и перспективы», данные мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ, информационно-аналитические сборники «Научный потенциал» и «Основные показатели научно-исследовательской деятельности вузов Минобра России» (2018).

По данным мониторинга эффективности вузов за 2020/21 уч. г., УрФО был представлен 90 организациями, среди которых 73 государственные и муниципальные, 17 — частные, 47 вузов и 43 филиала. Среди вузов УрФО — федеральный университет, национальный исследовательский университет, 2 опорных университета, 5 вузов — участников программы «Приоритет-2030», из них 3 университета — участники проекта «5–100».

Вузы округа были дифференцированы по показателям научной деятельности и роли в ней главного субъекта — НПР. Были выделены группы вузов, относящихся к «ядру», «полупериферии» и «периферии» высшего образования [Зборовский, Амбарова, 2018, с. 382].

Теоретическая рамка

Рассматривая теоретическую рамку исследования символической ресурсности НПП, мы считаем необходимым остановиться на теориях ресурсной зависимости, социальной общности, а также концепции символического капитала П. Бурдьё. В соответствии с теорией ресурсной зависимости исследование символической ресурсности НПП опирается на нее постольку, поскольку организации и системы высшего образования не только зависят от окружающей их среды, но и сами способны влиять на нее [Pfeffer, Salancik]. Применительно к организациям высшего образования в регионе это означает важность изучения их возможностей тесно и плодотворно взаимодействовать с экономикой, наукой, социальной и культурной сферами.

На это же ориентирует теория стейкхолдеров [Freeman, Moutchnik]. В ней организация рассматривается через набор субъектов, которые нуждаются в ее деятельности, а развитие этой организации показывается через учет их интересов и требований. Эта теория может использоваться для анализа трансформации системы высшего образования, ориентированной на одного стейкхолдера (государство), в нелинейную систему, сталкивающуюся с множеством стейкхолдеров (государство, наука, бизнес, семья, студенты). Причем в основе исследования трансформационных процессов высшего образования лежит теория зависимости его ресурсов от их предыдущего развития [David].

Система высшего образования (и НПП как часть ее структуры) в последнее время начинает в корне изменяться практически во всех странах. Происходит переопределение ситуации неравенства и социальной стратификации в образовательных системах разных стран [Buchmann, Park]. Сравнивается эффективность национальных систем образования по степени помощи педагогическому персоналу и в целом людям, включенным в образование, развивать возможности, необходимые для их успешной социальной интеграции (качество образования) и социального продвижения (образовательное равенство) [Pfeffer, Hertel].

Много работ направлено на изучение внутрисистемных изменений в сфере высшего образования, роли научно-педагогических работников в организации учебного процесса в контексте парадигмальных изменений [Fernandez, Bueno], следствий использования новых методик и их интеграции с традиционными формами обучения, повсеместного внедрения в учебный процесс новых технологий коммуникации, распространения онлайн-обучения [Gamiz Sanchez, Gallego Arrufat].

Ряд названных выше проблем рассматривается в работах российских исследователей. Особенно это касается качества высшего образования [Кузьминов, Семенов, Фрумин], исследования социального неравенства и дифференциации в образовании, его роли в социальной мобильности и формировании социальной структуры общества [Константиновский], изучения непрерывного образования как элемента системы высшего и послевузовского образования [Ключарев]. Российскими исследователями также делаются попытки решения проблем, связанных

с трансформациями системы высшего образования. Ими рассматриваются направления и формируются цели структурной политики в сфере высшего образования.

Применительно к изучению символической ресурсности НПП теория ресурсной зависимости ориентирует на выявление имеющихся достижений в использовании символических ресурсов и их реализацию в повседневных практиках университетской деятельности. При этом особое значение приобретают те группы ресурсов, с которыми символические могут и должны взаимодействовать. Имеются в виду такие ресурсы, как социально-демографический, исследовательский, публикационный, морально-этический, коммуникативный, образовательно-педагогический, темпоральный и др.

Если рассмотренная теория ресурсной зависимости ориентирует на выявление связи НПП, их символической ресурсности с различными видами и типами названных выше ресурсов, то теория социальной общности подсказывает иной ракурс теоретической рамки исследования — анализ научно-педагогических работников как социальной общности, которая требует своей конкретизации в рамках профессионально-педагогической и научно-образовательной ее разновидности. Еще один угол зрения на социальную общность НПП — рассмотрение ее в виде научно-педагогического сообщества.

Построение теоретической рамки нашего исследования базируется на интерпретации НПП как особой социальной общности и профессионального сообщества. Это предполагает поиск ответов на следующие вопросы: что собой представляет социальная общность как научная категория? Как она конкретизируется на уровне вузовских социальных общностей? В чем состоят особенности НПП как социальной и образовательной общности, социально-профессионального сообщества?

В самом общем виде мы трактуем *социальную общность* как объединение (совокупность) индивидов на основе существующих между ними социальных связей, благодаря которым появляются относительно устойчивые формы взаимодействия и совместной жизни как малых, так и больших групп людей. При этом мы используем характеристику социальной общности, данную В. А. Ядовым. Он определял ее как «взаимосвязь человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов благодаря сходству условий бытия и деятельности людей, составляющих данную общность, их материальной, производственной и иной деятельности, близости их взглядов, верований, их субъективных представлений о целях и средствах деятельности» [Ядов, с. 17–18].

По нашему мнению, главными признаками социальной общности являются: относительная целостность, осознание людьми своей принадлежности к данной общности (идентификация и самоидентификация), схожие условия жизни и деятельности, наличие определенных пространственно-временных полей бытия, реализация функций самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания различными ресурсами и их использования [Зборовский, с. 109–110]. Такой подход позволяет определить социальную общность как реально существующую, эмпирически фиксируемую, относительно

единую и самостоятельную совокупность и взаимосвязь людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям.

Разновидностью социальной общности является *социальное сообщество*. Его специфика определяется наличием у того или иного объединения индивидов общих целей, базирующихся на признании совпадающих социокультурных ценностей. Социальное сообщество — это конкретизация социальной общности, ее определенный тип. По существу, социальная общность формирует рамки того или иного сообщества. Таким образом, мы можем рассматривать социальную общность НПП, с одной стороны, как социальное, с другой — как научно-педагогическое профессиональное сообщество.

Профессиональные сообщества представляют собой ассоциации и объединения профессионального характера, обладающие организационными структурами и выполняющие особые функции в рамках более широких профессиональных общностей [Cherrington, Macaskill, Flutey]. К профессиональным сообществам целесообразно относить различные организации и структуры, включающие представителей профессиональной общности. К их числу относятся и НПП, которых мы идентифицируем как научно-образовательную общность.

Саму научно-образовательную общность мы рассматриваем в качестве взаимосвязи (совокупности) людей, их групп и объединений, которые характеризуются доминантой научно-образовательной деятельности в их образе жизни, обусловливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью (гомогенностью) состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, общностями [Зборовский, Амбарова, 2022].

Говоря о том, что в образе жизни этой общности доминантной деятельностью является научно-образовательная, мы полагаем вместе с тем, что сегодня для самой общности образовательные практики выступают чаще всего главными и занимают ведущее место в сравнении с научной деятельностью ее членов. В этом проявляется специфика отечественных НПП, отличающая ее от подобных зарубежных сообществ [Magi, Beerkens; Szromek, Wolniak]. Занятие наукой для значительной части педагогов российских вузов является делом вторичным, в сравнении с преподаванием, тогда как в большинстве университетов развитых стран мира учебный процесс сопряжен с активной научно-исследовательской деятельностью.

Наконец, еще одна составная часть нашей теоретической рамки — концепция символического капитала П. Бурдьё. Созданная на стыке его теорий социального (экономического, культурного) капитала и символической власти в 1970–1980-е гг. названная концепция помогает понять суть символических ресурсов как важного инструмента деятельности отдельных людей, социальных групп и общностей, общества в целом. Символические ресурсы у французского ученого выступают как разновидность символического капитала. Сам же «символический

капитал есть не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия...» [Бурдьё, 2005, с. 80].

Чтобы понятие символического капитала Бурдьё можно было применить к исследованию символических ресурсов НПР, приведем одну важную конкретизацию французского социолога — его пример звания (дворянского, ученого, профессионального) как символического капитала, гарантированного юридически. Так, символический капитал неотделим от ученого звания, «поскольку система образования стремится все более и более представить дальнейшие и верные гарантии для всех профессиональных званий» [Бурдьё, 1993, с. 75]. В этом смысле символический капитал обладает самоценностью. Этот капитал подчеркивает символическую дефицитность звания в пространстве различных профессий, что очень важно, поскольку «вознаграждение за звание имеет тенденцию автономизироваться по отношению к вознаграждению за труд» [Там же, с. 76].

В связи со сказанным становится понятной еще одна идея Бурдьё, связанная с символическим капиталом: обладание им является основанием для символической власти. «Символический капитал — это доверие, власть, предоставленная тем, кто получил достаточно признания, чтобы быть в состоянии внушать признание» [Бурдьё, 2005, с. 84]. Стало быть, наличие символического капитала есть определенный путь к возникновению символической власти, которая затем может быть конвертирована в другие виды власти, в другие ресурсы, но может остаться и сама собой, как вид власти самодостаточной. С такой точки зрения интерес представляет следующее суждение Бурдьё: «Символическая власть есть власть творить вещи при помощи слов. В этом смысле символическая власть есть власть утверждения или проявления, возможность утвердить или проявить то, что уже существует» [Там же].

Поэтому не случайно французский социолог уделяет большое внимание анализу символической власти в единстве с использованием ею символического капитала. Он выстраивает символические системы власти, основанные на различных структурах символов, показывает различные символические инструменты ее утверждения. Но при этом все-таки делает важный вывод: «Символическая власть есть превращенная, т. е. неузнаваемая, преобразованная и легитимированная форма власти, подчиненная другим формам власти» [Бурдьё, 2005, с. 95].

Для нашего исследования, если говорить коротко, значение приобретает несколько иной ход мысли, имеющей двойную направленность, но сохраняющей ключевые позиции французского социолога. С одной стороны, мы должны исходить из символических ресурсов, имеющихся в распоряжении НПР, приумножении их в направлении обогащения символического капитала и превращения его во властный ресурс этой социальной общности, т. е. ресурс, приводящий к усилению властных возможностей университетского сообщества. С другой стороны, эта тенденция должна быть замеченной управленческим персоналом, новая функция деятельности которого может стать приглашением для части НПР «разделить» символическую власть в университете.

Теоретико-эмпирические проблемы ресурсности НПП и ее символической разновидности

Каждый из выделенных нами ниже одиннадцати видов ресурсности НПП характеризует тот или иной элемент профессиональной деятельности изучаемой нами социальной общности. Ресурсы можно разделить на три группы в зависимости от сферы, которую они затрагивают.

В первую группу входят исследовательский, публикационный и образовательно-педагогический ресурсы, напрямую связанные с конкретным видом деятельности НПП. Во вторую группу — ресурсы наставничества, научных коллективов и морально-идеологический, в зависимости от субъектов профессионального взаимодействия. В третью — ресурсы, отражающие индивидуальные характеристики каждого НПП. К ним можно отнести социально-демографический ресурс, ресурс научно-педагогической квалификации, темпоральный, коммуникативный и, наконец, символический.

Безусловно, названные виды ресурсов сложно характеризовать абсолютно автономно друг от друга. На практике все они в той или иной степени имеют определенную взаимосвязь и взаимозависимость. Однако именно символический ресурс в рамках профессиональной деятельности НПП обуславливает значительную часть возможностей и ограничений каждого конкретного работника. Ведь символический ресурс включает в себя уровень званий, научных степеней, наград, экспертных статусов, высокий индекс Хирша, цитируемость. А эти показатели дают возможность сотруднику вуза занимать должности в определенном диапазоне, выполнять порой существенно различающиеся виды деятельности, наконец, обуславливают тарифный разряд при расчете заработной платы. Кроме того, есть заданные критерии при отборе претендентов на те или иные должности, на участие в грантах и научных исследованиях, на работу с магистрантами, аспирантами, докторантами. «Чаще других для оценки результативности научной деятельности используются показатели публикационной активности: число статей, опубликованных в российских и международных журналах, монографий и глав из них; цитируемость; индекс Хирша и пр.» [Вузовская наука: барьеры и перспективы, с. 23]. Например, степень доктора наук открывает для преподавателя не только возможность работы с аспирантами и докторантами, но и членство в диссертационных советах, редколлегиях журналов, возможность руководства и рецензирования серьезных грантовых заявок. Помимо того, существенно увеличивается заработная плата, появляются перспективы карьерного роста, возможности для реализации административных амбиций.

Символический ресурс имеет кумулятивный характер. Любой из перечисленных выше статусов, будь то ученая степень, звание, высокий индекс Хирша или цитируемость, достигается путем длительного труда, связанного с накоплением профессионального опыта, развитием компетенций, расширением профессиональных контактов, наращиванием социального капитала.

Символический ресурс, как и любой другой, обладает целым рядом характеристик. Среди них можно выделить объективные (занимаемая должность, наличие и уровень званий, ученых степеней, наград, экспертных статусов, индекс Хирша, цитируемость) и субъективные (социальный и человеческий капитал, уважение коллег и студентов, соблюдение субординации).

Вместе с тем существует еще одна характеристика символической ресурсности НПП, определенная нами как «проявленность». Она позволяет проанализировать связь между символическими ресурсами НПП и основными видами их деятельности. «Проявленность» — это своего рода индикатор, который дает возможность оценить, насколько продуктивно НПП использует имеющиеся у него символические ресурсы в своей образовательной, профессиональной, инновационной деятельности, во взаимоотношениях с коллегами, студентами, руководством. Мы выделяем формальную и неформальную «проявленность». Формальная «проявленность» будет характеризовать объективные, а неформальная — субъективные символические ресурсы.

Объективные символические ресурсы проявляются через научные публикации (их количество и качество), высокий индекс Хирша и цитируемость, количество аспирантов и докторантов (для докторов наук), руководство или участие в научных группах и исследованиях. Именно они связаны с основными видами деятельности преподавателя: образовательно-педагогической, научно-исследовательской, проектной. «Проявленность» субъективных символических ресурсов характеризуется активной общественной деятельностью, наставничеством, профессиональными контактами, авторитетом работника, что связано с его морально-этической деятельностью.

В ходе анализа вышеназванных характеристик символической ресурсности НПП становится хорошо понятной основная сложность ее изучения. Зачастую обретение того или иного символического ресурса не является прямо пропорциональным его «проявленности». Например, после защиты диссертации публикационная и исследовательская активность ряда преподавателей может резко снизиться, если основной мотивацией к защите был не научный интерес, а «производственная» необходимость (с целью повышения заработной платы, сохранения рабочего места и т. п.). В другом варианте публикационная активность может быть достаточной, но цитируемость — низкой, так как статьи публикуются посредственного качества в «мусорных» изданиях с целью выполнения формальных показателей. Либо данное противоречие будет проявлено в ситуации, когда при наличии у профессора аспирантов долгие годы никто из них не выходит на защиту диссертации.

И если измерение объективных символических ресурсов сложно, но реально осуществить путем изучения количественных показателей деятельности НПП, то субъективные символические ресурсы и их «проявленность» возможно измерить только путем качественных оценок, методиками, работающими на стыке психологии и социологии.

Субъективные символические ресурсы имеют такие индикаторы, как наличие авторитета, соблюдение субординации, социальный капитал, доверие,

солидарность, авторитет у коллег и руководства (научный, педагогический, моральный), честность, неподкупность, готовность защитить коллег, отсутствие страха перед начальством и др. Так, например, исследование феномена доверия в системе высшего образования, проведенное на территории УрФО, показывает, что самыми значимыми качествами, которые вызывают доверие коллег в научно-педагогическом сообществе, являются профессиональные коммуникативные навыки (64,7 % респондентов), нравственные качества (честь, долг, справедливость) (61,4 %), открытость, искренность, готовность помогать другим (61,1 %). И только после них преподавателями были названы качества, напрямую связанные с профессиональной деятельностью (высокий уровень профессиональной культуры, методический профессионализм преподавателя) [Доверие как фундаментальная проблема..., с. 161]. Таким образом, субъективная символическая ресурсность в рамках НПР проявляется в первую очередь в «человеческих» отношениях внутри преподавательского коллектива.

Не менее важными оказываются и взаимоотношения с руководством разных подразделений вузов. Ведь по результатам исследований образовательной политике руководства вузов доверяют не более 30–40 % преподавателей УрФО, а для повышения их доверия к системе управления в 63 % случаев респонденты отмечали необходимость снижения уровня бюрократического контроля, в 44 % — говорили о внедрении и проведении человеко-ориентированной кадровой политики [Там же].

НПР — общность высокообразованная, имеющая значительный интеллектуальный, социальный и человеческий капитал. Безусловно, отношения между разными группами такой общности должны строиться на основе партнерства, взаимопонимания, уважения к личности. Вместе с тем в преподавательской среде в настоящее время наблюдается низкий уровень доверия к власти, управленческим структурам, администрации вузов, в то время как отношения доверия и уверенности сконцентрированы на уровне кафедр [Каташинских].

Вышеназванные индикаторы «проявленности» объективных и субъективных символических ресурсов обусловлены внутренними факторами, так как зависят они в основном от желания и интересов самого НПР. В то же время существует ряд внешних факторов, которые влияют на «проявленность» как объективных, так и субъективных символических ресурсов. Зачастую, особенно в вузах периферии и полупериферии, мы видим ситуацию, когда у преподавателя просто нет возможности пользоваться своим символическим ресурсом. Сюда можно отнести проблемы финансирования, когда преподаватель не публикует результаты своих научных трудов или не проводит исследования из-за отсутствия материальных ресурсов, будь то внутривузовские субсидии либо грантовые, хоздоговорные, ведь поддерживаются исследования далеко не во всех сферах научных интересов. «Многие занятые наукой подразделения вузов, вне зависимости от объема доходов, испытывают дефицит финансирования. По оценке руководителей, общий объем финансирования едва превышает две трети требуемого уровня. Еще ниже показатели доступности финансовых средств для стимулирования исследователей и повышения их квалификации» [Вузовская наука: барьеры и перспективы, с. 19].

Помимо финансовых проблем, существуют еще и организационные, и кадровые, когда в вузах отсутствуют научные группы, производится недостаточный набор аспирантов и докторантов либо его нет вовсе. Исследования показывают, что обеспеченность подразделений вузов, занимающихся научной деятельностью, квалифицированными исследователями в УрФО составляет 64,8 % от необходимого уровня [Там же, с. 9]. Более того, в ходе интервью в рамках нашего исследования коллеги говорили о том, что далеко не все преподаватели, обладающие значимыми символическими ресурсами и работающие в вузах с высокими рейтингами, имеют необходимые им ресурсы для профессионального развития:

Безусловно, очень важен личный бренд преподавателя, но он невозможен без бренда университета и тех научных групп, коллективов, в которые он включен. Но в нашем университете их очень мало. И получается, что, несмотря на то, что наши преподаватели работают в «брендовом» вузе, не все имеют доступ к тем ресурсам, которые вуз им может предоставить и которыми они хотели бы воспользоваться (О. Б., ст. преподаватель).

К кадровым проблемам также можно отнести отсутствие сменяемости кадров, в том числе и на руководящих должностях. Особенно это видно в небольших вузах, когда ННР может занимать одну и ту же должность долгие годы. В 62,2 % случаев образовательные, в 39,7 % — научно-образовательные и в 40,7 % — научные подразделения вузов укомплектованы и новые сотрудники им не требуются [Там же, с. 14].

И наконец, важным внешним фактором, определяющим проявленность символической ресурсности, является статус (тип) вуза, в котором ННР работает. Преподаватели с большим опытом работы в разных вузах говорят, что

...с точки зрения символического статуса на имидж преподавателя в большей степени работает статус вуза и его имиджевые характеристики и в меньшей мере его собственные (О. Б., ст. преподаватель).

Выше мы уже упоминали о том, что символический ресурс является основой символической власти. Стоит отметить, что в научно-педагогическом сообществе этот феномен особенно проявляется. Ведь обладание тем или иным ресурсом открывает для ННР самые разные возможности, начиная с административной карьеры и заканчивая личным авторитетом. Здесь необходимо отметить, что в вузовской среде очень многое строится на взаимоотношениях коллег, на их авторитете, социальном и личном капитале. Отчасти поэтому символический ресурс играет такую важную роль в характеристике научно-педагогического сообщества. Звание доцента или тем более профессора автоматически должно вызывать уважение и поднимать авторитет преподавателя, потому что свидетельствует о значительных научных и педагогических заслугах и достижениях. Однако на практике не каждый работник, обладающий определенной символической ресурсностью, имеет и символическую власть. Данную мысль подтверждают и наши коллеги:

Символическая власть зависит от того, насколько ученое звание работает на имидж вуза: какую пользу этот НПП приносит, публикуется ли он, ведет ли он важные и нужные для вуза исследования. Само по себе наличие ученого звания конкретного сотрудника вузу ничего не дает и не означает его «вхожест» в кабинеты руководства. И ровным счетом наоборот: человек, не обладающий ученым званием, может эти кабинеты открывать просто потому, что он делает очень много для вуза (Е. Н., зам. директора центра карьеры и социального партнерства).

Преподаватель вуза в своей профессиональной деятельности относительно автономен от руководства. Как правило, он напрямую взаимодействует только с заведующим кафедрой, руководителем образовательной программы, а со всем остальным многочисленным бюрократическим аппаратом современного вуза рядовой преподаватель, даже если это доцент или профессор, практически не взаимодействует. НПП получает только официальные бумаги, требования, регламенты, нормативы и т. д., которыми он должен руководствоваться в своей работе. Отсюда следует, что в вузовском сообществе формальные символы власти (в первую очередь авторитет высокой должности) обезличены. В то время как истинной символической властью будут обладать те работники, которые пользуются большим авторитетом у своих коллег благодаря научным, педагогическим и другим профессиональным успехам и достижениям. Однако здесь необходимо отметить, что политика государства по сокращению числа НПП и увеличению бюрократического аппарата вуза вступает в противоречие с вышеобозначенным тезисом: численность руководящего персонала в вузах РФ неуклонно растет (с 26,5 до 30,5 тыс. чел. с 2010 по 2022 гг., т. е. на 15 %), в то время как численность ППС (с 356,8 до 217,7 тыс. чел. за аналогичный период, т. е. на 39 %) и научных работников (с 21,6 до 16,7 тыс. чел. за тот же период, т. е. на 23 %) сокращается [Индикаторы образования: 2023, с. 303]. Это говорит о повышении престижа руководящих должностей в вузах вкупе с той символической властью, которой эти сотрудники наделяются, в противовес ухудшению условий труда рядового НПП, нагрузка на которого неуклонно увеличивается.

Значение символической ресурсности НПП для развития и университетов, и высшего образования невозможно переоценить. Несмотря на ряд противоречий и сложность ее измерения, неоспоримым остается тот факт, что количество «эффективных», «проявленных» докторов и кандидатов наук в вузе напрямую влияет на качество образовательной и научной деятельности, которая в нем осуществляется. Ведь чем выше активность НПП в профессиональной среде (его цитируемость, работа в качестве эксперта, рецензента), чем глубже его научные и исследовательские интересы, тем насыщенней и шире становятся его взгляды, тем более наполненной становится и образовательная деятельность,

...чем выше статус сотрудника, тем больше у него социальный капитал, который можно использовать в работе (Е. Н., зам. директора центра карьеры и социального партнерства).

Исследования и научные разработки, которые осуществляют ННР, обладающие значимой символической ресурсностью и символической властью, безусловно, являются серьезным вкладом в развитие экономики, общественных отношений, технологий, словом, всех сфер жизнедеятельности нашего общества.

Заключение

Исследование символической ресурсности ННР имеет большое значение для общей характеристики рассматриваемой социальной общности, поскольку показывает ее растущий потенциал, связанный с использованием малоизученных ресурсов. Внимание, уделяемое этой проблеме, требует выявления связи ННР с другими группами ресурсов рассматриваемой социальной общности. Отсюда необходимость нового, более глубокого изучения символической ресурсности ННР в единстве с другими видами ресурсов.

Нужна разработка особой методологии и методики изучения ресурсных взаимозависимостей ННР с учетом внутренней их дифференциации. Должен стать понятным возможный результат этого взаимодействия, выражаемый в единицах измерения ресурсов. Проблема, по нашему мнению, должна войти в круг управленческих и стать предметом пристально наблюдения.

Бурдьё П. Социология политики : пер. с фр. М., 1993. 336 с.

Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр. ; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М. ; СПб., 2005. 288 с.

Вузовская наука: барьеры и перспективы : информ. бюл. / Е. А. Стрельцова, А. А. Репина, А. В. Нестеренко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2022. 32 с.

Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2005. 528 с.

Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования : монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских и др. / под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург, 2020. 382 с.

Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург, 2009. 304 с.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Университеты, которые могут изменить себя и макро-регион // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 16. М., 2018. С. 373–392.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 5. С. 147–180.

Индикаторы образования: 2023 : стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2023. 432 с.

Каташинских В. С. Доверие как проблема качества высшего образования: дисциплинарные подходы к ее исследованию // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2018. № 4 (55). С. 41–51.

Ключарев Г. А. Непрерывное образование в контексте глобализации и поисков идентичностей // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 111–116.

Константиновский Д. Л. Феномен неравенства в сфере отечественного образования // Социология образования. 2011. № 9. С. 22–44.

Кузьминов Я. И., Семенов Д. С., Фруммин И. Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // *Вопр. образования*. 2013. № 4. С. 8–63.

Сведения о численности ППС образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования // Министерство науки и высшего образования : сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-professorsko-prepodavatelskogo-sostava-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushch> (дата обращения: 19.06.2022).

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. Самара, 1995. 248 с.

Buchmann C., Park H. Stratification and the formation of expectations in highly differentiated educational systems // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2009. Vol. 27, iss. 4. P. 245–267.

Cherrington S., Macaskill A., Flutey J. Developing a pan-university professional learning community // *International Journal for Academic Development*. 2018. № 23(4). P. 298–311. <https://doi.org/10.1080/1360144X.2017.1399271>

David P. A. Path dependence, its critics and the quest for ‘historical economics’. Oxford and Stanford University, 2002. 324 p.

Fernandez J. T., Bueno C. R. Evaluation of professional competences in higher education: challenges and implications // *Educación XXI*. 2016. Vol. 19, № 1. P. 17–38.

Freeman R. E., Moutchnik A. Stakeholder management and CSR: questions and answers // *Umwelt Wirtschafts Forum*. 2013. Vol. 21, № 1. P. 5–9.

Gamiz-Sanchez V., Gallego Arrufat M. J. Model for analyzing blended learning in higher education // *Educación XXI*. 2016. Vol. 19, № 1. P. 39–61.

Magi E., Beerkens M. Linking research and teaching: Are research-active staff members different teachers? // *Higher Education*. 2016. № 72 (2). P. 241–258. <https://doi.org/10.1007/s10734-015-9951-1>

Pfeffer F. T., Hertel F. R. How has educational expansion shaped social mobility trends in the United States? // *Social Forces*. 2015. Vol. 94, iss. 1. P. 143–180.

Pfeffer J., Salancik G. The external control of organizations: A resource dependence perspective. Stanford University Press, 2003. 336 p.

Szromek A. R., Wolniak R. Job Satisfaction and Problems among Academic Staff in Higher Education // *Sustainability*. 2020. № 12(12). P. 1–38, June.

Статья поступила в редакцию 08.02.2023 г.

Научная статья

УДК 378.046 + 159.922 + 37.014:004.032.6 + 167:159.923.2

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.040

РАЗВИТАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ «ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОЛИЛОГА»

Светлана Валерьевна Юрлова

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

yurlova2000@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1836-1803>

А н н о т а ц и я. В статье исследуется проблема субъектности в образовании, в частности специфика взаимодействия с аудиторией, обладающей развитой субъектностью. На основе анализа конкретного педагогического опыта рассматриваются наиболее эффективные методы работы педагога с грамотной и высоко мотивированной аудиторией. Автор опирается на понятие «внутренней формы личности», сформулированное П. Щедровицким. Отказ от принципов исполнительской культуры в образовательном процессе возможен на основе широкого информационного поля, в рамках которого студенты должны выстроить собственную стратегию и определить основания систематизации материала с учетом сформулированной педагогом исследовательской парадигмы. Опираясь на методологию М. Бахтина, автор вводит понятие «педагогический полилог». Наличие развитой субъектности у обучающихся с необходимостью влечет за собой взаимодействие в формате «педагогического полилога», где педагог и студенты являются равноправными действующими, мыслящими, говорящими и оценивающими субъектами. Активная реализация субъектности как студента, так и педагога порождает ситуацию взаимообучения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: магистратура; педагогический полилог; субъектность; цифровая образовательная среда; цифровая педагогика; самоконструирование

DEVELOPED SUBJECTIVITY OF STUDENTS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF A “PEDAGOGICAL POLYLOGUE”

Svetlana V. Yurlova

Ural Federal University, Ekaterinburg,

yurlova2000@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1836-1803>

Abstract. The article explores the problem of subjectivity in education, focusing on the specifics of interaction with an audience that possesses developed subjectivity.

© Юрлова С. В., 2023

Based on the analysis of specific pedagogical experience, the most effective methods of a teacher's work with a competent and highly motivated audience are considered. In this regard, the author relies on the concept of the "inner form of personality" formulated by P. Shchedrovitsky. The principle of self-construction underlying the "inner form of personality" presupposes the presence of a wide information field within which students must build their own strategy and the basis for systematization of the material, taking into account the research paradigm formulated by the teacher. Based on the methodology of M. Bakhtin, the author, introduces the concept of "pedagogical polylogue". The presence of developed subjectivity among students necessarily entails interaction in the format of a "pedagogical polylogue", where the teacher and students are equal acting, thinking, speaking and evaluating subjects. The active realization of subjectivity of both the student and the teacher generates a situation of mutual learning.

Key words: magistracy; pedagogical polylogue; subjectivity; digital educational environment; digital pedagogy; self-construction

Введение

Современная ситуация в российском образовании давно является предметом дискуссий как в научной среде, так и в публичном общественном пространстве. Одним из факторов, стимулирующих этот процесс, стала ситуация пандемии. Внезапное перемещение образовательного процесса в цифровую среду обнажило ряд важнейших проблем [Yurlova] и показало, что неторопливое реформирование уже невозможно. Кроме того, переход на дистанционную форму обучения за время пандемии получил мощный импульс к дальнейшему развитию и на сегодняшний день все шире применяется в образовательном процессе.

Одной из особенностей процесса обучения, ярко проявившейся в новой ситуации, является резкое повышение требований к самостоятельной работе обучающегося. Кроме того, в ситуации онлайн-обучения контроль за самостоятельностью выполнения заданий чрезвычайно затруднен, поскольку обучающийся находится вне зоны нашего непосредственного восприятия, контроля и оценивания. Это требует кардинального изменения подхода к системе и методам обучения, доминирующую позицию должны занимать творческие задания, выполнение которых невозможно в режиме «скопировал — вставил». Следствием произошедших изменений становится актуализация подхода, основанного на принципах «педагогического диалога» или «педагогического полилога», при котором активность обучающегося должна многократно возрастать.

Актуальность

Проблема субъектности личности является хорошо разработанной как в философии, классической психологии, так и в педагогических исследованиях. В рамках последних активно обсуждается проблема кардинальных изменений

в современном обществе и их влияния на образовательный процесс [Личность в эпоху перемен...]. Именно проблема субъектности становится точкой пересечения интересов психологов, педагогов и философов. Так, А. Г. Асмолов называет важнейшее качество личности — ее незавершенность и в связи с этим говорит о невозможности «заложить» в образовательный процесс готовый результат. Разворачивая идею незавершенности личности, он указывает на важность умения человека успешно адаптироваться в ситуации неопределенности, столь характерной для современного мира [Асмолов]. Разработка концепта субъектности в рамках педагогических исследований позволяет выстроить основания для движения к гуманизации педагогики [Кислов, Щербин].

Сложившееся в науке определение субъекта как действующей, активно развивающейся, обладающей высокоразвитым самосознанием и способностью к целеполаганию личности при всей своей абстрактности остается актуальным по сей день. Однако в педагогических исследованиях мы сталкиваемся с более упрощенной трактовкой понятия субъектности [Левина].

Степень изученности проблемы

Можно выделить три группы проблем субъектности в образовательном процессе: 1) проблема формирования и развития субъектности обучаемого; 2) проблема реализации субъектности педагога в современном образовательном процессе; 3) проблема развития субъектности самого педагогического процесса, соответствие форм и методов обучения задаче реализации субъектности как педагога, так и обучающегося.

К наиболее обсуждаемым проблемам можно отнести проблему субъектности обучаемого [Кушнир, Рабинович, Заведенский]. Однако камнем преткновения является как раз третья составляющая проблемы — формы и методы обучения, направленные на реализацию субъектности в педагогическом процессе. Ответом на вопрос «как это сделать?» становится формула — *мы должны сформировать* у обучающегося субъектность как необходимое качество личности. Эта формула по умолчанию фиксирует отношение к обучающемуся как к объекту. Если же исходить из современной когнитивной теории, то субъектность обучающегося в определенном смысле неизбежна, поскольку мы имеем дело с человеком, а не машиной. Такая установка приводит к противоречию, возникающему между доминирующим подходом в обучении, основанном на формировании исполнительской культуры, и реальным сознанием ученика, которое в определенной мере закрыто для педагога и, как правило, творчески интерпретирует полученную информацию.

За пределами исследовательского интереса остается вопрос о том, как нужно работать с обучающимся с уже сформированной и ярко выраженной субъектностью. Представим себе класс или студенческую группу, где каждый из обучающихся уже обладает субъектностью. Они все разные, высоко мотивированные и способные к реализации своей внутренней потребности в обучении. В этом случае педагогическая особенность ситуации состоит в том, что просветительская

модель не работает и взаимодействие в режиме «вы должны освоить» приводит к резкому снижению мотивации обучающихся. Современный молодой человек, будь то старшеклассник или студент, живет и развивается в глобальном мире медиа, который требует от него критического мышления и умения работать с огромным разнообразием информации. Включаясь в образовательный процесс, ученик сталкивается с моделью, которая противоречит его опыту. Тем более когда педагог имеет дело со взрослыми людьми, хорошо владеющими своей специальностью, ни о какой традиционной системе «я учитель — ты ученик» не может быть и речи.

Методология исследования

Анализ проблемы субъектности лежит в поле междисциплинарных исследований. Важно попытаться найти разумный компромисс между абстрактно-философским и узкопедагогическим подходом. Точкой соприкосновения этих двух подходов выступает понимание субъектности как качества целостной личности, определяющего ее деятельную активность, способность к целеполаганию и креативности.

Философской методологией исследования стала концепция М. Бахтина, в частности, его главная идея — о диалогической природе человеческого сознания и бытия. С этой точки зрения коммуникация в поле культуры (а значит, и бытия человека в целом) невозможна в рамках субъект-объектного взаимодействия. «При объяснении — только одно знание, один субъект; при понимании — два сознания, два субъекта. К объекту не может быть диалогического отношения, поэтому объяснение лишено диалогических моментов (кроме формально-риторического). Понимание всегда в какой-то мере диалогично» [Бахтин, 2017, с. 289–290]. Такой подход позволяет отказаться от трактовки взаимодействия в образовательной среде как отношения между обучающим субъектом и обучаемым объектом.

Другой методологической посылкой является концепция П. Г. Щедровицкого, обосновавшего модели антропологического содержания, принципов и закономерностей становления «человеческого фактора». Главное — это определение «внутренней формы человека» как основы его субъектности. П. Г. Щедровицкий указывает на ряд важнейших условий реализации субъектности человека. Во-первых, реализация возможна только в режиме актуализации. Во-вторых, этот режим предполагает необходимость выхода за границы известного, преодоление границы нормы [Щедровицкий].

Главной особенностью образовательного процесса, которая детерминируется как развитой субъектностью обучаемых, так и цифровой средой, является проблемный принцип работы с учебным материалом. Работа в логике «педагогического диалога» или «педагогического полилога» невозможна в режиме передачи информации. К сожалению, творческая составляющая учебного процесса часто понимается как возможность ведения дискуссий в процессе обсуждения той или иной проблемы, однако, этого недостаточно. Необходимость работы с большим потоком информации требует от студента не только навыка отбора и фильтрации

информации, но и способности критически воспринимать и переосмысливать информацию, вырабатывая собственные способы целеполагания и локации в информационном поле. Принципиально меняется и подход к преподаванию. Если в традиционной модели задача педагога дать определенный объем знаний и проконтролировать, как материал осмыслен и усвоен, то в работе со зрелой аудиторией такой подход с неизбежностью приведет к исчезновению мотивации к учебному процессу.

Как уже было отмечено ранее, согласно концепции П. Щедровицкого, основой субъектности личности является «внутренняя форма человека», возникающая в результате самоконструирования [Щедровицкий] и реализующаяся только в его активности. Следовательно, учебный процесс должен иметь две главные цели: 1) активизация деятельности составляющей — не «осваиваем и применяем, а ищем и добываем»; 2) формирование проблемного поля исследования, выходящего за границы известного и раскрывающего «зону ближайшего развития» [Выготский]. Предвидя возражения по поводу использования концепции Л. Выготского для характеристики взаимодействия со взрослой аудиторией, хочу отметить следующее: на мой взгляд, понятие «зона ближайшего развития» является универсальным для обоснования целей и методов проблемного обучения. У каждого есть свои границы возможностей, как интеллектуальные, так и деятельностные. Однако активный процесс обучения требует не только разрыва шаблона, но и движения в неизвестное. В такой ситуации задача педагога принципиально меняется или как минимум серьезно трансформируется. Если формулировать предельно обобщенно, то она состоит в том, чтобы обозначить информационное поле, соответствующее целям того или иного курса, и задать основания дифференциации информационного потока. При этом важным является сочетание свободы выбора материала и методов работы с необходимостью опоры на сформулированные педагогом направления исследования. Это требует тщательного подбора и анализа контента для занятий, который должен включать в себя как классический (письменный текст), так и неклассический (новые медиа) варианты.

И еще одна теоретическая посылка, которую необходимо предварительно сформулировать: обучение и образование не являются тождественными. Обучение предполагает доминирование субъект-объектного взаимодействия, поскольку в его основе лежит передача определенной информации от педагога к обучаемому. Однако когда мы говорим об образовании, речь идет о глубоком осмыслении информации, которое оказывает прямое воздействие на формирование и преобразование картины мира в сознании обучающегося, а это внутрисубъектная деятельность.

Цель исследования

Цель исследования — обобщить накопленный опыт работы со студентами, обладающими уже сформировавшейся субъектностью, и проанализировать наиболее

эффективные подходы к процессу обучения. Под субъектностью понимается качество личности, предполагающее высокую степень ее мотивированности, коммуникабельности, умение критически мыслить и отбирать информацию.

Педагогическое исследование

Материалом для исследования послужил опыт работы с магистрантами первого курса нового направления магистратуры Уральского гуманитарного института УрФУ «Цифровая педагогика и когнитивные технологии». Появление этого направления стало ответом на актуальные запросы современной системы образования, возникшие в период пандемии. В процессе разработки образовательной программы и осуществления первого набора было много сомнений, связанных с междисциплинарным характером нового направления. Особенно волновал вопрос: кого заинтересует новое направление? Будут ли это специалисты с педагогическим образованием или люди, связанные с IT-сферой, практикующие педагоги или вчерашние выпускники вузов? Результат оказался чрезвычайно интересным. Именно нестандартность ситуации, сложившейся в процессе обучения группы магистрантов направления «Цифровая педагогика и когнитивные технологии», и стала предметом исследования.

В первом семестре текущего учебного года (2022/23 уч. г.) работа с магистрантами вышеназванного направления проходила в рамках курса «Онлайн-ресурсы в воспитательной деятельности». Важно подчеркнуть, что задача курса не сводилась к тому, чтобы просто проанализировать разнообразие онлайн-ресурсов, а предполагала проработку различных методов использования этих ресурсов в воспитательном процессе.

На начальном этапе работы стало понятно, что студенты, сидящие в аудитории, существенно отличаются от привычной университетским педагогам студенческой пассивной массы.

Во-первых, сразу проявилась высокая мотивированность студентов магистратуры и хорошо оформившийся образовательный запрос. Люди, которые пришли на эту программу, хорошо знают, зачем это нужно и какой результат они хотят получить по завершении обучения. Не секрет, что в большинстве случаев студенты бакалавриата не только слабо представляют себе сферу будущей деятельности, но и вообще плохо ориентируются в предметном поле выбранной специальности. В составе же исследуемой группы недавние выпускники бакалавриата оказались в меньшинстве.

Во-вторых, будучи уже сформировавшимися личностями, в том числе и в профессиональной сфере, большинство из студентов обладали существенным профессиональным и жизненным опытом.

В-третьих, были серьезные опасения насчет успешности взаимодействия как между педагогом и аудиторией, так и между самими обучающимися. Дело в том, что в данной группе собрались представители самых разных сфер. Разумеется, почти половина магистрантов — это люди с педагогическим образованием,

продолжающие работать по специальности. Однако среди них были филологи, математики, историки, химики и т. п. Кроме того, несколько человек имели техническое образование. Существенную группу составляли выпускники гуманитарных специальностей — философы, лингвисты, искусствоведы. Перед педагогом стояла задача скорректировать материалы курса с учетом столь пестрой аудитории.

Четвертый момент, который является существенным, — цифровая среда, в которой предстояло работать. Безусловно, это основополагающий аспект программы обучения на данном направлении, но необходимо учитывать, что в современном обществе существуют различия между поколениями в контексте цифровой среды. Исследователями выделяются как минимум два типа поколений — «аналоговое» и «цифровое»: «...“аналоговое” поколение определяется как разновозрастная аудитория СМИ, территориальная локализация которой не имеет значения. Это поколение предпочитает прежде всего аналоговые СМИ, так как они не обладают высоким уровнем цифровой компетентности и лишь дискретно используют технологии в повседневной практике. В свою очередь, “цифровое” поколение идентифицируется как медиааудитория, владеющая информационными технологиями на высоком уровне, использующая, прежде всего, цифровые медиа и социальные медиа на базе мобильных устройств, предпочитающая короткие формы общения, воспринимающая информацию нестандартно — линейно и дискретно» [Sumskaia, Sumskoj, Solomeina, p. 553–554]. Не секрет, что большинство представителей преподавательского состава относятся к «аналоговому» поколению, а это означает, что в условиях цифровой среды «ученик превосходит учителя». То, что у старшего и среднего поколений вызывает трудности, для современного молодого человека — естественная «среда обитания».

Рассмотрим несколько кейсов, проработанных в процессе освоения анализируемого курса.

Кейс № 1

Как уже было сказано выше, важной теоретической посылкой исследования является понимание образования как формирования или расширения сложившейся картины мира. Узкая трактовка образования как системы формирования знаний, умений и навыков не дает возможности содержательно проанализировать воспитательный аспект этого процесса. Однако если под образованием понимать формирование картины мира, основанной на базовых духовно-нравственных ценностях, то доминантой образовательного процесса становится воспитание.

Именно поэтому первым заданием, которое было сформулировано, стал анализ и обсуждение текста документа «Концепция духовно-нравственного воспитания и развития личности гражданина России» [Данилюк, Кондаков, Тишков]. Нужно было найти точки соприкосновения в представлениях о духовно-нравственных ценностях личности людей с различным профессиональным и жизненным опытом.

Были сформулированы три основных задачи: 1) анализ наиболее актуальных и спорных моментов данного документа; 2) выявление базовых компонентов картины мира студентов и поиск тех мировоззренческие доминант и проблем,

которые являются общими для большинства аудитории; 3) анализ предложенного текста с учетом собственного профессионального опыта.

Главные выводы, сформированные в результате обсуждения, касались как содержания самого текста, так и проблемы размытости духовно-нравственных ориентиров современного российского общества. Интересно, что ряд студентов обратили внимание не только на абстрактный характер концепции, но и на ее архаичность, отсутствие связи содержания концепции с современными реалиями. Результатом работы стало осознание большинством студентов заинтересованности в понимании стратегических задач духовно-нравственного воспитания и стремления связать их реализацию с профессиональным опытом.

Важным моментом, существенно повлиявшим на результаты работы, стало то, что студенты находились одновременно в положении и обучающегося, и педагога. Двунправленность процесса определялась тем, что многие продолжали педагогическую деятельность на основном месте работы, в том числе осуществляя классное руководство и внеурочную воспитательную деятельность.

Кейс № 2

Курс «Онлайн-ресурсы в воспитательной деятельности» требовал серьезного обсуждения вопроса о специфике коммуникации в цифровой среде. Нужно было ввести в интеллектуальное поле студентов новый материал и новый язык. Достижение необходимого результата осложнялось тем, что опыта чтения сложных философских текстов у большинства студентов было мало (в группе только один студент имел философское образование). Можно было предложить материал в формате лекции, однако было важно активизировать интеллектуальный потенциал студентов.

Педагог поставил следующие задачи: 1) прочитать работу Л. Мановича «Теории софт-культуры» [Манович. Теории софт-культуры] (в связи с тем, что чтение сложного философского текста могло вызвать трудности, был предложен другой вариант — видеолекция автора); 2) ответить на вопрос: каковы главные особенности языка новых медиа?

Обсуждение строилось вполне традиционно, хотя и вызвало трудности у студентов негуманитарных специальностей.

Кроме того, стало ясно, что использование в качестве материала видеоконтента (наряду с письменной формой) оказалось правильным решением и большинство аудитории опиралось именно на видеoversию теории новых медиа.

Важным результатом обсуждения стало не только введение в оборот теории новых медиа, но и то, что в процессе подготовки язык новых медиа (videoleкция Л. Мановича) доказал свою эффективность [Манович. Новые медиа].

Кейс № 3

Как уже было сказано, задача курса состояла не столько в том, чтобы представить многообразие онлайн-ресурсов, сколько в том, чтобы получить опыт работы с ними как с особым инструментом воспитательной деятельности. Кроме

того, необходимо было сформировать задание, направленное на деятельностное освоение языка новых медиа.

Задача включала два компонента: во-первых, прочитать статью У. Эко «К семиотическому анализу телевизионного сообщения» [Эко]; во-вторых, предложить свою версию анализа семиотических кодов в различного рода контенте. Было сформировано несколько малых групп, каждая из которых самостоятельно выбирала тот вариант семиотического кода, который показался более интересным, и сама определяла, на каком материале будет проводить исследование. В результате несколько групп студентов не только сделали качественный анализ кодов, сформулированных в статье У. Эко, но и предложили совершенно новые варианты. Наиболее интересными стали работы по исследовавшим звуковых и портретных кодов.

Одной из главных неожиданностей, возникших в процессе выполнения этого задания, стало разрушение представления о том, что обучение в магистратуре студентов, не имеющих профильного образования (в данном случае философского или психологического), неэффективно. Обсуждение предложенных работ показало, что разнообразие сфер деятельности и уже имеющееся образование не является препятствием и дает неожиданные результаты. Важную роль сыграло то, что при всем разнообразии опыта существовала общая платформа — цифровые технологии и хорошо знакомый студентам мир интернета. Новизна учебного материала и для студентов, и для педагога порождала очень продуктивные перекрестные дискуссии. То, что скрыто от лингвиста или филолога, увидит математик, а то, что непонятно химику, легко визуализирует искусствовед. Здесь кроется ответ на сакраментальный вопрос: зачем математику литература, а химику лингвистика? Эффект синергии, возникший в процессе коллективного обсуждения, стал наиболее значимым результатом этой работы.

Кейс № 4

Основная часть курса предполагала работу с различными формами онлайн-ресурсов (виртуальный музей, блог, социальная сеть и т. п.). Работа с материалом была условно поделена на две части: 1) работа с виртуальными музеями; 2) социальные сети и блогосфера.

Задачи были сформулированы следующим образом:

1) с помощью ссылок (<https://artsandculture.google.com> и <https://www.culture.ru/s/virtualnye-progulki>) выбрать любой вариант виртуального музея (художественный, исторический, музей-заповедник, литературный и т. п.);

2) показать, как работает выбранный ресурс, какие возможности он дает и есть ли преимущества виртуальной версии перед реальным посещением.

Непосредственная работа с материалом виртуальных музеев строилась по принципу русской сказки — «поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Задача состояла в том, чтобы не только обозначить информационное поле, но и задать стратегию видения. Безграничное разнообразие предложенной информации требовало от студентов четкого понимания своего интереса, умения

работать с разнообразным контентом и главное — способности к систематизации и логической подаче материала. Полученный результат не разочаровал. Спектр представленных ресурсов включал как традиционные версии художественных музеев, так и неожиданные — такие как «Музей Холокоста» (США, <https://www.ushmm.org>) и потрясающий ресурс Nemo Science Museum (Нидерланды, <https://www.nemosciencemuseum>). Важным результатом этой работы было не только расширение информационного поля для каждого из присутствующих, но и тщательная проработка различных компонентов избранного ресурса (подкасты, игры, «детская комната» и т. п.). Итогом данной работы стал распад системы «учитель — ученик» и возникновение ситуации бахтинского «полилога» — многоголосия, множественности мыслящих субъектов [Бахтин, 1979], каждый из которых обладал не только собственным опытом, но и уникальным взглядом на решение проблемы.

Вторая часть работы строилась на основе анализа воспитательного потенциала социальных сетей и блогосферы. Предложенные задачи были отчасти провокационными: студентам предстояло на материале выбранной ими социальной сети или блога попытаться разрушить взгляд на эту часть интернет-пространства как заведомо вредную для подрастающего поколения. Одновременно требовалось сконцентрировать внимание не на обучающем компоненте, а на возможностях влияния на духовно-нравственную сторону личности.

Свобода владения различными формами интернет-контента у студентов существенно выше, чем у педагога. Обладая достаточно ограниченным опытом, педагог стремился формулировать вопросы, исходя из собственного незнания и непонимания: как согласовываются свобода выбора в Сети и сетевой диктат? Как сочетаются стилистика блогинга и воспитательный процесс? Ситуация вынуждала студентов выходить за пределы привычного взгляда и создавала разнонаправленность дискуссии, которой было очень сложно управлять.

По итогам совместной деятельности нами было сделано два главных вывода, которые следует учитывать в работе с обучающимися, обладающими развитой субъектностью: 1) педагог должен признавать за аудиторией приоритет в определенных сферах деятельности; 2) процесс коммуникации в этом случае характеризуется как взаимообучение.

Результаты педагогического исследования

Базовыми принципами, лежащими в основе эффективного взаимодействия с обучающимися, которые обладают развитой субъектностью, можно назвать следующие:

1. Основу субъектности составляет «внутренняя форма человека», возникающая в результате самоконструирования. Из этого следует, что главная задача образовательного процесса состоит в актуализации и вовлечении в учебный процесс всех форм субъектности — от способности к целеполаганию и построению исследовательской стратегии до встраивания новой информации в сложившуюся картину мира личности.

2. При осознанной и целенаправленной ориентации педагога на «внутреннюю форму человека» его основная деятельность состоит в выборе информационного поля и принципов отбора, систематизации материала.

3. Наличие развитой субъектности у обучающихся влечет за собой взаимодействие в формате «педагогического полилога», где педагог и студенты являются равноправными действующими, мыслящими, говорящими и оценивающими субъектами.

4. Важной характеристикой учебного процесса выступает принцип взаимообучения, расширение проблемного поля и выход в «зону ближайшего развития».

Заключение

Современное образование развивается в принципиально новых условиях. Цифровизация образовательного процесса, усложнение задач, стоящих перед обществом, выстраивание многоплановой системы непрерывного образования — все эти факторы требуют перехода от принципа субъект-объектного взаимодействия к принципам «педагогического полилога». Проведенное исследование показало, что успешность этого процесса в первую очередь зависит от стремления педагога поставить студента в равноправную позицию активно действующего и мыслящего субъекта. Достигается это с помощью формирования широкого информационного поля, в рамках которого студенты должны выстроить собственную стратегию и принципы систематизации материала с учетом сформулированной педагогом исследовательской парадигмы. Только при таком подходе возможно преодоление доминирования принципов исполнительской культуры в системе образования и активизация способностей аналитического, критического и креативного мышления молодого поколения.

Асмолов А. Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы М., 2012. 447 с.

Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 424 с.

Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского М., 2017. 416 с.

Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 391–410.

Данилюк А., Кондаков А., Тихов В. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М., 2009 (Стандарты второго поколения) URL: https://schsv760.mskobr.ru/attach_files/upload_users_files/5dc90b2cd145a.pdf (дата обращения: 12.01.2023).

Кислов А. Г., Щербин М. Д. К педагогической актуализации концепта субъектности // Ценности и смыслы. 2022. № 1 (77). С. 28–42.

Кушнир М. Э., Рабинович П. Д., Заведенский К. Е. Модель формирования образовательного профиля «Алмаз личности» для развития образовательной активности учащихся // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 4. С. 637–654. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-formirovaniya-obrazovatel'nogo-profilya-almaz-lichnosti-dlya-razvitiya-obrazovatel'noy-aktivnosti-uchaschihsya> (дата обращения: 20.12.2022).

Левина И. Л. О субъектности субъекта учебной деятельности // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2012. № 2. С. 89–101.

Личность в эпоху перемен: mobilis in mobili : материалы междунар. науч.-практ. конф., 17–18 дек. 2018 г., г. Москва / под общ. ред. Е. Ю. Патяевой, Е. И. Шлягиной. М., 2018. 448 с.

Манович Л. Новые медиа : видеолекция. URL: <https://yandex.ru/video/preview/15367892315826819853> (дата обращения: 22.12.2022).

Манович Л. Теории софт-культуры // The Internet Archive : website. URL: https://archive.org/details/2017_theory-of-soft-culture/page/n5/mode/2up (дата обращения: 12.01.2023).

Щедровицкий П. Г. Введение в философскую и педагогическую антропологию. М., 2018. 359 с.

Эко У. К семиотическому анализу телевизионного сообщения. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/eco.htm> (дата обращения: 15.01.2023).

Sumskaya A., Sumskoy P., Solomeina V. Subcultures of the “Analogue” and the “Digital”: Prospects of Intergenerational Communication // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity Ekaterinburg, 2020. P. 550–572.

Yurlova S. Problems and Prospects of On-Line Education in Russia: book chapter // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity. 2020. Ekaterinburg, 2020. P. 21–34.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023 г.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2023. Т. 29. № 2

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48319 от 27.01.12.

Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
Адрес учредителя: 620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 23.06.2023. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 19,8. Усл. печ. л. 19,3. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Цена свободная. Заказ 98.
Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- электронно-сетевая версия журнала зарегистрирована в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации 01.12.2017 г. с присвоением международного стандартного номера сериального издания ISSN 2587–7151;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- Журнал публикует научные результаты исследований по следующим специальностям:
 - 5.9.1. **Русская литература и литературы народов Российской Федерации** (филологические науки),
 - 5.9.2. **Литературы народов мира** (филологические науки),
 - 5.9.9. **Медиакоммуникации и журналистика** (филологические науки, философские науки, социологические науки),
 - 5.10.1. **Теория и история культуры, искусства** (культурология, философские науки, искусствоведение),
 - 5.10.2. **Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов** (культурология).Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

I. О ПОРЯДКЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

1. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более 0,75 одного учетно-издательского (авторского) листа (30 000 знаков с пробелами), не представленные для рассмотрения и публикации в другие журналы, и рецензии на научные издания объемом не более 20 000 знаков с пробелами.

Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи** (см. ниже требования к оригиналу).

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. В целях обеспечения высокого научного уровня публикаций редакция направляет статьи на рецензирование.

4. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.
5. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
6. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.
7. Отправка статьи для публикации в журнале означает согласие автора на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых интернет-источниках.

II. ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКОМУ ОРИГИНАЛУ

1. Авторский оригинал предоставляется в электронной версии в формате Microsoft Word или RTF и обязательно содержит следующие метаданные:

- название статьи;
- аннотацию (в которой указываются тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы) объемом 100–150 слов;
- ключевые слова;
- информацию о финансировании (если есть, с указанием номера проекта и его названия) и благодарности (при необходимости);
- перечень затекстовых библиографических ссылок;
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (при наличии); ученая степень, звание, должность; название организации (с указанием адреса); e-mail, ORCID.

2. Все метаданные предоставляются на русском и английском языках.

3. Страницы должны быть пронумерованы, переносы не расставляются.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами **Word** или **Exel**). Иллюстрации высылаются отдельными файлами в формате JPEG (разрешение не ниже 300 dpi). Все иллюстрации должны быть пронумерованы, а в тексте должны быть сделаны соответствующие отсылки.

III. ПОДГОТОВКА ЭЛЕКТРОННОГО ВАРИАНТА РУКОПИСИ

Гарнитура – Times New Roman.

Размер шрифта: основной текст, аннотация, ключевые слова, благодарности, таблицы, подрисуночные подписи, библиографический список – 14; сноски – 12.

Межстрочный интервал – 1,5.

Абзацный отступ.

Выравнивание текста по ширине.

Нумерация страниц внизу, справа.

Переносы не расставляются.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. н.*, *т. д.* В личных именах все элементы разделяются пробелами.

Дефис должен отличаться от тире.

Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах.

Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту («...» – внешние, “...” – внутренние).

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры. Века и тысячелетия обозначаются римскими цифрами.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
Не допускаются пробелы между абзацами.
В тексте могут использоваться общепринятые сокращения.

IV. СТРУКТУРА СТАТЬИ

Название статьи

Имя, отчество, фамилия автора

*Организация,
город, страна,
e-mail, ORCID*

Аннотация (5–7 строк, по ГОСТу 7.9-95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций)

Ключевые слова (7–10 для статей и не менее 3 для рецензий)

Благодарности

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (на английском)

Имя, инициал отчества, фамилия автора (на английском)

Организация (на английском),
город, страна (на английском)

Аннотация (на английском)

Keywords

Acknowledgements

(обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи)

Текст статьи

(возможна рубрикация текста и выделение следующих блоков: введение, методы, источники, обсуждение, результаты (выводы))

Затекстовый перечень библиографических ссылок (см. раздел V).

Фамилия, имя, отчество автора

Ученая степень, звание, должность

Организация

Физический адрес организации (с индексом)

E-mail

ORCID

Surname, name, middle name or patronymic

Academic degree, position

Organization

Mailing address

Email

ORCID

V. Примечания и библиографические ссылки

Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.

Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Инициалы автора в ссылках указываются в том случае, если в списке есть носители одной фамилии. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. В случае, когда несколько работ одного автора изданы в одном году, используются дополнительные буквенные индексы.

Ссылки на электронные публикации должны содержать все необходимые сведения об источнике: ФИО автора, название публикации, название сайта / портала, URL конкретной публикации, дату обращения. В тексте такие ссылки оформляются через фамилию автора или (при невозможности установить автора) название публикации, адрес сайта указывается только в библиографическом списке.

Отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расширяют:

[ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773, оп. 1, д. 27, л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773, оп. 1, д. 27, л. 14–14 об.]

Затекстовые ссылки оформляются в виде списка в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка». Список выстраивается в алфавитном порядке и не нумеруется. Обязательно указание на страницы цитируемых статей. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Труды, на которые нет ссылок в тексте статьи, в библиографический список не включаются.

Примеры оформления библиографических ссылок

Амзин А. А. Интернетжурналистика. Как писать хорошие тексты, привлекать аудиторию и зарабатывать на этом. М., 2020.

Бредихин А. Л., Удальцов А. А. Пропаганда как средство осуществления идеологической функции государства // *Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России.* 2020. № 3 (87). С. 10–14. DOI: 10.35750/20718284202031014

Быков И. А. PR и пропаганда как инструменты политической мобилизации: актуальные подходы // *Российская пиарология: тренды и драйверы* : сб. науч. тр. в честь проф. В. А. Ачкасовой / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб., 2021. С. 30–34.

В Свердловской области ввели обязательную вакцинацию отдельных категорий граждан // *ТАСС.* 2021. 1 окт. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/12555883> (дата обращения: 01.10.2021).

Ватаным Татарстан : [официальный сайт]. URL: <https://vatantat.ru/> (дата обращения: 03.10.2021).

Вировцева Е. В. Трансформация традиционных публицистических жанров в современных медиа // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* 2015. № 5. С. 207–213.

Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. : [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.20013).

Гаспаров М. Л. Сюжет и идеология в эзоповских баснях // *Вестн. древней истории.* 1968. № 3 (105). С. 116–127.

Герцен А. И. С того берега // *Соч. : в 9 т.* М., 1956. Т. 3. С. 58–112.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. «Серебряное» образование как ресурс развития региона // *Вестн. РУДН. Социология.* 2020. Т. 20, № 4. С. 939–952.

«Найти работу очень сложно»: где ждут пенсионеров. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/11/18/12819056.shtml> (дата обращения: 12.09.2021).

Педагогика взрослых: организация профессионального обучения граждан старшего возраста / Л. И. Воронина, Т. И. Касьянова, Т. Е. Радченко, Т. М. Резер. Екатеринбург, 2020. 248 с.

РГАВМФ (Рос. гос. арх. Военно-морского флота). Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187. *Сумароков А. П.* Избранные произведения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. 608 с. (Библиотека поэта).

Blasco Ferrer E. Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? DOI 10.1515/9783110243390.177 // *Indogermanische Forschungen*. 1993. № 98. P. 177–185.

Grove L. Emblematics and SeventeenthCentury French Literature: Descartes, Tristan, La Fontaine and Perrault. Charlottesville, 2000. 284 p. (EMF critiques).

La Fontaine J. Œuvres complètes. I. Fables, contes et nouvelles / Préface par E. Pilon et R. Groos ; texte établi et annoté par R. Groos (fables) et par J. Schiffrin (contes). [Paris], 1954. XVI, 877 p. (Bibliothèque de la Pléiade. Vol. 10).

Sinyavskaya O., Cherviakov A. A., Gorvat E. S. Does job change after becoming a pensioner contribute to maintaining employment in old age? // NRU HSE. Series WP BRP. Ser. : Public and Social Policy. 2020. № 25.

United States Department of State // *Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers*, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (accessed: 12.07.2013).

Walker B. M. No more heroes any more: the ‘older brother’ as role model. DOI: 10.1080/03057640701706169

Адрес редакции:

620000, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51. УрФУ, ИПЦ
Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования,
науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru